Голицын Н.
X
47

ИСТОРІЯ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ

ВЪ

РОССІИ

1861—1881

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
1887

1 экз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ч 50428 у

Печатано въ числѣ *пятидесяти* экземпляровъ.

Съ первыхъ лѣтъ учрежденія Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этого вѣдомства, за каждый истекшій годъ, излагались во всеподданнѣйшихъ „Отчетахъ“ Шефа Жандармовъ, представлявшихся на Высочайшее воззрѣніе. Въ концѣ 1860-хъ годовъ, когда кругъ вѣдомства Третьяго Отдѣленія и Корпуса Жандармовъ значительно расширился, дѣятельность же ихъ, съ появленіемъ политическихъ процессовъ, усилилась и усложнилась, эти всеподданнѣйшіе „Отчеты“ прекратились,—въ бытность Шефомъ Жандармовъ генералъ-адъютанта графа Шувалова. Между тѣмъ, въ двадцатилѣтіе съ 1861 по 1881 годъ, соціально-революціонное движеніе въ Россіи проявилось въ столь обширныхъ и разнообразныхъ формахъ, вовлекло въ область подпольной дѣятельности и крамолы столь многихъ дѣятелей, что правительство неоднократно ощущало потребность имѣть подъ рукою общее послѣдовательное изложеніе хода соціально-революціоннаго движенія, съ надлежащими подробностями, а также, въ качествѣ справочнаго матеріала,—свѣдѣнія о дѣятельности членовъ революціонной партіи, основанныя на точныхъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ матеріалахъ, имѣющихся въ дѣлопроизводствѣ и архивѣ вѣдомства Третьяго Отдѣленія *). Для удовлетворенія этой потребности, по иниціативѣ бывшаго Директора Департамента Полиціи, тайнаго совѣтника фонъ-Плеве, и съ одобренія бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-адъютанта графа Игнатьева, предпринято было, въ 1882 году **), составленіе оффиціальнаго изслѣдованія, подъ заглавіемъ: „Исторія соціально-революціоннаго движенія въ Россіи“ (1861—1881 гг.),—

*) Въ концѣ 1870-хъ годовъ, была сдѣлана попытка приступить къ подобной работѣ, и начало ея было напечатано, въ видѣ опыта, подъ заглавіемъ: «Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи», Спб. 1880, ч. I-я. Опытъ этотъ, однако, не удовлетворялъ оффиціальнымъ требованіямъ и желательной отъ подобнаго труда документальности. Онъ представлялъ болѣе литературное изложеніе причинъ и будущности революціоннаго движенія, съ точки зрѣнія автора (бывшаго частнымъ лицомъ).

**) Съ конца 1881-го года, Департаментомъ Полиціи издается: «Обзоръ главнѣйшихъ дознаній, произведенныхъ чинами Корпуса Жандармовъ». Первоначально, онъ печатался каждые три мѣсяца, затѣмъ—полугодично, а въ настоящее время—одинъ разъ въ годъ.

для пользованія высшихъ правительственныхъ лицъ, и не предназначенное для публики.

Трудъ этотъ былъ первоначально порученъ чиновнику Департамента, надворному совѣтнику С. С. Татищеву, (который довелъ его до 1869-го года), а по оставленіи имъ службы, съ декабря мѣсяца 1883-го года, работа эта была передана состоящему при Департаментѣ, д. ст. сов. князю Н. Н. Голицыну.

Печатаемый нынѣ отрывокъ, составляющій десятую главу этого изслѣдованія (написанную послѣднимъ изъ вышепомянутыхъ авторовъ), представляется въ видѣ примѣрнаго образца той системы и формы, которой держится изслѣдователь, метода изложенія, степени полноты со стороны прагматическаго изложенія фактовъ, и проч. Глава эта относится къ такому періоду, для освѣщенія котораго имѣется наименѣе данныхъ оффиціальныхъ, но по преимуществу оффиціозныхъ: именно къ тому періоду въ исторіи революціоннаго движенія, когда ощущалось въ немъ нѣкоторое затишье внутри Россіи, вслѣдствіе того, что послѣ процессовъ „каракозовцевъ“ и „нечаевцевъ“, подпольныя силы централизировались, на нѣкоторое время (1870—1874), за границею, въ эмиграціи, избравшей себѣ сборнымъ пунктомъ Швейцарію. Наблюденія и свѣдѣнія о дѣятельности русской эмиграціи, въ средѣ которой разработывалась тогда вся народническая программа и организація позднѣйшей пропаганды 1874—1878 годовъ, могли доходить до правительства болѣе въ формѣ оффиціозныхъ и агентурныхъ свѣдѣній, чѣмъ оффиціальныхъ данныхъ, вслѣдствіе чего, возстановленіе фактовъ пятилѣтней дѣятельности русской эмиграціи въ одномъ общемъ цѣломъ, представляло нѣкоторыя трудности. Этотъ же періодъ имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что среди представителей эмиграціи, народились и выработались многіе изъ послѣдующихъ видныхъ дѣятелей революціоннаго движенія и крамолы.

1887 г.

Русская эмиграція въ Швейцаріи, въ 1870—1874 гг. Цюрихскія студентки. Нечаевъ, его выдача и судъ надъ нимъ въ Москвѣ. Дѣятельность эмигрантовъ. Вызовъ ихъ правительствомъ. Свѣдѣнія о главнѣйшихъ дѣятеляхъ русской эмиграціи въ Швейцаріи.

8-го января 1870 года, Герценъ умеръ въ Парижѣ. Кончиною этого вліятельнаго и даровитаго революціоннаго дѣятеля завершился первый пятнадцатилѣтній періодъ въ исторіи соціально-революціоннаго движенія въ Россіи, періодъ подготовительный, который можно даже назвать «герценовскимъ», по имени главнаго его руководителя. Новые люди и свѣжія революціонныя доктрины сказались и выступили уже довольно рѣзко за послѣднее время, такъ какъ Герценъ немного пережилъ себя. Представитель новой программы, Серно-Соловьевичъ, незадолго передъ тѣмъ появился съ энергическимъ сло-вомъ протеста и обличенія противъ кумира революціи; не менѣе жестокій ударъ получилъ Герценъ и отъ русской печати, консервативнаго направленія [1]) .Постарѣвшій агитаторъ, уже менѣе страстный къ революціонному дѣлу, рѣшился даже оставить Лондонъ и переѣхалъ съ семействомъ и друзьями—Тхоржевскимъ [2]), Чарнецкимъ, Огаревымъ и Касаткинымъ, въ Женеву [3]). Онъ выпускаетъ власть изъ рукъ, самъ видимо не сочувствуетъ началамъ нарождавшихся русскихъ демагоговъ, относится къ нимъ—частью съ ироніей, а иногда съ презрѣніемъ. Онъ видимо оставался недоволенъ, что сѣмена имъ посѣянныя дали столь неудачные плоды. Герценъ умеръ безъ политическихъ наслѣдниковъ и преемниковъ съ его точки зрѣнія, но сильный толчекъ былъ все таки данъ его пламенною рѣчью

---

[1]) Герценъ былъ такъ сказать сраженъ извѣстною статьею «Русскаго Вѣстника» 1864 года въ которой онъ былъ характеризованъ мѣткимъ словомъ: «жалкій ломака!»

[2]) О немъ - швейцарскія агентурныя свѣдѣнія за 1870 г., №№ 2, 7, 29, 32; 1874 г. № 197 (въ Архивѣ бывшаго III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи).

[3]) Жилъ въ виллѣ Lariboisière, подъ Женевою. Объ отношеніяхъ его къ русскимъ эмигрантамъ ближе всего къ нему въ то время стоявшимъ, см. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1873 г., № 14, стр. 3, въ статьѣ: «Русскіе эмигранты» (Гиляцкаго).

страсти были возбуждены, активная дѣятельность начата, основы революціоннаго движенія въ Россіи были уже прочно имъ положены.

Немного ранѣе переѣзда Герцена въ Швейцарію, начали постепенно прибывать русскіе эмигранты на родину Лафатера и Песталоцци, дававшую уже сто лѣтъ назадъ, пріютъ свободомыслію Вольтера и Руссо. Они переселялись постепенно въ страну, служившую убѣжищемъ, не только такъ называемымъ «политическимъ изгнанникамъ», но и «политическимъ преступникамъ». Не берега прекрасныхъ озеръ манили русскаго революціонера въ Швейцарію, но увѣренность въ покровительствѣ и даже въ полной охранѣ его личности со стороны республиканскаго правительства, сознаніе и вѣра въ безнаказанность за революціонные подвиги. Понятно, что центръ тяжести всей анархической партіи, тѣснимой въ Россіи, передвигался постепенно въ эмиграцію, гдѣ постепенно образовалась цѣлая лабораторія «русскаго революціоннаго дѣла», въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Понятно тоже то относительное затишье, которое, около этого времени, встрѣчается въ Россіи, то затишье, которое предшествовало появленію дѣятельной и активной революціонной пропаганды 1874—1877 г.г. Главныя основанія этой пропаганды, ея жизненная питательность, орудія и матеріалы были сосредоточены и вырабатывались въ эмиграціи; здѣсь же собирались и группировались силы, обсуждались программы, составлялись тайныя общества; отсюда разсылались въ Россію прокламаціи и эммисары; здѣсь работали надъ тѣми изданіями, книжками и брошюрами, которыя должны были служить орудіемъ растлѣнія. Небольшой русскій типографскій станокъ стучалъ безостановочно, то въ Женевѣ, то въ Цюрихѣ, то въ Лондонѣ. Вся эта дѣятельность представляла видъ какого то безконечнаго, постояннаго заговора, съ самыми разнообразными планами,—заговора, веденнаго, въ добавокъ, людьми совершенно различныхъ, враждующихъ даже кружковъ, но которыхъ всѣхъ связывала общая идея «ненависти къ существующему въ Россіи порядку», и стремленіе произвести скорѣе переворотъ государственный и соціальный.

Революціонныхъ русскихъ дѣятелей въ концѣ 1860-хъ годовъ, набралось въ Швейцаріи не мало, но трудно было рѣшить: кому стать во главѣ движенія, кому сдѣлаться патріархомъ русскаго революціоннаго дѣла, кому быть первымъ и главнымъ? Герценъ, хотя и пережилъ себя, но никому не передалъ при жизни бразды прав-

ленія, не указалъ тоже себѣ преемника. Между новымъ поколѣніемъ революціонеровъ, среди молодыхъ дѣятелей только что открывшагося втораго періода движенія, не было лица достаточно популярнаго и заслуженнаго. Огаревъ въ письмѣ къ одному знакомому, писанному вскорѣ послѣ смерти Герцена, выражался даже,— что «онъ не «видитъ ничего хорошаго въ будущемъ для успѣха ре«волюціоннаго дѣла»: такое сознаніе, для человѣка, всю жизнь свою жившаго иллюзіями, могло быть вызвано не иначе какъ полной безнадежностью [1]). Изъ старыхъ корифеевъ, былъ на лицо только Бакунинъ,—но онъ, также какъ и Огаревъ, очень постарѣлъ. Изъ новыхъ борцовъ, можно было указать лишь на одного, столь недавно прославленнаго и возвеличеннаго,—на Нечаева. Но годился-ли онъ быть руководителемъ? Достаточно-ли онъ былъ способенъ и опытенъ, помимо его энергіи, славы и отчаянности? Достаточно-ли онъ популяренъ, чтобы стать главою революціонной эмиграціи?—объ этомъ мнѣнія расходились. Нечаеву нельзя было даже мечтать о томъ, чтобы стать во главѣ «революціоннаго дѣла». На немъ черезъ чуръ лежалъ характеръ личнаго революціоннаго авантюриста и въ добавокъ, революціонера безрасуднаго и безъ всякой выдержки.

Огаревъ не долго, однако, утруждалъ себя сомнѣніями и печалованіемъ за будущее. Не успѣли еще схоронить Герцена, не успѣли еще замолкнуть слова Литтрэ надъ его мрачной могилой, какъ Огаревъ телеграфировалъ въ Парижъ, прося о высылкѣ ему всего эмиграціоннаго фонда. Къ этой спѣшности сильно побуждалъ его бывшій тогда въ Женевѣ Нечаевъ. Фондъ былъ присланъ, но часть его употреблена тотчасъ же на возобновленіе изданія «Колокола», для котораго Бакунинъ выпросилъ тоже порядочную сумму и изъ кассы «Интернаціонала» [2]). Новый «Колоколъ», съ покрытымъ тайною составомъ своей редакціи, въ 1-мъ №, отъ 1-го апрѣля 1870 года [3]), заявилъ торжественно, что время «слова» прошло, и что настало время «дѣйствія».... Но на 6-мъ же нумерѣ, онъ прекратилъ свое существованіе, за недостаткомъ сотрудниковъ и читателей. Къ прекращенію его, всѣ отнеслись, впрочемъ, равнодушно [4]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1870 г., № 71.

[2]) Ibid. 1870 г., № 26.

[3]) Ibid. 1870 г., №№ 19 и 71.

[4]) 23-го мая 1870 г. было объявлено, что изданіе «Колокола» откладывается — до іюля мѣсяца (Швейцарская агентура—1870 г.

Въ это время, новая брошюра Бакунина возбудила всеобщее вниманіе. Она носила заглавіе: «Наука и насущное революціонное дѣло» (1870): въ ней настойчиво отрицались—государство, церковь и государственная охрана (войско). Въ учащейся молодежи изъ духовенства, по мнѣнію автора, будетъ найдена сильная опора для революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалось возбудить сельское населеніе противъ духовенства, т. е. противъ отцовъ этой молодежи. Разсчитывалось также на столичный пролетаріатъ, но съ нимъ не было еще связей, не было никакихъ средствъ для установленія ихъ. Въ заключеніе, Бакунинъ приглашалъ юношество, бросивъ ученіе,—«*идти въ лѣса и народъ*». Но какимъ образомъ этого достигнуть, имѣя такъ мало подъ собою почвы, когда всевозможныя прокламаціи и воззванія—къ дворянству, мѣщанству, студентамъ и офицерамъ, не принесли никакого результата? Вожаки не унывали. Огаревъ, въ февралѣ 1870 года, ѣздилъ по всей Швейцаріи хлопотать о подпискѣ въ пользу той революціи, которая, по его увѣренію, непремѣнно *должна была вспыхнуть въ Россіи 10 февраля 1870 г.* [1]).

Но не смотря на отсутствіе вождя и руководителя, число эмигрантовъ изъ Россіи всё таки, увеличивалось. Старѣйшимъ изъ нихъ считался—*Чарушинъ*, впрочемъ державшійся наиболѣе скромно, даже состоявшій впослѣдствіи во враждебныхъ отношеніяхъ къ большинству [2]). Съ 1870 по 1872 г., въ Женевѣ образовались собственно три группы эмигрантовъ, находящіяся между собою въ отношеніяхъ далеко не дружественныхъ:

1) Кружокъ журнала «Народное Дѣло», состоявшій подъ руководствомъ Николая *Утина* и *Трусова*, къ которому, одно время, принадлежали Бакунинъ и Николай Жуковскій. Будучи усердными членами Интернаціонала, предводители этой партіи стремились пересадить на русскую почву всѣ условія жизни рабочаго класса на Западѣ, при чемъ считали послѣдній въ полной мѣрѣ подготов-

---

№ 23). Въ октябрѣ же 1872 г., весь запасъ его былъ купленъ на вѣсъ г-мъ Гюи (Guïs), бакалейщикомъ въ Женевѣ, по 15 сантимовъ за фунтъ (1700 полныхъ экземпляровъ, по 270 №№), и служилъ для обертки его товара (Секреты свѣд.—1872, № 311), въ лавочкѣ на Chemin du Marché, Pré l' Evêque (Швейцарская агентура—1872 г., № 70).

[1]) Швейцарская агентура—1870 г., № 71.

[2]) Швейцарская агентура—1871 г., №№ 86, 101, 79, 60, 71, 81, 57, 55, 46; 1872 г., №№ 78, 75, 14, 74, 78; 1873 г. №№ 82, 120, 129, 128, 147 и 141.

ленным для воспріятія революціонных ферментов на почвѣ экономической. Это была партія—наименѣе русская или національная, наименѣе опасная. Аплодисменты за произносимыя въ «Интернаціоналѣ» рѣчи до того даже повліяли на Утина, что онъ почти забылъ о Россіи, и въ «Народномъ Дѣлѣ» стали появляться статьи, исключительно посвященныя рабочему вопросу въ Швейцаріи и Франціи. Противники этого лагеря называли Утина и Трусова «чиновниками особых порученій при рабочих дѣлах», тоже людьми готовыми сдѣлать всё, что имъ прикажут. Бакунинъ, однако, долженъ былъ черезъ годъ оставить не только редакцію «Народнаго Дѣла», но и самый «Интернаціоналъ», виднымъ членомъ котораго оставался Утинъ; онъ поссорился съ нимъ и произнесъ однажды рѣчь, въ которой называлъ его «интригантомъ и мошенникомъ». Впослѣдствіи, по происках Бакунина же, оставилъ лагерь «Народнаго Дѣла» и Жуковскій, который въ дѣлѣ пропаганды, за многое сначала брался, но ничего не оканчивалъ, за отсутствіемъ характера и твердости убѣжденій.

2) Кружокъ *Эльпидина* и *Гулевича*—занимавшійся изданіемъ сочиненій Чернышевскаго, при помощи фонда вдовы эмигранта Касаткиной.

3) Кружокъ редакціи возобновленнаго «Колокола», состоявшій подъ вліяніемъ *Бакунина*, *Огарева* и *Нечаева*. Кружокъ этотъ былъ организованъ гораздо полнѣе двухъ предъидущихъ; въ немъ имѣлась даже своя полиція въ лицѣ *Озерова* и своя типографія—Людвика *Чарнецкаго* [1]), не затруднявшагося, иногда, на памфлетахъ, печатавшихся въ этой типографіи, обозначать мѣсто печатанія словомъ: «Москва».

Бакунинъ въ письмѣ къ знакомому (въ 1870-мъ году) признавалъ, что «теперь настала пора горячаго, но разумнаго дѣйствія въ Россіи». Это, «дѣйствіе» онъ впослѣдствіи, при личномъ свиданіи, объяснялъ въ видѣ цѣлой системы военныхъ и агитаторскихъ плановъ. Надо было, ни болѣе, ни менѣе, какъ—а) поскорѣе дѣйствовать на Уралѣ и Волгѣ посредствомъ смѣлой пропаганды, такъ какъ Россія неизбѣжно вовлечена будетъ въ войну; б) надо пропагандировать среди австрійскихъ славянъ въ пользу присоединенія къ Россіи, въ видахъ распаденія австрій-

---

1) О немъ Швейцарская агентура—1870 г. №№ 2, 6, 8, 13, 19, 26, 29, 33, 44; 1871 г. № 95; 1872 г. № 39. Онъ умеръ въ Женевѣ въ іюнѣ 1872 г. Біографическія о немъ свѣдѣнія, въ Московских Вѣдомостях, 1873 г. № 14, стр. 5.

ской имперіи. Позднѣе, когда русское правительство, по обширности своихъ владѣній, не въ состояніи будетъ наблюдать за этими славянами, тогда поднять ихъ же противъ русскаго правительства и направить ихъ дѣйствія къ достиженію свободы. Примѣръ паденія французской и австрійской имперіи и освобожденіе славянъ, по мнѣнію Бакунина, должны будутъ окончательно вызвать въ Россіи революцію, подготовленную, между тѣмъ на Волгѣ и Уралѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, смѣлый авторъ сознавался, что для выполненія такой программы еще нѣтъ ни людей, ни средствъ, но что обстоятельства должны выработать и тѣхъ и другихъ.

Покуда эмиграція увлекалась бакунинскою проповѣдью, до Женевы дошли весьма тревожные слухи о томъ, что русское правительство настоятельно требуетъ отъ Швейцаріи, выдачи Нечаева, и что даже г. *Дюссо*, президентъ Швейцарскаго Союза изъявилъ на это согласіе, если будутъ представлены доказательства, что преступленіе Нечаева—не политическое [1]). Въ тоже время полиція, которой порядочно успѣли надоѣсть эмигранты всѣхъ племенъ и народовъ, стала вдругъ къ нимъ строже и даже произвела нѣсколько обысковъ и провѣрку паспортовъ. Огаревъ помѣстилъ тотчасъ въ газетѣ Suisse Radicale [2]) протестъ противъ русскаго правительства, по поводу этихъ обысковъ [3]); онъ даже не вѣрилъ въ возможность соглашенія, онъ полагалъ, что это одни только сплетни (que ce sont des cancans). Предсѣдатель департамента юстиціи и полиціи, Камперіо (Camperio) вызывалъ Огарева переговорить по дѣлу Нечаева, и даже приглашалъ самаго Нечаева—удалиться изъ Женевы [4]); но Огареву это не понравилось. Онъ хотѣлъ жаловаться Союзному Совѣту (Conseil Fédéral) и устроилъ въ женевскомъ циркѣ митингъ, чтобы вызвать содѣйствіе къ обвиненію Камперіо [5]). Въ Лозаннѣ, состоялся тоже революціонный митингъ (въ мартѣ 1870) противъ экстрадиціи Нечаева; ораторствовали Перронъ и Бонгаръ. Появилась статья о томъ же въ газетѣ Carillon, подписанная

---

[1]) «Si le crime n'a pas un caractère politique» . . . . (письмо нашего посланника, кн. М. А. Горчакова, изъ Берна, отъ 6-го января 1870 г.). Швейцарская агентура—1870, № 6.

[2]) 1870, janvier. Газета выходила подъ редакціею швейцарца Лампе, ненавистника Россіи (Швейцарская агентура—1870, № 26).

[3]) Швейцарская агентура—1870, №№ 6 и 15.

[4]) Ibid.—1870, № 19.

[5]) Ibid.—1870, №№ 18 и 19.

«Pippo». Наконецъ, и въ средѣ русскихъ эмигрантовъ возникла мысль объ общемъ собраніи. Иниціатива шла изъ Цюриха, откуда 12 студентовъ обратились въ редакцію «Народнаго Дѣла» въ Женевѣ, съ заявленіемъ о необходимости протеста. Они предлагали собраться всѣмъ русскимъ въ Женевѣ и отнестись къ правительству въ самой вѣжливой формѣ, съ напоминаніемъ о томъ, что политическіе преступники не подлежатъ выдачѣ, и что русское правительство, для своихъ выгодъ, можетъ только клеветать на эмигрантовъ, не имѣя на то доказательствъ. Въ созывѣ эмигрантовъ, живое участіе приняли—Германъ Лопатинъ, недавно прибывшій изъ Парижа, и Озеровъ. Сотрудники «Народнаго Дѣла» на отрѣзъ, однако, отказались принять какое либо участіе въ подписи протеста, для того, чтобы не встрѣчаться съ Бакунинымъ и его друзьями, хотя Бакунина въ то время даже не было въ Женевѣ [1]). Собраніе состоялось 7-го мая 1870 г., въ баваріи Гильса (Route de Carouge, 23, Brasserie Hils), въ особой комнатѣ. На сходкѣ были: бывшая жена Огарева, старшая и младшая дочери Герцена, нигилистка Озерова, Лопатинъ, Жуковскій съ женою, Эльпидинъ, Гулевичъ, Мечниковъ, Озеровъ, Огаревъ, эмигрантъ Романовъ—изъ Казани и Семенъ Серебренниковъ. Много времени было потрачено на теоретическое обсужденіе протеста и формы его; чтобы договориться положительно, рѣшено повторить сходку въ восемь часовъ вечера. На нее явились еще Жемановъ и Нечаевъ, за то отсутствовала младшая дочь Герцена. Составленъ былъ протестъ, въ которомъ, въ приличной формѣ, просили швейцарское правительство обратить вниманіе на русскихъ эмигрантовъ, преслѣдуемыхъ даже въ такой свободной странѣ, какъ Швейцарія. Тутъ же вставлено было, для примѣра, преслѣдованіе Нечаева, какъ уголовнаго преступника, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ только—преступникъ политическій, при чемъ была добавлена просьба, что если онъ и будетъ арестованъ въ Швейцаріи, то чтобъ

---

[1]) Бакунинъ жилъ преимущественно въ Локарно (въ Тессинскомъ кантонѣ), но совершалъ весьма частые, внезапные переѣзды. Въ январѣ 1870 г., онъ во Флоренціи, въ мартѣ—въ Миланѣ, въ апрѣлѣ—въ Женевѣ и Лугано, въ Туринѣ и въ Вевэ, куда ѣздилъ съ польскимъ эмигрантомъ Милковскимъ на встрѣчу Эдгару Кинэ; въ іюлѣ, опять въ Лозаннѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ даже имѣлъ, въ Женевѣ двѣ квартиры, такъ какъ ожидалъ тогда агентовъ Мадзини, и Гарибальди,—Торичелли, Сасскаго, и друг. (Швейцарская агентура—1870, №№ 5, 23, 26, 27 и 29).

онъ все таки судился здѣсь же, а не переданъ былъ въ руки русскаго правительства.

Эмигрантамъ казалось весьма практическимъ предварительно обезпечить себя, для большей свободы дѣйствій. Этой свободой они и не затруднялись пользоваться. 8-го января, Огаревъ засѣдаетъ въ Женевѣ на банкетѣ свыше 200 собравшихся соціалистовъ и анархистовъ [1]), и затѣмъ поступаетъ въ массоны [2]). Бакунинъ дѣлается тоже массономъ и пишетъ съ Трусовымъ воззваніе для сходки поляковъ на 15 февраля [3]). Въ сентябрѣ, Бакунинъ является во главѣ безпорядковъ въ Ліонѣ [4]); тогда послѣдовалъ приказъ объ его арестѣ, какъ сообщника де-Молинари и Торричелли, главныхъ эмиссаровъ Мадзини, и онъ спасается бѣгствомъ [5]).

Третій корифей эмиграціоннаго агитаторства, шуйскій мѣщанинъ Нечаевъ, молодой 25-ти лѣтній революціонеръ, велъ жизнь не столь показную, особенно со времени обысковъ и повѣрки паспортовъ. Онъ бѣжалъ изъ Москвы 17-го декабря 1869 года, вмѣстѣ съ женою коллежскаго ассесора Варварою Александровою; въ январѣ мѣсяцѣ 1870-го г. онъ былъ въ Ниццѣ [6]), а въ февралѣ, издалъ свой манифестъ — [7]), какъ бы въ смыслѣ «продолженія манифеста 19-го февраля 1861 г.» Швейцарія была ему хорошо уже знакома, такъ какъ онъ былъ въ ней лѣтомъ 1869 г.[8]), но нельзя того же сказать на оборотъ, ибо швейцарская администрація и полиція весьма мало знали Нечаева и это незнаніе было даже поводомъ одного недоразумѣнія, надѣлавшаго много шума, и давшаго также Нечаеву возможность прожить два съ половиною лишнихъ года на свободѣ, среди русской революціонной молодежи.

Въ концѣ мая 1870-го г., женевская полиція, зная, что Нечаевъ чаще всего видится съ Огаревымъ, признала, по указанію опытнаго полицейскаго комиссара Рока (Roch), за Нечаева лицо, выходившее изъ квартиры Огарева и арестовала его [9]). Это лицо оказалось, однако,

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 3, въ Hôtel de Vichy. Бакунинъ былъ въ Италіи, Трусовъ же на немъ присутствовалъ.

[2]) Ibid. 1870, № 6.

[3]) Ibid. 1870, № 1 и 15.

[4]) Ibid. 1870, № 25, и Journal de Genève, 1870, 5 octobre.

[5]) Швейцарская агентура—1870, № 24.

[6]) Ibid. 1870, № 3.

[7]) О которомъ Трусовъ выражался неодобрительно—въ «Народномъ Дѣлѣ».—Швейцарская агентура—1870, № 2.

[8]) Швейцарская агентура—1870, № 6.

[9]) Ibid. 1870, №№ 27, 29 и 30; 1873. № 145.

отнюдь не Нечаевымъ, а эмигрантомъ Семеномъ Серебренниковымъ, жившимъ въ то время у Огарева. Изъ за этого обстоятельства поднялся сильный шумъ въ эмиграціи, какъ русской, такъ и польской. Серебренниковъ просидѣлъ 12-ть дней подъ арестомъ, въ Hôtel de Ville, и требовалъ 11000 франковъ вознагражденія, въ которыхъ ему, однако, на отрѣзъ отказали, чего никогда не дѣлали прежде при подобныхъ случаяхъ [1]). Но вообще скандалъ этотъ, ошибка швейцарской полиціи и какъ-бы неудача русскаго правительства, доставили большое торжество эмиграціи. Открылась подписка на веденіе процесса противъ швейцарскаго правительства. Редакція «Народнаго Дѣла» внесла 100 франковъ отъ себя, вдова же Герцена дала половину всей требовавшейся суммы. Въ особомъ прибавленіи къ 3-му выпуску «Народнаго Дѣла», помѣщено было «Извѣщеніе объ арестѣ и процессѣ Семена Серебренникова». Адвокатомъ выбранъ былъ одинъ изъ лучшихъ – нѣкто Цурлинденъ. Въ 137, 138, и 139 № газеты Suisse Radicale, Серебренниковъ самъ подробно изложилъ содержаніе своего дѣла, въ статьѣ подъ заглавіемъ: Sommes-nous un gouvernement républicain?, – а Брониславъ Волловскій, прислалъ въ ту же газету письмо изъ Парижа, толковавшее о фальшивыхъ арестахъ, дѣлаемыхъ русскимъ правительствомъ въ Польшѣ. Для скорѣйшаго убѣжденія полиціи въ ея ошибкѣ, Огаревъ помѣстилъ еще, въ Suisse Radicale, телеграмму (не подтвердившуюся, однако), взятую изъ «Московскихъ Вѣдомостей», о томъ, будто Нечаевъ уже арестованъ въ Австріи. Появилась, по тому же предмету, брошюра, подъ заглавіемъ: «Les Ours de Berne», съ письмомъ Огарева къ Камперіо. Однимъ словомъ, дѣлу была дана всевозможная огласка, надѣлавшая очень много шума, съ разсчетомъ, разумѣется, чтобы, по возможности, затруднить, на будущее время, арестъ и выдачу Нечаева, а также напугать Союзный Совѣтъ [2]). Швейцарское правительство, послѣ этой неудачи, разумѣется, медлило новыми розысками Нечаева, и дало ему возможность тѣмъ самымъ еще долгое время дѣйствовать на свободѣ и продолжать свою революціонную дѣятельность въ средѣ русской эмиграціи. Но съ этого времени, Нечаевъ, въ теченіи года, ведетъ какую то неуловимую скитальческую жизнь, проводя ее въ постоянныхъ разъѣздахъ и очень искусно скрываясь.

---

[1]) Московскія Вѣдомости, 1873 г. № 11.

[2]) Швейцарская агентура—1870, № 79.

Онъ жилъ на средства, которыя иногда пересылались ему отцемъ его (по собственному его показанію), но ихъ, вѣроятно, не хватало на безконечныя путешествія. Въ январѣ, онъ жилъ въ Женевѣ и въ Ваадскомъ кантонѣ [1]), въ февралѣ, выѣхалъ къ Бакунину въ Лугано [2]) и укрывался у Огарева; въ мартѣ — въ Женевѣ и даже показывался съ Утинымъ въ Café des Touristes [3]); въ мартѣ, былъ въ Фрейбургѣ, въ томъ же мѣсяцѣ — въ Цюрихѣ [4]); въ апрѣлѣ, жилъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ опять въ Женевѣ, гдѣ сталъ трудиться для «Колокола» [5]); затѣмъ, онъ опять скрывается, и въ концѣ мая, отправляется въ Марсель и Монпелье [6]), а оттуда въ Лондонъ, затѣмъ обратно въ Швейцарію, въ Аннеси [7]). Въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ въ Туринѣ, вмѣстѣ съ Бакунинымъ, въ Albergo della Corona; но узнавъ, что итальянское правительство согласилось на выдачу Бакунина, они оба, въ августѣ, возвращаются въ Локарно [8]).

Новые эмигранты все продолжали прибывать въ Швейцарію, сначала, разумѣется, подъ псевдонимами — русскими и иностранными. Новоприѣзжіе направлялись болѣе въ Цюрихъ; появилось множество молодежи, поступавшей въ тамошній университетъ и политехникумъ, иные только для видимости, чтобы скрыть прямое свое участіе въ «русскомъ революціонномъ дѣлѣ». Нѣкоторые пріѣзжали со средствами, но огромное большинство было бѣдно и жило на счетъ той русской коммуны, которая нарождалась въ Цюрихѣ, а также иногда пользовалось помощью заѣзжихъ въ Швейцарію русскихъ богатыхъ людей—Сапожникова, Воронина, Каньшиной, и друг. [9]). Изъ Россіи, деньги доставлялись фирмою Беккера въ Штеттинѣ, гдѣ завѣдывалъ сношеніями спеціально одинъ русскій [10]). Свобода и просторъ дѣйствій, были безграничны.... Сама цюрихская полиція состояла,

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 9 и 10.

[2]) Ibid. 1870, № 15.

[3]) Ibid. 1870, № 18 и 19.

[4]) Ibid. 1870, № 21.

[5]) Ibid. 1870, № 23.

[6]) Туда же долженъ былъ пріѣхать Межинскій, эмигрантъ, съ которымъ Нечаевъ задумывалъ покушеніе на жизнь Государя Императора, и о. Агапій (Гончаренко) изъ Санъ-Франциско (Швейцарская агентура—1870, № 29).

[7]) Ibid. 1870, № 26 и 37.

[8]) Ibid. 1870, № 32.

[9]) Ibid, 1871, № 73.

[10]) Ibid. 1871, № 46.

большею частью, изъ лицъ, сочувствовавшихъ Интернаціоналу [1]). Въ другихъ кантонахъ, однако, были строже: въ іюлѣ 1871 года, сантъ-галленское кантональное правительство изгнало какъ иностранныхъ такъ и швейцарскихъ членовъ Интернаціонала, послѣ бывшаго шумнаго частнаго собранія этого общества въ Сантъ-Галленѣ, 7, 8 и 9 іюля того же года [2]). Союзный Совѣтъ намѣревался тоже изгнать (въ мартѣ мѣсяцѣ 1871 года) всѣхъ польскихъ эмигрантовъ изъ Цюриха, такъ какъ ихъ заподозрили въ устройствѣ безпорядковъ, во время празднованія нѣмцами заключенія мира между Германіею и Франціею [3]). Бывали скандалы и съ русскими, напр. съ нѣкіимъ Буевымъ (вѣроятно псевдонимъ), которому полиція приказала выѣхать изъ Цюриха, вслѣдствіе предстоявшаго избіенія его русскими [4]). Въ Ваденвейлѣ, близъ Цюриха, 15-го іюля 1871 года, состоялось собраніе польскихъ и русскихъ эмигрантовъ, на которомъ открыто обсуждался вопросъ о покушеніи на жизнь Государя Императора, находившагося въ то время въ Эмсѣ [5]). Поляки праздновали (въ помѣщеніи цѣха столяровъ) годовщину послѣдняго польскаго возстанія 10 января, 1863 г. [6]), и закончили её дракою и свалкою [7]); они же, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго Духинскаго, праздновали годовщину возстанія 1830 года, въ Café Künstlergut [8]). Въ августѣ, состоялось общее собраніе Интернаціонала [9]), а 29-го октября, члены его устроили шумный пикникъ [10]). Въ декабрѣ, наконецъ, произошелъ выдающійся скандалъ съ испанскою авантюристкою, членомъ Интернаціонала, нѣкоею Миною Пучинелли, которая пробиралась въ Россію, училась русскому языку, изъѣздила всю Европу, остановилась въ Цюрихѣ и читала публичныя лекціи, въ которыхъ она превозносила и идеализировала парижскую коммуну, поджоги и убійства. Она сама участвовала въ франко-прусской войнѣ и была даже ранена. Русскіе эмигранты приняли её подъ особенное покровительство. Послѣ одной изъ такихъ лекцій, она отпра-

[1]) Ibid. 1871, № 71.

[2]) Ibid. 1871, № 66 и 67.

[3]) Ibid. 1871, № 46.

[4]) Ibid. 1871, № 48.—Секретныя свѣдѣнія (Архивъ бывшаго III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи)—1870, № 1.

[5]) Швейцарская агентура—1871, № 59.

[6]) Ibid. 1871, № 59.

[7]) Ibid. 1871, № 46.

[8]) Ibid. 1871, № 95.

[9]) Ibid. 1871, № 74.

[10]) Ibid. 1871, № 79.

вилась съ нѣсколькими русскими, въ томъ числѣ и студентками, въ кофейню, гдѣ повторяла при всѣхъ свои убѣжденія; тогда одинъ изъ присутствовавшихъ, мирный буржуа, обратился къ ней съ словами полными презрѣнія и вышелъ изъ кофейни, но у воротъ своего дома, былъ убитъ кинжаломъ. Дѣло надѣлало, разумѣется, не мало шума, Пучинелли велѣно было выѣхать, и нѣкоторые изъ русскихъ эмигрантовъ проводили её до Женевы [1]).

Для Бакунина, 1871-й годъ былъ не особенно благопріятенъ; онъ даже вынужденъ былъ играть роль какого то наемнаго оратора. Будучи массономъ [2]), его пригласили въ Лозанну на конгрессъ «Общества мира и свободы» (Societé de la paix et de la liberté), 14-го октября 1871-го года. Онъ призванъ былъ говорить рѣчь, за гонораръ въ 500 франковъ, которые тутъ же надо было немедля собрать между присутствующими, при помощи обхода ихъ съ тарелочкою (quête) [3]). Въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ пріѣзжалъ въ Женеву совершать актъ о полученіи 4.000 франковъ съ одного лица, которому онъ за эту сумму уступилъ свою любовницу. Въ августѣ мѣсяцѣ, онъ явился въ главный притонъ рабочихъ, въ Brasserie Ackermann, но послѣдніе чуть не разтерзали его, за растрату суммы, которая была прислана ему для нихъ отъ комитета лондонскаго Интернаціонала; они потребовали немедленно отъ него подписки, что сумма будетъ пополнена [4]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывается изъ Женевы, какъ только пріѣхалъ туда родственникъ его, Корсаковъ [5]); въ декабрѣ, ему грозило изгнаніе изъ женевскаго кантона, и онъ временно переѣхалъ въ Невшатель [6]).

Всѣ эти непріятности и хлопоты, казалось, были тѣмъ тяжеле для Бакунина, что онъ, за послѣднее время, отдѣлившись отъ Интернаціонала, образовалъ собственную секцію (Scission Jurassienne, или просто «Le Jura»), сдѣлался главою новаго, втораго Интернаціонала, который онъ преобразовалъ въ новое *Соціально-демократическое общество*, о чемъ мы уже говорили подробнѣе выше [7]).

---

[1]) Ibid. 1871, № 104.
[2]) Ibid. 1870, № 6.
[3]) Ibid 1871, № 84.
[4]) Ibid. 1871, № 74.
[5]) Ibid. 1871, № 96.
[6]) Ibid. 1871, № 103.
[7]) Въ главѣ объ Интернаціоналѣ. О программѣ его—см. Швейцарскую агентуру—1870, № 23.

Новоприбывающимъ эмигрантамъ, казалось легко было вступать въ готовое уже, существующее общество; но на дѣлѣ, случилось противное. Прибывъ въ Цюрихъ, большинство прежде всего занялось учрежденіемъ *научнаго* общества, безъ политической подкладки [1]).

Нужна была однако и активная дѣятельность, болѣе реальная, чѣмъ ношеніе титула «русскаго эмигранта». Надо было основать самостоятельное революціонное ядро и завести собственную революціонную лабораторію. Съ сентября мѣсяца 1871 года, дѣйствительно начало формироваться нѣчто новое, получившіе названіе *Славянской секціи Интернаціонала* [2]). Въ Лозаннѣ, въ началѣ 1872-го года, состоялся съѣздъ русскихъ членовъ этой секціи и бакунинцевъ. Послѣдніе легко примкнули къ новому союзу, не распуская однако своего прежняго общества, и ничѣмъ не измѣняя его устава. Спеціальное же новое ученое общество состоялось только номинально; было лишь постановлено, что каждый новый русскій революціонеръ долженъ быть его членомъ. Но всё это измѣнилось весьма скоро, ибо 21-го іюня 1872-го года, состоялось новое собраніе эмигрантовъ въ Цюрихѣ, на которомъ всѣ три фракціи—члены Славянской секціи, бакунинцы и новые эмигранты, слились въ одно—Русское революціонное общество. Разработанъ былъ пока уставъ прежняго ученаго общества съ правленіемъ изъ пяти членовъ. Предсѣдателемъ его былъ избранъ Акимовъ, а кассиромъ—Эльсницъ.

На 14-е октября, назначено было въ Цюрихѣ новое собраніе въ Schützenhaus'ѣ, подъ предсѣдательствомъ Мордвинова, на которомъ тѣ же вопросы вновь были дебатированы. Пришли, однако, на этотъ разъ къ отрицательному заключенію [3]) и признали, что разъ существуетъ уже Славянскій отдѣлъ Интернаціонала, то особое *русское* общество—излишне. Оставалось приписываться къ существующей Славянской секціи. Записывались тогда еще довольно робко, подъ псевдонимами, иногда только подъ буквами [4]). Славянская секція сама собою, однако, вскорѣ переродилась въ самостоятельное русское революціонное общество отъ огромнаго наплыва новыхъ эмигрантовъ и эмигрантокъ, отнюдь не признававшихъ безъусловности авторитета Бакунина, который, къ тому же, почти постоянно отсутствовалъ.

---

[1]) Ibid. 1872, № 4.

[2]) Ibid. 1871, № 80.

[3]) Ibid. 1871, № 90.

[4]) Ibid. 1871, № 95.

Каждый членъ Славянской секціи обоего пола носилъ на головномъ уборѣ маленькую красную кокарду [1]), дабы поддерживать объединеніе членовъ. Впрочемъ, эта мѣра не помогла, ибо Славянская секція Интернаціонала преобразовалась въ новое бакунинское Славянское соціально-демократическое общество [2]), которое задалось цѣлью покрыть Россію сѣтью тайныхъ революціонныхъ кружковъ и обществъ, съ привлеченіемъ къ нимъ и всѣхъ рабочихъ классовъ [3]). Этому обществу, въ которое постепенно вошли впослѣдствіи всѣ революціонные элементы русской эмиграціи въ Швейцаріи, выпало, въ свое время, на долю не только разработка народнической программы, но и приведеніе ея въ исполненіе.

Дѣятельнымъ агитаторомъ въ образованіи русскаго революціоннаго общества можно считать и Нечаева, который, 8 (20) января, самъ созвалъ въ Цюрихѣ экстренное собраніе членовъ Славянской секціи [4]), самъ и на немъ заявилъ, что русскимъ революціонерамъ неудобно дѣйствовать въ общемъ составѣ Славянской секціи, такъ сказать заодно *съ поляками*, мысль новая, противуположная основнымъ положеніямъ перваго, герценовскаго періода соціально-революціоннаго движенія. Раздѣленіе дѣйствительно состоялось въ апрѣлѣ; Славянское-же демократическое общество и Славянская секція Интернаціонала остались по прежнему. Въ послѣдней, были по этому случаю даже особые выборы, для одной Швейцаріи (5 членовъ), такъ какъ въ ней, въ то время, почти исключительно были сосредоточены славянскіе члены Интернаціонала (сербы и поляки). Въ маѣ 1872 года, эта секція Интернаціонала отдѣлилась тоже отъ лондонскаго центра [5]).

Для Бакунина, на основаніи лодонскихъ преданій, пріемовъ и началъ, было легко формировать славянскіе отдѣлы, общіе русскимъ и полякамъ. Но явились новые люди, болѣе почвенные, чѣмъ старый оевропейвшійся западникъ—Бакунинъ. Явились тоже новыя требованія. Представитель болѣе новой революціонной школы, прославленный и авторитетный Нечаевъ, имѣвшій

---

[1]) Ibid. 1872, № 28.

[2]) Швейцарская агентура—1872, № 46. Въ маѣ 1872 года, оно преобразовалось въ Русское соціально-демократическое общество. Ibid. 1872, № 30.

[3]) Ibid. 1872, № 42. Проэктъ устава русскаго отдѣла Славянскаго соціально-демократическаго общества, 25 §§—въ, писанный рукою Турскаго,—въ бумагахъ швейцарской агентуры, 1872, № 36.

[4]) Ibid. 1872, № 6.

[5]) Ibid. 1872, №№ 28, 30 и 46.

даже большія связи между поляками, пользовавшійся не разъ ихъ услугами, заявилъ неожиданно, мысль о необходимости объособить, отдѣлить русскую революціонную дѣятельность отъ польской. Одно подобное заявленіе указывало, что союзъ съ поляками существовалъ, что до того времени, въ эмиграціи была общая дѣятельность, что поляки помогали русскимъ. Дѣйствительно, между польскими эмигрантами, въ Швейцаріи, Лондонѣ и Парижѣ, оказывалось въ то время не мало послѣдователей соціалистическихъ и анархическихъ ученій, хотя никто изъ нихъ не подходилъ вполнѣ къ типу «русскаго нигилиста». Времена значительно измѣнились съ 1830-хъ годовъ, когда вся польская эмиграція состояла изъ лицъ, питавшихъ только ненависть къ русскому правительству, но не къ общественному порядку, не воспитанныхъ на соціализмѣ и нигилизмѣ (понятія даже о которыхъ не существовали). Но польская эмиграція долгіе годы ютилась главнымъ образомъ во Франціи, въ періодъ возникновенія соціалистическихъ ученій и вызванныхъ ими смутъ и народныхъ волненій 1848 года. Самъ Мицкевичъ былъ, въ то время, въ тѣсной связи съ Мишлэ и Эдгаромъ Кинэ (впослѣдствіи явнымъ революціонеромъ и анархистомъ, другомъ Бакунина), и въ честь этого тріумвирата была даже выбита медаль. Всё чаще и чаще стали встрѣчаться въ польской эмиграціи люди, для которыхъ консервативные элементы польской національности и католическаго міра отходили на задній планъ, которые всё болѣе и болѣе дружились съ русскими радикалами тогдашней герценовской школы, для которыхъ интересы религіи и католицизма, столь дорогіе для каждаго поляка, мало по малу исчезали. Множество поляковъ, особенно подъ вліяніемъ и вблизи Герцена, дѣлались изъ отчаянныхъ политиковъ-патріотовъ, — красными радикалами. Ненависть къ Россіи единила эти два лагеря, и польскіе революціонеры, при появленіи соціально-революціоннаго движенія въ Россіи, разумѣется, легко приставали къ лагерю русскихъ агитаторовъ и эмигрантовъ, примыкали къ ихъ дѣятельности, присоединялись даже частью къ ихъ корпораціи. Прошло то время, когда вредить Россіи можно было одною фирмою «des martyrs de la Pologne», которую носила вся эмиграція, и вызывать этимъ активное къ себѣ сочувствіе. Теперь надо было пріискивать средства болѣе энергическія, ибо польскія «несчастія», послѣ того какъ были сведены счеты по мятежу 1863 года, не привлекали уже къ себѣ симпатій въ Европѣ. Недавнія впечатлѣнія возстанія и усилившееся вслѣдствіе

того раздраженіе поляковъ противъ Россіи, только упрочивали старинную ненависть и увеличивали число польскихъ демагоговъ и анархистовъ въ средѣ нашихъ радикаловъ. Парижская коммуна [1]), привлекшая на одно время значительную долю революціоннаго персонала, выпущеннаго, по подавленіи ея, опять на волю, тоже содѣйствовала усиленію польскаго радикализма, который, равно какъ и русскій, свили себѣ, въ началѣ 1870-хъ годовъ, прочное гнѣздо въ Швейцаріи. Вредить Россіи, мстить ей, создавать ей затрудненія, клеветать на неё и вести глухую борьбу съ существующимъ въ ней порядкомъ,—было общимъ лозунгомъ и польскихъ и русскихъ революціонеровъ. Поэтому, на вопросъ о томъ: дѣйствительно-ли въ эту эпоху жизни польской эмиграціи (въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ), многіе корифеи польскаго революціоннаго дѣла дѣйствовали какъ-бы за одно съ русскою революціонною партіею,—нельзя отвѣтить иначе какъ утвердительно. Общія цѣли и общій лозунгъ—были должно быть достаточно сильны, если при этомъ стушовывался антагонизмъ и вражда между обѣими народностями. Такъ напр. въ 1871-мъ году, въ Цюрихѣ, генералъ польскаго возстанія, едва-ли раздѣлявшій какія либо симпатіи къ чему либо русскому, извѣстный Боссакъ (графъ Гаукэ) предлагалъ эмигрантамъ соединеніе польскаго революціоннаго элемента съ русскимъ соціалистическимъ. Женевскіе анархисты согласились, другіе-же нѣтъ [2]). Эмигрантъ Мацневъ, бывшій адъютантъ Боссака, хлопоталъ усиленно объ этомъ примиреніи. Даже впослѣдствіи, предложеніемъ Нечаева [3]) союзъ съ поляками таки не былъ безъусловно порванъ. Многіе изъ нихъ послѣ ареста Нечаева, сдѣлались членами «Общества мстителей» за него, а также членами такъ называемаго «Нечаевскаго общества», и долгое время дѣйствовали заодно съ крайними предпріятіями русскихъ революціонеровъ.

Трудно оцѣнить,— въ какомъ именно изъ обоихъ лагерей, русскомъ или польскомъ, ядъ ненависти къ русскому правительству былъ сильнѣе? Тѣ же пріемы, тѣ же рѣчи, тѣ же дѣйствія: эммисары, союзы, брошюры, секціи, со-

---

[1]) Списокъ поляковъ, участвовавшихъ въ парижской коммунѣ въ Correspondance Slave, издававшейся въ Прагѣ,—1871, № 85, отъ 6 іюня (Швейцарская агентура—1871, № 55).

[2]) Швейцарская агентура—1871, № 46.

[3]) Его иногда даже укрывали въ Женевѣ сами поляки, въ своей Pension des Polonais, rue du Marché, № 40, 4—me étage (Швейцарская агентура—1870, № 18).

бранія, митинги, близкая связь съ Интернаціоналомъ и агитаторами всей Европы, тайные трибуналы, памфлеты, пропаганда, и т. п. Эмигранты доходили до крайности. Въ Женевѣ существовало, въ 1870 году, какое-то польское общество «Вѣстниковъ смерти» (Societé des Emissaires de la mort), имѣвшее цѣлью политическія убійства [1]), въ составъ котораго входили даже и простые преступники—иностранцы [2]). Наконецъ, поддѣлка фальшивыхъ денегъ была тоже обще-употребительнымъ средствомъ, чтобы вредить русскому правительству. Фабрикація эта производилась въ огромныхъ размѣрахъ, при участіи большого контингента польскихъ эмигрантовъ, и вызвала однажды протестъ со стороны остальной, не причастной къ этимъ дѣламъ, части эмиграціи. Поддѣлка ассигнацій принимала особенно большіе размѣры въ 1870-мъ, 1871-мъ [3]) и въ 1874-мъ годахъ [4]). Русскому правительству стоило не мало трудовъ обнаружить виновныхъ, преслѣдовать и предавать ихъ суду за границей, тѣмъ болѣе, что дѣло всегда велось такими опытными революціонерами, какъ Вилькошевскій, Микошевскій и Бонгаръ (Bongard) [5]).

Когда, по предложенію Нечаева, дѣятельность польскихъ эмигрантовъ была разграничена отъ русскихъ, поляки немедленно составили особое «Польское соціально-демократическое общество» (Towarzystwo polskie socyalne-democratyczne) [6]). Къ нему охотно пристали эмигранты—поляки изъ рабочаго класса въ Цюрихѣ [7]); «Программа» его написана была весьма способнымъ юно-

---

[1]) Швейцарская агентура—1870 г., № 1 и 7. Главнѣйшими членами его были—Сохацкій, Боссакъ, Ченсновичъ (полякъ, дававшій уроки русскаго языка въ богатыхъ русскихъ семействахъ въ Женевѣ), Болашъ (венгерецъ), и др.

[2]) Напр. Marie Janneret; см. Швейцарскую агентуру—1870, № 3.

[3]) Фальшивыхъ ассигнацій было изготовлено въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ (въ Америкѣ), до 50 милл.

[4]) Въ самой Швейцаріи (Швейцарская агентура—1871 г., № 46).

[5]) Послѣдній былъ родомъ швейцарецъ, состоялъ воспитателемъ въ домѣ графа Старжинскаго, въ 1863 году, и сочувствовалъ мятежу. При арестѣ и самоубійствѣ своего патрона, онъ былъ задержанъ, суднмъ и сосланъ въ Сибирь, откуда бѣжалъ обратно въ Швейцарію, жилъ въ тѣсномъ союзѣ съ русскими агитаторами и Бакунинымъ, поддѣлывая русскія ассигнаціи. О немъ см. Швейцарскую агентуру—1870 г., №№ 1, 2, 5, 18, 19, 25, 29, 31, 33, 34, 35; 1871 г., №№ 56, 57, 79, 90, 91; 1872 г., №№ 29, 74, 76, 80, 110, 153, 187, 188 и 189.

[6]) Швейцарская агентура—1872, № 72.

[7]) Ibid. 1872, № 38.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

45С1128

шею, Іссифомъ Токажевичемъ [1]), (носившимъ между эмигрантами и въ литературѣ, псевдонимъ Hodi, участникомъ парижской коммуны), впрочемъ довольно теоретично и туманно [2]); самый же «уставъ» былъ подписанъ въ засѣданіи 20-го мая 1872-го года [3]). Общество должно было имѣть и свой органъ, газету—«Wolność», подъ редакціею Токажевича, но онъ отказался отъ этого плана вслѣдъ за арестомъ Нечаева [4]).

Съ Бакунинымъ у поляковъ были старинныя связи [5]). Токажевичъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Нечаевымъ, задумали еще лѣтомъ 1872-го года, послать новаго эмиссара въ Польшу [6]). Проэктъ этотъ разсматривался въ польскомъ соціально-демократическомъ обществѣ и выборъ палъ на серба Рывачинина [7]), но дѣло почему-то не состоялось, къ великому неудовольствію стараго революціонера [8]). Бакунинъ и въ 1872 году продолжалъ терпѣть неудачи. Затѣянная имъ вылазка во Францію, оказалась на практикѣ—нелѣпостью. Въ мартѣ 1872 года, нѣкоторые богатые эльзасцы—мануфактуристы изъ Мюльгаузена, не желая принимать германскаго подданства [9]), начали строить фабрики при французской границѣ въ Швейцаріи, съ цѣлью созвать на нихъ рабочихъ—интернаціоналистовъ, и потомъ сдѣлать съ ними вылазку на французскую территорію, учинить варѳоломеевскую ночь въ Ліонѣ и сицилійскія вечерни въ Женевѣ. Все это, разумѣется, должно было происходить при участіи Бакунина и русскихъ агитаторовъ. Проэктъ этотъ, однако, дошелъ до свѣдѣнія президента республики Жиро (Girod), который пригрозилъ изгнаніемъ всѣхъ интернаціоналистовъ изъ Швейцаріи, въ одни сутки [10]). Не лучше

---

[1]) Жилъ большею частію въ Парижѣ.

[2]) Ibid. 1872, № 72. Весьма схожая съ русскою программою (всего 9 §§-въ).—Ibid. 1872, № 46.

[3]) Швейцарская агентура—1872, № 73.

[4]) Ibid. 1872, № 59.

[5]) Подробнѣе о нихъ въ извѣстной статьѣ Герцена: «Михаилъ Бакунинъ и польское революціонное дѣло».

[6]) Швейцарская агентура—1872, № 54.

[7]) Въ Цюрихѣ, было не мало представителей сербскихъ революціонеровъ (Андреевичъ, Даничъ и друг.), бывшихъ въ тѣсной связи съ русскими агитаторами.

[8]) Швейцарская агентура—1872, №. 57. Позднѣе, онъ намѣревался послать эмиссаромъ въ Россію свою жену-сибирячку (ibid. 1872, № 40).

[9]) Между ними и богатый промышленникъ—фабрикантъ Дрейфусъ, другъ Бакунина.

[10]) Швейцарская агентура—1872, №№ 23 и 24.

были бакунинскія дѣла и въ самомъ Интернаціоналѣ, изъ состава котораго, по предложенію Утина [1]), онъ, вмѣстѣ съ Гильомомъ, былъ *исключенъ*, въ засѣданіи 7-го и 19-го февраля 1872 года [2]). На базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала, онъ былъ, однако, въ числѣ представителей ліонскихъ рабочихъ и уполномоченнымъ отъ неаполитанскихъ машинистовъ [3]).

Не особенно благопріятно шли и дѣла его соперника Утина. Въ началѣ 1872 года, швейцарское правительство производило энергическое слѣдствіе по дѣлу о фабрикаціи русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ [4]), и по этому дѣлу, 26, 27 и 28 января 1872-го года, былъ произведенъ строгій обыскъ у Утина, въ Ивердёнѣ, товарищемъ генеральнаго прокурора Дюмономъ, судебнымъ слѣдователемъ де-Гэмпсомъ (de-Guimps) и полицейскимъ коммисаромъ Рокомъ [5]). Событіе это переполошило всю эмиграцію, ибо въ немъ усматривали угрозу швейцарскаго правительства, преслѣдованіе Интернаціонала, добрыя отношенія Швейцаріи съ Россіею. Тотчасъ поднялся шумъ, агитація, полемика. Радикалы доказывали, что судебный слѣдователь де-Гэмпсъ не имѣлъ права производить обыска, помимо вѣдома Союзнаго Совѣта, на что слѣдователь отвѣчалъ [6]), что обыскъ этотъ вызванъ былъ требованіями самого слѣдствія, и отвергалъ вліяніе русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ. За Утина хлопоталъ адвокатъ его [7]) Амбери (членъ Интернаціонала);

---

[1]) Съ которымъ онъ разошелся совершенно въ маѣ 1872-го года (ibid. 1872, № 29). Утинъ, въ журналѣ своемъ «Egalite», прямо заявилъ: nous n' apartenions jamais: a la cliqne de Bakounine».

[2]) Idid. 1872, 14.

[3]) Секретн. свѣд.—1872 г. 416. Въ томъ же году, былъ съѣздъ Интернаціонала въ Гаагѣ (2 сентября 1872), частный конгресъ въ Вевэ и въ Невшателѣ, 8-го и 20 мая 1870-го года (Юрской фракціи). Во время пріѣда принца Валійскаго въ Женеву, ему представлялись главные члены Интернаціонала и шумно его привѣтствовали (Швейцарская агентура—1872, №№ 30, 34, 37, 45.

[4]) Делегатомъ при первомъ дѣлѣ 1870—1872 г.г. былъ со стороны, министерства финансовъ, статскій совѣтникъ Каменскій, при второмъ въ 1874 г. статскій совѣтникъ Перетцъ, (Швейцарская агентура—1873, № 105, 125, 145 и 197).

[5]) Неправильно арестовавшимъ, въ 1870 году, Семека Серебренникова, вмѣсто Нечаева (Швейцарская агентура—1872, № 11). См. выше, стр. 8—9.

[6]) Въ Женевской газетѣ «Patrie», отъ 27 февраля, № 23.

[7]) Написавшаго длинное возраженіе женевской газетѣ «Patrie» въ Suisse Radicale, 1872, № 44, 22 февраля. Были также статьи въ мелкихъ газетахъ, какъ напр. въ въ Le Progrès de l' Aine.

эмиграція даже подала петицію въ Союзный Совѣтъ [1]). Самъ Утинъ помѣстилъ протестъ въ газетѣ «Suisse Radicale» [2]); депеши разнесли объ этомъ событіи во всѣ концы Европы и появились даже въ Times-ѣ. Огромными афишами созывались всѣ коммунары въ Temple Unique, въ Женевѣ, 12-го мая, съ поясненіемъ, что это—«une séance bien recomandée, venez—y sans manquer!» Амберіи произнесъ зажигательную рѣчь [3]). Наканунѣ выхода «Egalité» (газеты, основанной и одно время редактированной Утинымъ, потомъ закрывшейся, но въ началѣ 1872 года, вновь вышедшей), на многихъ стѣнахъ Женевы были прибиты огромныя афиши: Affaire Outine, première intervention monarchique en Suisse [4])... Дѣло это всячески раздували, оно перешло даже на улицу: нѣкій коммунаръ Піоль (Piol), для бо́льшаго популяризированія этого ужаснаго событія, поставилъ на содержимомъ имъ театрѣ маріонетокъ сюжетъ—«de l'affaire Outine» и разныя приключенія съ русскими [5]).

Сущность и относительная важность дѣла состояла въ томъ, что у Утина могли храниться бумаги Интернаціонала, а также эмиграціи, что они могли сдѣлаться извѣстными послѣ обыска и компрометировать множество лицъ. Обыскъ произвелъ переполохъ тоже въ славянскихъ секціяхъ Интернаціонала; назначено было общее собраніе, на которомъ обсуждалось—не лучше ли даже уничтожить всѣ бумаги? [6]) Но только что улеглось дѣло объ обыскѣ, какъ снова заговорили объ Утинѣ: его жестокимъ образомъ избили въ Женевѣ, ночью, 22-го іюня 1872 года, недалеко отъ гостинницы, куда онъ возвращался; побили его сами эмигранты, такъ что онъ чуть не лишился глаза, но кто были нападающіе,—осталось неизвѣстнымъ. Русскіе сваливали вину на сербовъ; во всякомъ случаѣ, нападавшіе были, разумѣется, изъ «бакунинцевъ» [7]).

Пока эти событія происходили въ кругу старыхъ и какъ бы уже осѣдлыхъ эмигрантовъ; младшіе и вновь

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 9.

[2]) 1872, № 35, въ статьѣ: La police russe en Suisse et l'Internationale. Тоже статьи: Nos garanties constitutionelles, въ Courrier Français, 1872, 12 fèvr.—Швейцарская агентура—1872, № 11.

[3]) Швейцарская агентура—1872, № 36.

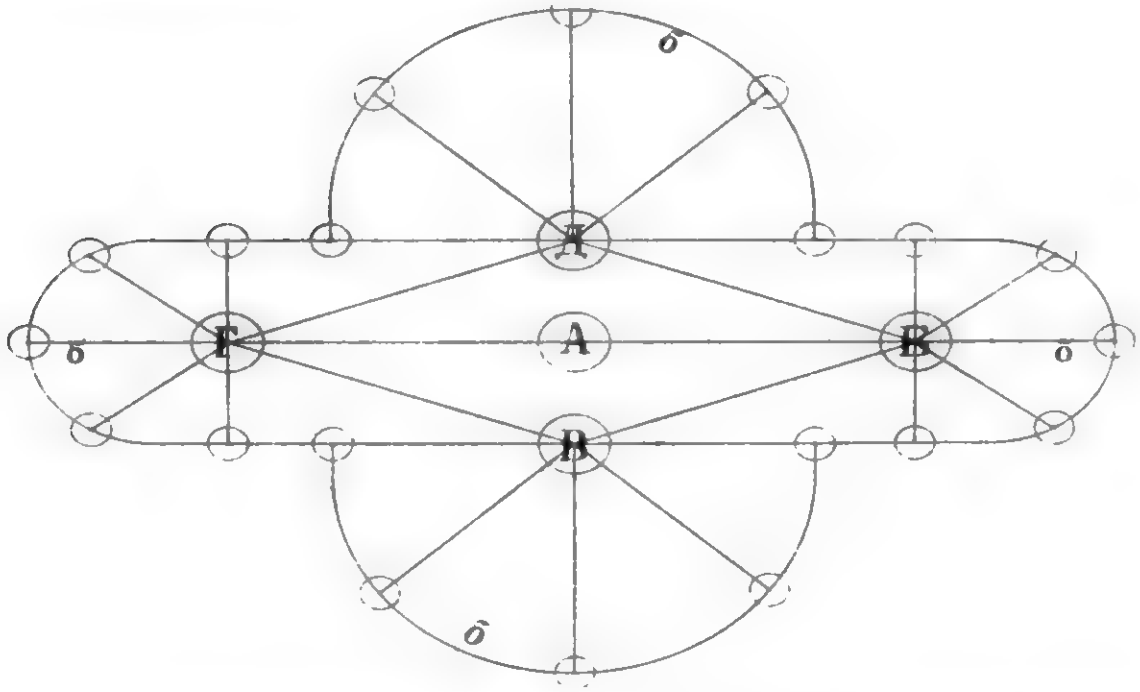
[4]) Ibid. 1872, № 14.

[5]) Ibid. 1872, № 23.

[6]) Ibid. 1872, № 16.

[7]) Ibid. 1872, №№ 42, 44 и 49; Секретныя слѣд.—1873, № 93; Спб. Вѣдомости, 1872, 22 іюня.

прибывшіе не оставались бездѣятельными. Появилась мысль о необходимости издавать новый революціонный журналъ, о чемъ Смирновъ сносился съ Москвою; Криль и Байдаковскій, ѣздили туда распространять программу и набирать сотрудниковъ [1]). Дѣло, однако, не осуществилось, до пріѣзда Лаврова въ слѣдующемъ, 1873-мъ году. За то энергически писались и печатались разныя брошюры, предназначавшіяся для обращенія между народомъ въ Россіи, имена авторовъ которыхъ, большею частью остались, однако, неизвѣстными. Печатаніе началось еще съ февраля 1872-го года, послѣ перенесенія типографіи въ Цюрихъ [2]); брошюры же долженъ былъ забрать съ собою и везти въ Россію братъ Трусова, Болеславъ, и устроить порядокъ постоянныхъ сношеній. Народническая программа и народническая дѣятельность, хотя медленно, но постепенно уже назрѣвали. Для пропаганды, была уже принята система пятка и десятка—Бланки [3]), которая содержалась тогда еще въ большой тайнѣ. Система эта выражалась графически слѣдующимъ несложнымъ рисункомъ:



То-есть дѣятели А. Б. В. Г и Д.—составляли центральный комитетъ основнаго пятка; Б—первый кругъ десятка; б—второй кругъ десяти, и т. д. [4]).

Личный составъ эмиграціи всё усиливался, и въ 1872 году, оказался даже неожиданный приливъ *русскихъ женщинъ*, замужнихъ и дѣвушекъ, преимущественно—въ Цюрихъ. Первое десятилѣтіе дѣятельности соціально-револю-

[1]) Секретн. свѣд.—1872, № 137.
[2]) Швейцарская агентура—1872, № 19.
[3]) Ibid. 1872, №№ 42 и 53.
[4]) Ibid. 1872, № 53.

ціонной партіи достаточно показало – въ какой значительной степени женщины принимали участіе въ стремленіяхъ и подвигахъ революціонеровъ. Имъ выпала видная роль въ движеніи; имена ихъ постоянно встрѣчались въ политическихъ дѣлахъ, дознаніяхъ и процессахъ 1860-хъ годовъ [1]); но впослѣдствіи, роль эта стала еще значительнѣе. Вопросы о «женскомъ трудѣ», «женской эмансипаціи», о «высшемъ женскомъ образованіи», «равноправности съ мужчиной», вообще всё то, что входило въ огромный кругъ такъ называемаго «женскаго вопроса»,— стало волновать общество и литературу, стало самою модною и неисчерпаемою темою на страницахъ журналовъ и изданій извѣстнаго направленія; создалась цѣлая литература о «женскомъ вопросѣ». Наши радикалы видимо сочувствовали разработкѣ этой темы въ смыслѣ освобожденія («эмансипаціи») русской женщины отъ семейныхъ и брачныхъ узъ, и требовали для нея свободы, не стѣсняемой никакими обязанностями. Жертвы этого направленія были многочисленны. Подъ предлогомъ стремленія къ высшему образованію, русскія дѣвушки и матери, прежде всего, отвлекались отъ семьи, и самыя эти стремленія объусловливались часто только желаніемъ свергнуть съ себя семейныя узы, имѣли часто только видъ реакціи противъ ригоризма и дисциплины—соблюдавшихся довольно строго въ русской семьѣ прежняго времени. ***Протестъ противъ семейнаго быта, стѣсненій и дисциплины*** – былъ главнымъ стимуломъ, выдвигавшимъ постепенно русскую женщину изъ семьи въ аудиторію и на улицу. Были и другія причины: матерьяльное обѣдненіе интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества побуждало многихъ искать «своего хлѣба» въ личномъ трудѣ, а этотъ трудъ требовалъ небольшихъ познаній, свѣденій. Начитавшись произведеній эманципаторской литературы, попробовавъ съ кое—какимъ успѣхомъ свои силы на печатномъ поприщѣ [2]), женщина покидала семью, «чтобы искать средствъ къ жизни», при помощи своего «женскаго труда», съ явнымъ стремленіемъ занять профессіи, ни-

[1]) Кого именно считать первыми изъ женщинъ, привлеченныхъ съ 1861 г. къ политическимъ дѣламъ,—опредѣлить трудно. Можно, кажется, указать, прежде всего, на нигилистокъ—***Александровскую, Блиммеръ и Павлову***, по дѣлу о распространеніи революціонныхъ ученій въ 1862-мъ году. Впрочемъ, еще ранѣе, русскія женщины значительно участвовали въ общей пропагандѣ, при помощи воскресныхъ школъ.

[2]) Съ конца 1850-хъ годовъ, число русскихъ писательницъ и переводчицъ, считавшихся прежде единицами, быстро увеличилось, литературное поприще, однако, не упрочилось за ними въ этихъ первоначальныхъ рамѣрахъ.

когда не бывшій до сего времени удѣломъ русскихъ женщинъ; она требовала равноправія, стремилась приравняться къ мужчинѣ во всемъ, и старалась подражать европейскимъ идеаламъ и представительницамъ женской эманципаціи, въ Европѣ и Америкѣ [1]). Какъ рѣдкія исключенія появились кое-гдѣ, за предѣлами Россіи, женщины-врачи, и русскимъ женщинамъ это показалось прекраснымъ примѣромъ для подражанія. Не говоря уже о столицахъ, въ провинціи множество эманципированныхъ дѣвушекъ кинулись въ область физіологіи и медицины, и въ сообществѣ товарищей—студентовъ, взялись за анатомическій ножъ для трупосѣченій [2]), не имѣя въ добавокъ никакой научной подготовки. Онѣ вскорѣ утрачивали всѣ качества, отличающія ихъ полъ и возрастъ,—скромность, стыдливость, мягкость характера, воспріимчивость къ идеаламъ религіи, сознаніе обязанностей будущей матери семейства; чувства ихъ грубѣли, все доброе, вынесенное изъ семьи, гибло, и съ поразительной легкостью, онѣ становились на скользкій путь, ведущій къ разврату, не только умственному, но и физическому. Сталкиваясь ежечасно со студентами, живя постоянно въ кругу молодежи, отравленной уже нигилистическою заразою, онѣ очень легко подпадали ихъ вліянію и руководительству, становились—«дѣятелями», «нигилистками» и «революціонерками», затѣмъ уже шли объ руку съ вожаками революціонной партіи, дѣлались самыми преданными ихъ сторонницами и пособницами, даже въ самыхъ отчаянныхъ ихъ предпріятіяхъ. Революціонное ученіе усвоивали онѣ съ тѣмъ бо́льшею пылкостью, что въ соціалистической агитаціи, и только въ ней одной, онѣ видѣли непосредственное разрѣшеніе всего того, что носило общее названіе «женскаго вопроса». И это не только потому, что соціалистическія доктрины устанавливали полное равенство правъ мужчины и женщины (не допуская никакихъ общественныхъ функцій, которыя были-бы закрыты для женщинъ), но потому тоже, что становясь въ ряды агитаторовъ, женщина фактически дѣлалась вполнѣ равноправнымъ дѣятелемъ съ мущиною.

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣйствіяхъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за 1868 годъ, шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ подробно характеризовалъ вредныя стороны неумолкавшаго въ то время женскаго вопроса, которымъ было занято все общество, литература, и даже весьма солидныя сферы.

[2]) Женщинамъ и дѣвушкамъ, занимавшимся практическою анатоміею въ С.-Петербургѣ, былъ, впрочемъ, составленъ особый контрольный списокъ.

«Свободная любовь», полное отрицаніе семьи,ея формъ и содержанія,—служили тоже не малымъ стимуломъ для отрицательнаго міровоззрѣнія «нигилистки», такъ какъ эта сторона ея жизни, въ силу нравственнаго, внутренняго рефлекса, требовала, въ ея собственныхъ глазахъ, самооправданія, невозможнаго въ сферѣ условій нормальной жизни и обще-человѣческихъ понятій о нравственности [1]). Движимыя сначала не столько сознаніемъ полезности дѣла, сколько жаждою публичной дѣятельности, польщенныя въ своемъ самолюбіи, способныя на самоотверженное увлеченіе, женщины агитировали съ тѣмъ бо́льшею энергіею, чѣмъ сильнѣе связывали ихъ узы половыхъ отношеній [2]). Скромность, даже внѣшніе признаки ея, свойственные женщинѣ въ столь юномъ возрастѣ,—были откинуты, самый костюмъ агитаторки и стриженные волосы говорили явно о протестѣ противъ всего обще-принятаго, установленнаго, противъ существующаго строя общественной жизни. Такія женщины вскорѣ появились всюду, еще съ конца пятидесятыхъ годовъ,—въ конторахъ, въ кассахъ, за типографскимъ станкомъ, за корректурами въ редакціяхъ, и за стенографскимъ столикомъ на судѣ; были даже серьёзныя попытки проникнуть въ оффиціальныя канцеляріи. Но въ 1861 году, состоялось Высочайшее повелѣніе, опредѣлившее родъ занятій, кругъ дѣятельности и всѣ тѣ виды женскихъ профессій, которыя правительство признавало возможнымъ допустить для женщинъ, при чемъ, особенно покровительствовалась профессія врачебно-акушерская. Хотя вскорѣ, въ медицинскихъ аудиторіяхъ, оба пола были разъединены и образованы особые женскіе медицинскіе курсы (патронатъ надъ которыми взяла на себя медико-хирургическая академія), но зло уже пустило сильные корни. Эти мѣры не удовлетворяли русскую «курсистку» начала 1870-хъ годовъ. Ей не нравились, ни дисциплина, ни надзоръ [3]); она хотѣла скорѣе достичь цѣли, скорѣе стать равноправнымъ съ мужчиною *врачемъ*, а не только акушеркой. Докторскій дипломъ всего легче доставался

---

[1]) О нравственной распущенности дѣятелей революціонной партіи свидѣтельствуетъ позднѣе почти каждый политическій процессъ, въ особенности же процессы 193-хъ и кіевской коммуны.

[2]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, предсѣдатель Коммиссіи по каракозовскому дѣлу, графъ М. Н. Муравьевъ, имѣлъ намѣреніе проэктировать для тогдашнихъ агитаторокъ, извѣстныхъ подъ общею кличкою «нигилистокъ» и «стрижекъ», такія паспортныя правила и условія, которымъ подчинены женщины развратнаго поведенія.

[3]) См. ниже, откровенное признаніе въ этомъ, въ выдержкѣ изъ письма Маріи *Прикаро* (стр. 29—30).

въ то время за границею, въ Швейцаріи, гдѣ академическія требованія были легки, гдѣ принимали въ университеты женщинъ, въ той странѣ, которая была центральнымъ фокусомъ эмиграціи и революціонеровъ, анархистовъ и соціалистовъ не одной Россіи, гдѣ жили и дѣйствовали такія знаменитости и прославленные кумиры, какъ Нечаевъ, Лавровъ, Бакунинъ, гдѣ широко разработывалась программа «народниковъ», и гдѣ, наконецъ, вмѣстѣ со столь заманчивыми условіями, легко достигалась и полная свобода товарищескихъ отношеній обоихъ половъ.

Еще въ концѣ 1860-хъ годовъ, вслѣдъ за нѣкоторыми русскими выходцами, потянулись въ Швейцарію и эмигрантки подъ предлогомъ «цѣлей высшаго научнаго образованія», хотя у нѣкоторыхъ ощущался недостатокъ познаній, посредствующихъ между грамотностью и самою даже скромною школою [1]). Онѣ направились именно въ Цюрихъ, въ тамошній университетъ (Hochschule). Нѣкоторыя увлеклись примѣромъ Сусловой [2]), получившей въ 1868 г. въ томъ же Цюрихѣ, докторскій дипломъ; но до 1872 года, этихъ студентокъ были только единицы, и до того времени, только двѣ женщины получили дипломы доктора медицины, а одна—доктора правъ. За то въ 1872—1873 гг., точно какой-то могучій и таинственный кличъ созвалъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи эманципированныхъ женщинъ и дѣвушекъ для одновременной эмиграціи въ Цюрихъ, для удовлетворенія будто жажды высшаго образованія, и, къ сожалѣнію, одновременно—и жажды агитаторской дѣятельности. Столичныя женщины отправились туда въ наименьшемъ числѣ; провинціальныя—преобладали. Онѣ шли отовсюду: изъ Одессы, изъ Томска и даже изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. За эти два года, перебывало въ Цюрихѣ до 140 студентокъ [3]). Кромѣ коренныхъ русскихъ, были тутъ

---

[1]) Модная тема о «высшемъ образованіи» для женщинъ, находила не мало сторонниковъ и въ провинціи.—Въ бытность министра народнаго просвѣщенія въ Харьковѣ (въ началѣ 1870-хъ годовъ), три молодыя дѣвушки подали ему прошеніе ходатайствуя объ основаніи особаго «женскаго университета». Прошеніе это было написано не только безграмотно, но испещрено еще орѳографическими ошибками. Fac-simile его было напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[2]) По агентурнымъ свѣдѣніямъ, Суслова, вышедшая, въ Швейцаріи, вскорѣ за мужъ, за швейцарца, доктора Эрисмана, принадлежала тоже къ самымъ радикальнымъ кружкамъ нашей эмиграціи.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Коммиссіи о вызовѣ цюрихскихъ студентокъ, въ маѣ 1873 г. (дѣло № 215, 1871 г. по 3-й экс.

еврейки, нѣмки-лютеранки, польки-католички; мѣщанки, дворянки, дочери бѣдныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ, дочери генераловъ (три) и заурядныя нигилистки; жены, покинувшія мужей, дочери бросившія отцовскій домъ, даже дѣвушки, отправившіяся въ цюрихскую даль, съ согласія и одобренія родителей подобной рѣшимости [1]); наконецъ иныя, подъ предлогомъ, путемъ спеціальнаго образованія, прійти, со временемъ, въ помощь недостаточнымъ родителямъ [2]).

Очень скоро до правительства стали доходить весьма неблагопріятные слухи объ образѣ жизни и вообще дѣятельности цюрихскихъ студентокъ. Вообще вожаки эмиграціи, избравъ этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды, обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся русской молодежи; но подъ ихъ вліяніемъ, научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ молодежи обоего пола рѣчь шла не о наукѣ и трудѣ, а о заговорахъ и революціи, вырабатывалась какъ бы особая школа революціонной дѣятельности.

Въ цюрихской «русской библіотекѣ», въ которую нѣкоторые издатели въ Россіи доставляли безплатно журналы и газеты, читались лекціи, имѣвшія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ» и «Французская революція 1789 года» были обычными темами лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ студентокъ, даже такихъ, которыя не понимали еще по нѣмецки и довольство-

---

ч 1, л. 85 об.), ихъ показано—103. При помощи добавочныхъ свѣдѣній, ихъ насчитывается—до 140. По агентурнымъ показаніямъ, число ихъ доходило будто до 200. О 123-хъ можно было собрать нѣкоторыя подробности. Въ 1869 г. ихъ прибыло только 2, въ 1870 г.—5, въ 1871 г.—4, а всѣ остальныя, въ 1872 и 1873 гг. (ibid. л. 86). Студентовъ и студентокъ всѣхъ другихъ европейскихъ національностей находилось въ то время, въ Цюрихѣ, лишь пятая часть цифры однихъ русскихъ женщинъ.

[1]) Нерѣдко встрѣчалось, что слабые и довѣрчивые родители, до такой степени подпадали вліянію дѣтей своихъ, что одобряли ихъ дѣйствія, не вполнѣ, вѣроятно, отдавая себѣ въ нихъ отчета, какъ напр. *Голоушева*, въ процессѣ 193-хъ (см. Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи, С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 239). *Субботина* (въ процессѣ 50-ти), *Фигнеръ* (по дѣлу общества «Помощи», о которомъ будетъ сказано ниже), *Писарева*—мать литератора и двухъ дочерей, участвовавшихъ въ движеніи (см. ея біографію въ Русской Старинѣ, 1882 года), и друг.

[2]) Въ іюнѣ 1872 года, студентки пробовали основать въ Цюрихѣ собственный «женскій клубъ», куда мужчины вовсе не допускались. Дѣло это, однако, разстроилось.

вались изустными переводами своихъ подругъ, такъ какъ многія отправились слушать лекціи швейцарскаго университета не зная даже вовсе того языка, на которомъ имъ предстояло учиться. Студенческая коммуна, сходки, борьба партій окончательно сбивали съ толку дѣвушекъ, которыя свое искуственное и безплодное волненіе, принимали за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ водоворотъ политической агитаціи, онѣ подпадали подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и дѣлались въ ихъ рукахъ послушными орудіями а иныя по два и по три раза въ годъ ѣздили изъ Швейцаріи въ Россію и обратно, перевозили письма, порученія, прокламаціи, вѣроятно и денежныя средства. Многія увлекались коммунистическими теоріями «свободной любви», и подъ прозрачнымъ покровомъ фиктивнаго брака, приходили къ забвенію основныхъ началъ нравственности и стыдливости, до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимали ихъ къ себѣ.... «Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, «что спеціально изучали ту отрасль акушерскаго ис«куства, которая во всѣхъ странахъ подвергается—и «карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію всѣхъ чест«ныхъ людей»: такъ свидѣтельствовало о нихъ оффиціальное сообщеніе [1]).

Въ обществѣ столь многочисленномъ, собравшемся со всѣхъ концовъ Россіи, находилось, правда, нѣсколько единицъ не вполнѣ подходящихъ подъ общую характеристику; но это были рѣдкія исключенія. Огромное большинство занималось болѣе революціонными происками, заговорами, сходками, и т. п., чѣмъ ученіемъ и посѣщеніемъ лекцій. Понятно, поэтому, что нѣкоторыя изъ цюрихскихъ студентокъ играли впослѣдствіи видную роль въ дѣяніяхъ соціально-революціонной партіи.

---

[1]) Правительственное сообщеніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», 1873 г., отъ 21 мая, № 120. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Коммисіи (дѣло № 215, 1871 г., по 3-й экспед. л. 88), было добавлено: «нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что считаютъ вы«травленіе плода дѣломъ самымъ естественнымъ»—слова, не вошедшія въ правительственное сообщеніе. Въ донесеніи одного цюрихскаго агента, отъ 11 апрѣля 1873 года, значится, что «нравствен«ное паденіе» студентокъ «такъ велико, что онѣ считаютъ выправ«леніе плода въ порядкѣ вещей, и нѣкоторыя совершали экспери«менты въ этой части медицинской науки, но какъ видно безъ «успѣха. Смецкая, Лаврова и Яковлева—изучаютъ спеціально это «искуство».

Въ руководителяхъ недостатка не было: Бакунинъ, Нечаевъ, позднѣе Лавровъ—были на лицо въ Швейцаріи; послѣдній даже жилъ одно время въ нижнемъ этажѣ дома, пріобрѣтеннаго русскими эмигрантами. Эти студенты и студентки образовали вскорѣ 'какой-то студенческій фаланстеръ, посѣщавшій всевозможныя собранія,—соціалистическія, демократическія, интернаціоналистовъ, «Юрской федераціи», и друг., гдѣ всѣ просиживали съ рабочими до поздней ночи, пили съ ними пиво; студентки даже записывались въ члены разныхъ Verein'овъ, въ качествѣ гражданокъ (Bürgerinnen). Онѣ заманивали къ себѣ даже рабочихъ изъ Россіи, доставляли имъ мѣста и ухаживали за ними. Принципъ «свободной любви» находилъ широкое примѣненіе въ этомъ обществѣ [1]). Нѣкоторыя студентки не гнушались даже вступать въ любовную связь съ рабочими, вслѣдствіе чего нѣкоторые бюргеры стали даже прозывать ихъ—«ферейномъ развратныхъ женщинъ» (Huren—Verein) [2]).

Коммуна, разумѣется, часто терпѣла нужду, состоя большею частью изъ людей бѣдныхъ, не имѣвшихъ необходимыхъ 400—500 руб. въ годъ для существованія [3]). Болѣе достаточные поддерживали неимущихъ. Агитація въ Россіи въ пользу сборовъ для нихъ появлялась кое-гдѣ, ибо не даромъ коммуна пользовалась сочувствіемъ всей русской молодежи и либеральныхъ газетъ [4]). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, на студенческомъ обѣдѣ 12-го января 1873 г. въ Москвѣ, былъ публично провозглашенъ тостъ за цюрихскихъ студентокъ [5]); были тоже попытки производить въ Россіи подписку въ пользу студентокъ, напр. въ Казани, куда мать студентки Вѣры Филипповой (рожд. Фигнеръ), столь извѣстной потомъ революціонною дѣятельностью, получивъ отъ дочери своей подписной листъ общества «*Помощь*» отправилась для сбора

---

[1]) Интересныя бытовыя картины житья-бытья швейцарской коммуны очерчены въ нѣсколькихъ статьяхъ Незлобина (Дьякова), въ «Русскомъ Вѣстникѣ» семидесятыхъ годовъ.

[2]) Дѣло № 215, 1871 г. по 3-й экспед. ч. 2.

[3]) См. ниже, о письмѣ Любови Богуславской (въ біографіяхъ эмигрантовъ, подъ этимъ именемъ).

[4]) Въ мартѣ 1873 г., чрезъ посредство Четверговой, было прислано кѣмъ то въ женскую кассу—3000 руб.

[5]) Въ ничтожной провинціальной газеткѣ—«Волжско-Камскій Листокъ», № 90, 1872-го года, выходившемъ въ Казани, помѣщена была корреспонденція изъ Цюриха, присланная Филипповою (дѣло № 215, ч. 1, л. 69)—объ основанномъ тамъ обществѣ «Помощь», разумѣется, съ цѣлью вызвать пожертвованія.

пособій. Подписка уже началась, но вскорѣ была пріостановлена [1]). Кромѣ того, подъ руководствомъ Нечаева, между студентками образовалось особое общество взаимнаго вспомоществованія учащимся русскимъ женщинамъ. Коммунѣ даже удалось, какъ сказано выше, купить собственный домъ, гдѣ устроена была библіотека, гдѣ читались лекціи, и проч. Болѣе порядочнымъ студенткамъ эта жизнь казалась тяжелою [2]), однако никто добровольно не покинулъ ея, и не вернулся обратно въ Россію. Обстановка эмиграціонной коммуны была поистинѣ развращающая.

---

[1]) Дѣло № 215 ч. 1—1871 г. по 3-й экспед.

[2]) Въ письмѣ студентки Маріи *Прибаро*, отъ 12-го сентября, 1872 года (дѣло № 215—1871 г. 3-й экспед. ч. 1, л. 41), мы встрѣчаемъ слѣдующую характеристику цюрихской жизни: «Вы очень «ошибаетесь, завидуя мнѣ, и думая, что въ Цюрихѣ жить хорошо, «лучше Петербурга. У насъ.... свобода. Развѣ Р. нельзя приносить «пользу и дѣлать хорошія вещи? Можно, и законъ то-есть правительство не запрещаетъ намъ. Не глупо-ли желать переворотить «все вверхъ дномъ т. е. устроить республику, *когда народъ не «подготовленъ*? Чего домогается эмигрантъ, сидя здѣсь и воображая, что въ самомъ дѣлѣ приноситъ пользу русскому народу, «крича въ Цюрихѣ? Крикуны безполезные! Вся Россія—такая ли «такая, а откуда же всѣ они берутъ деньги и всё, какъ не изъ «скверной и рабской Россіи? Нѣтъ, я такъ вооружена противъ эмигрантовъ! Считала ихъ прежде людьми дѣла (и дѣла хорошаго), «теперь же вижу и нахожу, что подлѣе, мерзѣе, гаже, безчестнѣе, «нѣтъ эмигранта... Жизнь не дешева, какъ вы думаете и судите. «На 20 р. въ мѣсяцъ я живу экономно, не только не позволяя себѣ «ничего лишняго, но даже отказываю себѣ кое-въ чемъ. Языкъ «возмешь-тоже ничего нельзя успѣть. Одно то, что онъ скверенъ «самъ по себѣ (швейцарское нарѣчіе особенное); другое—всѣ вообще «русскіе и русскія говорятъ промежъ себя по русски; съ нѣмцами «ничего не имѣютъ общаго.... Студентки, не говоря о всѣхъ, а о «части, вооружили себя всѣмъ противъ нѣмцевъ, что быть не можетъ иначе..... Видятъ въ насъ не женщинъ, а чудовищъ. Боже «избави! Напр. какъ понравится вамъ выходка подобнаго рода? «Приходитъ женщина нанимать у хозяйки квартиру; та спрашиваетъ: «Sind sie eine Studentinn? So will ich ihnen kein Zimmer vermiethen. «И такъ—въ глаза, не стыдясь. Мнѣ самой пришлось это испытать... «Эмигранты такъ замаслили нѣмецкихъ рабочихъ, что они за нихъ «горой стоятъ. Теперь не хотятъ выдавать Нечаева; говорятъ, что «если собраніе выдастъ, такъ они, рабочіе, разобьютъ всю желѣзную «дорогу. Вотъ какъ! Это омутъ, вертепъ!.... Если-бы вы только «знали, что угрожаетъ намъ здѣсь. Если и есть малая часть женщинъ, пріѣхавшихъ сюда работать, трудиться, а не заниматься «соціальными вопросами, такъ остальныя—рьяныя и глупыя нигилистки (дѣвочки, поддавшіяся этой—на самомъ дѣлѣ, горячей «идеѣ), не сознаютъ, чѣмъ пахнетъ это имъ впереди. Жаль ихъ, «право! Какъ я—то рада, что не имѣю съ ними ничего общаго!

Необходимо было положить конецъ столь странному эмиграціонному движенію русской женщины, и правительство явилось само на помощь заблудшимъ.

Въ 1873 году, по Высочайшему повелѣнію на особую Коммисію, составленную изъ четырехъ членовъ: министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, шефа жандармовъ и товарища главноуправляющаго IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи статсъ-секретаря Шторха), возложено было обсужденіе вопроса: «о мѣрахъ, вызываемыхъ постоянно возрастающимъ приливомъ русскихъ женщинъ въ цюрихскіе— университетъ и политехникумъ, и прискорбными явленіями, совершающимися въ ихъ средѣ». Коммисія пришла къ заключенію, что наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ находится въ тѣсной связи съ такъ называемымъ «женскимъ вопросомъ», поднятымъ первоначально радикальными органами нашей печати, и затѣмъ получившимъ право гражданства въ извѣстной части общества; что подъ покровомъ этого вопрсса, рядомъ съ требованіями для женщинъ прочнаго, основательнаго образованія и разширенія круга ихъ дѣятельности, проводятся и другія идеи, имѣющія утопическій, почти революціонный характеръ: уравненіе правъ женщины съ правами мужчины, участіе ея въ политикѣ, и даже право «свободной любви», разрушающее семейное начало и возводящее въ принципъ крайнюю распущенность нра-

---

«Намѣшаютъ, наварятъ такой каши, что того и гляди, поѣхавши «въ Россію,—не доѣдешъ, а попадешъ ни за что, ни про что, въ «казематъ.... Кто хочетъ дѣйствительно дѣлать что нибудь, долженъ «удирать отсюда по—дальше, отряхивая прахъ отъ ногъ своихъ. «Я думаю ѣхать въ Берлъ или другое мѣсто. Не только я: есть еще «нѣкоторыя, которыя тоже удерутъ, можетъ быть, отсюда. Матильда «вѣроятно поѣдетъ въ Италію, тамъ допускаютъ женщинъ въ уни- «верситетъ. И какъ смотрятъ вообще на учащихся женщинъ! «Можно сказать боготворятъ ихъ.... Вотъ теперь вы не удивитесь, «почему я высказала неудовольствіе,—почему сюда всѣ ѣдутъ жен- «щины, когда въ Петербургѣ позволено. Хотя, правда, тамъ ужасныя «ограниченія и дисциплина, но, ей Богу, лучше: по крайней мѣрѣ, «если-бы я была въ Россіи, я не поѣхала бы въ Цюрихъ. А подождите «еще, что-то съ нами будетъ, когда пріѣдемъ съ нашими аттестатами? «Потребуютъ экзамена, будутъ строго экзаменовать, такъ прижмутъ, «что только держись! Правительство смотритъ на всѣхъ уѣзжающихъ «въ Цюрихъ, какъ на революціонеровъ. И самъ Цюрихъ, прежде «славный и знаменитый, сдѣлался какимъ-то посмѣшищемъ Россіи... «Да, не могу Вамъ всего того сказать, что здѣсь дѣлается, не знаю «сама всего. Но радуюсь за тѣхъ, кто и того не знаетъ что я, ибо «возмущается душа болѣе или менѣе порядочнаго человѣка при «видѣ всей гадости, совершающейся здѣсь».....

вовъ... Подъ вліяніемъ Бакунина, Нечаева и другихъ Цюрихъ сдѣлался центромъ русской революціонной организаціи за границею, и *съ этого времени*, начался приливъ русскихъ студентовъ и студентокъ въ тамошніе университетъ и политехникумъ. «Разнородный составъ» того женскаго общества, которое устремилось въ Цюрихъ изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстъ Россіи, по мнѣнію Коммисіи, указываетъ, что это явленіе не случайное или мѣстное, а результатъ движенія, распространеннаго по всей Россіи, въ средѣ всѣхъ сословій. Говоря затѣмъ объ образѣ жизни студентокъ, Коммисія полагала,—что «такое нравственное «паденіе не можетъ не обратить на себя серьёзнаго «вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти «женщины возвратятся когда нибудь въ Россію, и бу«дутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя «не остановиться на страшномъ вопросѣ—какое поколѣніе «могутъ возрастить такія женщины?.. Коммисія не можетъ «допустить мысли, чтобы два-три докторскихъ диплома «могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго «растлѣнія молодаго поколѣнія, а потому признаетъ «необходимымъ — положить конецъ этому ненормаль«ному движенію» [1]).

Переходя къ обсужденію мѣръ для пресѣченія этого положительнаго зла, Коммисія, не признавая удобнымъ ни примѣненіе 8-го пункта 436 ст. Устава о Паспорт. (по которому воспрещалась выдача заграничныхъ паспортовъ лицамъ моложе 25 лѣтъ), ни запрещеніе студенткамъ возврата въ Россію,—остановилась на мѣрѣ, имѣющей болѣе предупредительный, нежели репрессивный характеръ. Она полагала—объявить всѣмъ русскимъ женщинамъ, посѣщающимъ цюрихскій университетъ, что тѣ изъ нихъ,

---

[1]) Въ соображеніяхъ Коммисіи разъяснено, было, что у насъ тоже существуютъ учрежденія для высшаго образованія женщинъ: педагогическіе курсы при нѣкоторыхъ учрежденіяхъ вѣдомства IV Отдѣленія, высшіе курсы при столичныхъ университетахъ (которые будутъ учреждены и при провинціальныхъ), и врачебно-акушерскіе курсы при медико-хирургической академіи. По мнѣнію Коммисіи, отнюдь не желательно расширеніе женскихъ профессій и такъ называемаго—«женскаго труда», въ ущербъ ощущаемой всѣми необходимости въ хорошихъ воспитательницахъ, для формированія которыхъ необходимо учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ, на подобіе берлинскихъ: Victoria-Lyceum für Damen, Königliche Louisen-Stiftung и Königliche Augusta-Schule.

который по 1-е января 1874 года не прекратятъ своихъ занятій, по возвращеніи въ Россію—не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ, хотя-бы пріобрѣли на то право, или даже поступили затѣмъ въ какое либо учебное заведеніе. Объявленіе объ этомъ должно было появиться въ формѣ подробнаго, мотивированнаго сообщенія По утвержденіи всеподданѣйшаго доклада Комиссіи Государемъ Императоромъ, правительственное сообщеніе объ этихъ мѣрахъ было напечатано въ № 120-мъ «Правительственнаго Вѣстника», отъ 21-го мая 1873 г. Въ немъ были приведены нѣкоторыя соображенія журнала Коммисіи и сдѣлано предупрежденіе относительно тѣхъ лицъ, которые не оставятъ къ 1-му января 1874 года посѣщеніе лекцій цюрихскаго университета и политехникума. Сообщеніе заканчивалось надеждою, что это заблаговременное заявленіе избавитъ правительство отъ «печальной необходимости подвергать кого—либо озна«ченнымъ ограниченіямъ». Для того чтобы вызовъ правительства былъ скорѣе и изъ ближайшаго источника извѣстенъ въ Цюрихѣ, бывшій тогда нашъ посланникъ при Швейцарскомъ Союзѣ, въ Бернѣ, дѣйств. ст. сов. кн. М. А. Горчаковъ распорядился напечатаніемъ его въ нѣмецкомъ переводѣ, въ №№ 368, 374 и 376, отъ 11, 14 и 15 іюля главной цюрихской газеты: «Neue Züricher Zeitung». Мѣстная печать, вдохновленная нашими эмигрантами, разумѣется напечатала нѣсколько возраженій, но были и голоса въ защиту принятой мѣры [1]). Университетскій Совѣтъ составилъ протестъ (о чемъ заявилъ печатно) и передалъ его правительству, для сообщенія его въ Россію; но швейцарское правительство осталось совершенно равнодушнымъ и къ нашему распоряженію и къ протесту университета, по крайней мѣрѣ, по внѣшности [2]).

Энергическая и прямая мѣра, принятая правительствомъ поразила неожиданностью цюрихскихъ студентокъ.

---

[1]) Въ № отъ 2 (14) августа 1873 года, появилась довольно рѣзкая корреспонденція въ швейцарской газетѣ Intelligenz—Blatt,—о бытѣ и жизни русскихъ студентокъ.

[2]) См. копію письма князя М. А. Горчакова къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, т. с. Вестману, отъ 20 іюня 1873 года. (дѣло № 215—1871 г. ч. I, л. 168): «aucune autorité n'a osé relever la question, sachant fort bien, que nos accusations étaient parfaitement bien fondées. Il m'est cependant revenu, que le gouvernement fédéral aurait été trés affecté par notre décision, déplorant un principe, qui, selon lui, toucherait à la liberté individuelle».

поколебались надежды ихъ на предстоящую имъ агитаторскую дѣятельность въ Россіи, имъ оставалось лишь одно: подчиниться указаніямъ правительства и большинство ихъ имѣя въ виду угрозу, столь для нихъ существенную, угрозу, вслѣдствіе которой, въ будущемъ, могли рухнуть ихъ планы, вскорѣ выѣхало *изъ Цюриха* (нѣкоторыя даже обратно въ Россію) [1]), но до выѣзда еще, появился за границею энергическій протестъ, подъ заглавіемъ: «Къ русскимъ студенткамъ», который былъ не что иное, какъ памфлетъ противъ правительства. Онъ разсылался по почтѣ изъ различныхъ заграничныхъ пунктовъ (Лондона, Гейдельберга, Цюриха, Берна, Мюльгаузена)—во всѣ редакціи русскихъ газетъ (не исключая и мельчайшихъ, а также Губернскихъ Вѣдомостей), въ библіотеки и многимъ частнымъ лицамъ [2]). Студентки прибѣгли, однако, къ нѣкоторому компромиссу, въ силу котораго многія остались въ Швейцаріи. Прежде всего, онѣ устремились въ базельскій университетъ, который на отрѣзъ отказалъ имъ, ссылаясь на ограниченные размѣры этого учрежденія. Вслѣдъ за тѣмъ, онѣ обратились въ Бернъ, гдѣ университетскій совѣтъ долго обсуждалъ ихъ ходатайство, чувствуя большое нерасположеніе къ пріему ихъ. Онъ былъ однако вынужденъ согласиться, не имѣя законнаго мотива для отказа, при чемъ студентки были предупреждены ректоромъ, что при первомъ случаѣ недовольства, вызваннаго ихъ же поведеніемъ, университетъ оставляетъ за собою право исключить ихъ. *Восемьдесятъ* цюрихскихъ студентокъ перешли такимъ образомъ въ бернскій университетъ. Были кромѣ того попытки перейти еще на другіе университеты: утрехтскій, лейденскій [3]), туринскій и главнымъ образомъ—парижскій. О поступ-

---

[1]) Въ январѣ 1874 года, ихъ оставалось только 13. Списокъ ихъ въ университетскомъ цюрихскомъ ежегодникѣ: «Verzeichniss der Behörden, Lehrern, Anstalten und Studirenden der Hochschule Zürich in der Winter-Saison 1873—1874; Zürich, 1873, 4°, стр. 16.

[2]) Прокламація эта считалась особенно дерзкою и отбиралась у лицъ, получившихъ ихъ по почтѣ. По настоянію московскаго генералъ-губернатора, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», долженъ былъ возвратить полученный имъ экземпляръ, несмотря на данное ему право получать книги безъ цензурнаго просмотра, на его намѣреніе энергически возразить на этотъ памфлетъ, и на заслуги его по развѣнчанію авторитета Герцена извѣстною статьею въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 г. (см. дѣло № 215—1871 г. по 3 экспед., ч. I, л. 155 и 157).

[3]) Въ лейденскій университетъ поступило, въ декабрѣ 1873 года, всего три студентки.

леніи въ послѣдней ходатайствовало сначала пять студентокъ; но министръ народнаго просвѣщенія Бати, запрашивалъ въ октябрѣ 1873-го года чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ (герцога де-Бройль), наше правительство, какъ относительно аттестаціи просительницъ, такъ и вообще о существѣ подобнаго ходатайства. Шефъ жандармовъ отозвался по этому поводу что, по его мнѣнію, принятіе этихъ лицъ на медицинскій факультетъ парижскаго университета едва-ли принесетъ какіе либо благопріятные результаты, а между тѣмъ, внесетъ въ это учрежденіе крайне радикальные элементы [1]). Правительство достигло, такимъ образомъ, своей цѣли лишь на половину, удаливъ изъ Цюриха большинство студентокъ и ослабивъ только такимъ образомъ дѣятельность скопища русскихъ революціонеровъ. Но огромное большинство этигранток осталось за границею, даже въ той же Швейцаріи, и продолжало проживать въ тѣхъ же условіяхъ жизни, въ другихъ университетскихъ центрахъ.

Изъ свѣденій, которыя возможно было собрать о 123 студенткахъ (изъ 140), перебывавшихъ въ 1872—1873 гг. въ Цюрихѣ, можно было извлечь и нѣкоторыя количественныя и качественныя данныя:

1) По *сословіямъ*, онѣ распредѣлялись въ слѣдующемъ порядкѣ:

изъ	дворянскаго	37
«	чиновничьяго	25
»	купеческаго	25
»	мѣщанскаго	4
»	духовнаго	2
»	остальныхъ (принадлежность которыхъ къ тому или другому сословію не выясняется имѣющимися о нихъ свѣдѣніями)	30
	Всего	123

2) По *національностямъ*, онѣ распредѣлялись въ слѣдующемъ видѣ:

русскихъ	75
(въ томъ числѣ—9 малороссіянокъ)	—
евреекъ	24
(20% всего количества)	—
нѣмокъ	10

[1]) Дѣло № 215—1871 г. по 3 экспед., ч. 2, л. 212 и 256. Въ Парижѣ, онѣ встрѣтили большія затрудненія. Имъ приказано было носить шиньоны для прикрытія стриженыхъ волосъ.

грузинокъ.	7
полекъ и католичекъ . . .	6
неизвѣстной національности.	1
Всего	123

3) Но гораздо существеннѣе возможно точное опредѣленіе революціонной *качественности* женской половины учащейся русской молодежи въ Цюрихѣ. Всѣ онѣ безъ сомнѣнія, въ большей или меньшей степени, были заражены революціонною заразою, которая, вѣроятно, на всю жизнь осталась присущею ихъ умственному и нравственному складу; но многія изъ нихъ, впослѣдствіи, вернувшись въ Россію, не принимали активной дѣятельности въ дѣяніяхъ соціально-революціонной партіи, или же принимали участіе въ ней въ такой слабой степени, что оно укрылось отъ тщательныхъ розысковъ правительства. Такихъ лицъ насчитывается до 60. Пребываніе въ Цюрихѣ оказалось для нихъ лишь потраченнымъ временемъ и немногимъ увеличило, вѣроятно, ихъ познанія, не дало имъ того высшаго, научнаго образованія, къ которому онѣ стремились. Пятнадцать изъ студентокъ этой категоріи добились, впослѣдствіи, диплома доктора медицины, но не всѣ пріобрѣли затѣмъ право врачебной практики въ Россіи. Остальныя же, затѣмъ, 63 студентки (около 45% общаго количества), вернувшись домой въ Россію, а также и оставаясь за границею, сдѣлались видными дѣятелями пропаганды и революціи, причемъ *28 изъ нихъ могутъ быть причислены къ первоклаcснымъ политическимъ преступницамъ*, а остальныя 35—играли менѣе видную роль. Такимъ образомъ, подтвердилось въ дѣйствительности заключеніе Коммисіи по дѣлу о цюрихскихъ студенткахъ,—что нѣсколько дипломовъ не искупятъ того зла, которое наносится обществу пребываніемъ русскихъ женщинъ въ Цюрихѣ.

Значенія своего въ эмиграціонной коммунѣ, студентки не достигли, при своемъ появленіи въ Цюрихѣ, сразу. Ихъ сначала немного опасались, имъ не довѣряли [1]), но общество женщинъ внесло вскорѣ большое оживленіе въ мрачную эмиграціонную жизнь. Число студентокъ росло крайне быстро: въ началѣ іюня 1872-го года ихъ было 61 [2]), осенью ихъ записалось въ университетъ до 80 [3]), а всѣхъ эмигрантокъ, было тогда уже до 140 [4]).

---

[1]) Швейцарск. агент. 1872, № 53.

[2]) Ibid. 1872, № 40.

[3]) Ibid. 1872, №№ 64 и 73.

[4]) Ibid. 1872, № 70.

Вскорѣ онѣ освоились и стали пріобрѣтать вліяніе среди молодежи, основали свой женскій клубъ [1]), образовали два женскихъ общества, изъ которыхъ одно было «бакунинское» [2]), образовали, какъ мы видѣли, общество «Помощь» для сбора пожертвованій въ Россіи въ пользу цюрихскихъ студентокъ [3]); русскому же женскому обществу главнымъ образомъ обязана была, основанная нечаевцами русская библіотека (Fluntern—Platz, Frauenfeld, № 71 [4]); появилась даже кухмистерская для членовъ русской коммуны [5]), устроенная русскими студентками. Дѣятельность русскихъ женщинъ дала вообще новую окраску эмиграціи. Студентки внесли начало энтузіазма и энергіи. Многочисленность личнаго состава естественно была тоже причиною появленія разныхъ кружковъ и партій: были «россиды» (изъ кружка Сажина, носившаго въ эмиграціи фамилію Россъ), «александровцы» и «санъ-жебунистки» (сторонницы эмигранта Жебунева), позднѣе «лавровцы», «александровки», даже женщины—«бакунистки» и ярыя «нечаевщихи». У всѣхъ этихъ лицъ были самые разнообразные взгляды на цюрихскія дѣла и тамошнихъ русскихъ людей. Одинъ изъ наиболѣе энергическихъ членовъ коммуны, Жебуневъ, откровенно и не совсѣмъ лестно отзывался въ письмѣ къ пріятелю, въ декабрѣ 1872 г., о цюрихскихъ кружкахъ, по поводу лекцій [6]) Михайловскаго (псевдонимъ Лаврова): «Слушателей было душъ 200, но «я, зная это общество, говорю, что изъ нихъ, дай «Богъ, чтобы набралось душъ двадцать, которые ему со-«чувствовали-бы, понимали его. Еслибъ ты представилъ «себѣ, что это за общество? Это всѣ узколобые практики, «у которыхъ вся конечная цѣль—кассы, да кухмистер-«скія, да тупоголовые революціонеры, или иначе сказать «—бакунинцы. Пошлости, дрязги, гадости между этими «практиками!. Научнымъ дѣломъ положительно не зани-«маются. Здѣсь есть эмигранты, которые кичатся своимъ «званіемъ, но я, смотря на нихъ, удивляюсь, зачѣмъ

---

[1]) Ibid. 1872, № 42.

[2]) Ibid. 1872, № 73.

[3]) Ibid. 1872, № 73.

[4]) Ibid. 1872, № 28.

[5]) Въ Женевѣ, существовала даже одно время кухмистерская (Cuisine Coopérative) Эльпидина и «Marmite Sociale» коммунардовъ, въ которой любила засѣдать нигилистка Озерова. Тамъ было вообще множество разныхъ Brasseries, Cercles populaires, и т. п. сборищъ интернаціоналистовъ и рабочихъ (Швейцарская агентура, 1872, № 74 и 75).

[6]) «О роли славянъ въ европейской цивилизаціи».

«русское правительство ихъ преслѣдуетъ. *Имъ просто «на—просто всыпать горячихъ со полсотни, да и дѣло «со концомъ*..... Тупоголовые до безобразія, а между тѣмъ, «имѣютъ вліяніе на птенцовъ, и этимъ завлекаютъ ихъ «на практическое поприще [1])»....

Менѣе рѣзкій, но тоже полный порицанія отзывъ передавала на родину студентка Марія Балтага (дочь священника), отъ 27-го ноября 1872 года: «Еще на ро- «динѣ я думала, что въ этомъ Цюрихѣ я найду людей, «какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—умныхъ, развитыхъ «а главное—людей дѣла, а не слова.... Но теперешняя «жизнь убѣждаетъ меня, что произведенія моего вооб- «раженія не осуществились и едва-ли осуществятся. «Здѣсь вездѣ слышишь про свободу, про революціи, но «только слышишь, а видѣть нигдѣ не видишь. Возь- «мемте хоть нѣкоторыхъ эмигрантовъ (о фамиліи ихъ «я умалчиваю): попробуйте поговорить съ ними,—просто «заслушаешься, самъ-же ходитъ разодѣтый, не уступитъ «салонному кавалеру. Не то думала я объ эмигрантахъ. «Но вижу, что не всякій, носящій имя революціонера- «революціонеръ. Вотъ я уже пять мѣсяцевъ прожила, и «только одного революціонера встрѣтила..... Что-жъ «касается женщинъ,—то о нихъ умолчу. Какъ начну я «думать на эту тему, то думаешь, думаешь, и махнешь «рукою!.., Гдѣ-же тѣ хорошіе люди?».... [2]).

Нечаевъ, какъ агитаторъ не мало искусившійся въ революціонной практикѣ, первый обратилъ вниманіе на ту пользу, которую можно было извлечь, для успѣха революціоннаго дѣла, [3]) отъ присутствія женскаго элемента, въ Цюрихѣ. При помощи Эльсница и Александрова, онъ съ нимъ сблизился, устроилъ болѣ свободныя отношенія, и привлекъ къ себѣ сразу не мало новыхъ и энтузіастическихъ поклонницъ. Впрочемъ, вліяніе его не было продолжительно, ибо дни пребыванія его въ Швейцаріи были сочтены. Онъ продолжалъ розыгрывать роль великаго дѣятеля революціи, при томъ—дѣятеля крайне подвижного, боявшагося ареста и выдачи. Въ іюнѣ 1871 г., онъ жилъ въ Женевѣ [4]), на route de Carouge, гдѣ ему помогалъ денежными средствами Жемановъ; въ іюлѣ, онъ переѣзжаетъ въ

---

[1]) Секретн. свѣд. 1872, № 381.

[2]) Ibid. 1872, № 393.

[3]) Швейц. агент. 1872, № 53.

[4]) Ibid. 1871, № 57, вмѣстѣ съ Огаревымъ (дѣло № 115, 1869, ч. 6, л. 189).

Аннэси (Annecy) [1]), въ августѣ, проживаетъ въ La Drire [2]), тоже недалеко отъ Женевы, въ октябрѣ, находится въ Вевэ (Vevey), гдѣ его снабжаетъ всѣмъ необходимымъ, какой-то демократъ, швейцарецъ Пэррэнъ (Perrin). [3]) Въ томъ же мѣсяцѣ, онъ ѣдетъ для какого-то революціоннаго предпріятія въ Галицію, гдѣ укрывается подъ именемъ Цѣхановскаго [4]). Обстоятельства тутъ ему не благопріятствуютъ, ибо австрійская полиція дѣятельно его преслѣдовала: появилась даже въ русскихъ газетахъ телеграмма, будто онъ задержанъ въ Австріи. Его, однако, выручилъ и помогъ ему скрыться нѣкто галицкій еврей Веберъ [5]), эмигрантъ изъ Царства Польскаго 1830 года [6]), который ссудилъ ему даже денегъ, а сынъ его, проводилъ Нечаева въ Лондонъ [7]), откуда въ ноябрѣ 1871-го года, они вмѣстѣ пріѣзжаютъ въ Цюрихъ, при чемъ у Нечаева оказался англійскій паспортъ на имя Брауншвейга. Здѣсь предполагалъ онъ поселиться на нѣкоторое время и записался даже въ политехникумъ [8]); здѣсь же получилъ онъ, въ январѣ 1872 года, 20.000 франковъ изъ фонда, оставленнаго Герценомъ на русское революціонное дѣло, а послѣднему переданныя нѣкіимъ русскимъ Б., въ серебряныхъ рубляхъ. Были слухи, что Нечаевъ передалъ деньги «Славянскому соціально-демократическому обществу» [9]). Жилъ онъ въ Цюрихѣ, у Турскаго, и на короткое время ѣздилъ въ Италію [10]). Хотѣлъ печатать какую-то брошюру, въ январѣ 1872 года, купилъ шрифтъ, а наборъ поручилъ студенткамъ—Нахимовой, Оттиліи Эльсницъ и Бетти Каминской, бывшимъ открытыми «нечаевщихами» [11]). На праздникѣ годовщины польскаго возстанія, $^{9}/_{21}$ января 1873, онъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ Озмидовымъ, при чемъ эмигрантъ Мазуровскій ввелъ его въ залу [12]); въ томъ же мѣсяцѣ, былъ онъ на торжественномъ собраніи возникавшаго тогда въ

---

[1]) Швейцарская агентура—1871, № 60.

[2]) Ibid. 1871, № 74.

[3]) Ibid. 1871, № 84.

[4]) Ibid. 1871, № 95. Въ Галиціи, агентомъ его былъ какой-то эмигрантъ Волковъ (ibid. 1872, № 16).

[5]) О немъ—ibid. 1871, №№ 95 и 99; 1870, № 36.

[6]) Помогалъ ему тоже нѣкто Важнецкій (Іосифъ).

[7]) Швейц. агент. 1871, № 95; 1872, № 6.

[8]) Ibid. 1872, № 28.

[9]) Ibid. 1872, № 54.

[10]) Ibid, 1872, №№ 7 и 19; Московск. Вѣд. 1873, № 14.

[11]) Швейц. агент. 1872, №№ 10 и 23.

[12]) Ibid.

средѣ польскихъ эмигрантовъ «Общества братской помощи» (Towarzystwo Bratniéy Pomocy) [1]). Въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ уже въ Парижѣ [2]), потомъ ѣдетъ, въ мартѣ, въ Гейдельбергъ [3]), откуда, вслѣдствіе его же воззванія, многіе студенты хотятъ перейти въ Цюрихъ [4]). 27 марта, (6-го апрѣля) онъ опять возвращается въ Цюрихъ; въ маѣ же, хлопочетъ, въ Женевѣ, объ основаніи тамъ такого-же общества, какъ въ Цюрихѣ [5]), обвинивъ предварительно женевскихъ коноводовъ въ недостаткѣ энергіи [6]). Изъ эмигрантовъ, за послѣднѣе время Нечаевъ, всего болѣе довѣрялъ Ралли [7]); но у него были тоже и недоброжелатели, особенно за грубость его формъ и высокомѣріе. Авторитетъ его даже немного поколебался послѣ того, какъ стало извѣстно, что онъ силою отнялъ у старшей дочери Герцена нѣкоторыя бумаги и письма ея отца, за которыя потомъ просилъ высокій выкупъ, въ чемъ ему было, впрочемъ, отказано [8]). Послѣ сформированія собственнаго общества, Нечаевъ началъ уже дѣйствовать самостоятельно, не причисляя себя ни къ какой партіи и самъ откровенно пояснялъ: *«Къ чему эти шумъ, да «крики, общества, собранія, гласная революція? Взялъ «нѣсколько паспортовъ и пистолетикъ,—да и бацъ! Вотъ «вамъ и революція! А все прочее—пустяки»* [9])... Въ маѣ получилъ онъ 8.000 руб. отъ кого-то изъ Россіи, ведетъ въ Цюрихѣ таинственную жизнь, днемъ не выходитъ, и даже переодѣвается иногда въ женское платье [10]); вообще, онъ не былъ сторонникомъ въ то время гласной революціонной дѣятельности [11]). Въ іюнѣ, онъ ѣдетъ опять въ Парижъ, Вѣну и Мюнхенъ [12]), и возвращается къ 15 іюня на совѣщаніе по поводу революціонныхъ дѣлъ въ Сербіи [13]). Въ іюлѣ, происходитъ у него перемиріе съ Ба-

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 15.—Нечаевъ состоялъ тоже въ перепискѣ съ Мѣрославскимъ (ibid. 1872, № 24).

[2]) Ibid. 1872, № 19.

[3]) Вѣроятно, что съ паспортомъ Семена Серебренникова (ibid. 1873, № 145).

[4]) Швейц. агент. 1872, №№ 16 и 22.

[5]) Ibid. 1872, № 28.

[6]) Ibid. 1872, № 6.

[7]) Ibid. 1872, № 19 и 1874, № 169.

[8]) Ibid. 1872, № 30.

[9]) Ibid. 1872, № 36.

[10]) Ibid. 1872, № 37.

[11]) Ibid. 1872, № 6.

[12]) Ibid. 1872, № 38.

[13]) Ibid. 1872, № 44.—При Нечаевѣ, состоялъ подручнымъ одинъ сербъ—Силичъ (ibid. 1873, № 139).

куннымъ [1]). Въ августѣ, переѣзжаетъ онъ въ Женеву, гдѣ, хотя и носитъ псевдонимъ серба Гражданова, но ходитъ, не стѣсняясь, по Женевѣ, съ длинными волосами, въ плисовыхъ штанахъ и красной рубашкѣ, высокой шляпѣ, при этомъ въ пиджакѣ, который онъ подбиралъ сзади въ видѣ фрака. Вообще, съ конца іюня мѣсяца, онъ мало стѣснялся, посѣщалъ собранія Интернаціонала, ходилъ по ресторанамъ. Его предостерегали, но онъ не слушался, полагая что это коварныя инсинуаціи, идущія отъ Бакунина, желающаго устранить его [2]). Жилъ онъ въ Hôtel du Cygne [3]) и занимался даже иногда профессіей простого вывѣсочнаго живописца [4]). Лицо, видѣвшее Нечаева за это послѣднее время его пребыванія въ Швейцаріи, характеризуетъ его какъ весьма способнаго и ловкаго интригана, и вмѣстѣ съ тѣмъ большаго знатока человѣческихъ слабостей. Онъ искусно лавировалъ въ эмиграціи между различными партіями, большею частью ему противными. Большинство русскихъ, принадлежавшихъ къ его кружку, не знали даже о послѣднемъ пребываніи его въ Швейцаріи, а между тѣмъ, онъ ими всѣми управлялъ. Многіе были убѣждены, что Нечаевъ смотритъ съ ихъ точки зрѣнія, и повиновались ему безпрекословно: съ коммунистомъ онъ умѣлъ быть коммунистомъ, съ соціалистомъ—соціалистомъ, и съ буржуа—быть буржуа. Если-же собраніе было смѣшанное, то онъ говорилъ: «господа, я не соціалистъ и не буржуа, не республика-«нецъ, и не монархистъ; я люблю народъ, свое отече-«ство, желаю ему счастья, какъ и всему человѣчеству, «а въ какой формѣ,—это для меня все равно»... И всѣ оставались довольны такимъ практическимъ лозунгомъ своего грубаго и дикаго вождя и руководителя.

Согласіе на выдачу Нечаева, было, уже болѣе двухъ лѣтъ назадъ, дано русскому правительству Союзнымъ Совѣтомъ; но изловить Нечаева, накрыть его, отыскать, чтобы наложить на него руку,—представляло большія трудности, ибо Нечаевъ былъ постоянно въ движеніи и переѣздахъ; личность его, самая внѣшность—вовсе не была извѣстна швейцарской полиціи; наконецъ, послѣдняя хотѣла дѣйствовать вполнѣ на вѣрняка, послѣ случая неправильнаго ареста Серебрянникова, вмѣсто Не-

---

[1]) Ibid. 1872, № 53.

[2]) Ibid. 1872, № 60.—Бакунинъ боялся Нечаева, и въ тихомолку, насмѣшливо называлъ его—*блинопёкомъ* (ibid.).

[3]) Ibid. 1872, №№ 6 и 33.

[4]) Ibid. 1872, № 56, и Секрети. свѣд. 1872, № 252.

чаева, о чемъ было сказано выше [1]). Въ этомъ дѣлѣ могло прійти на помощь только само русское правительство, и при помощи своего агента, указать на настоящаго Нечаева. Буйный нравъ этого грубѣйшаго анархиста, авторитетъ, которымъ онъ пользовался, возможность уличнаго безпорядка и сопротивленія аресту, значительно осложняли это дѣло—и для полиціи, и для агента. Нѣкто польскій эмигрантъ Іосифъ Стемпковскій, человѣкъ весьма способный и смѣлый до самопожертвованія [2]), взялся розыскать и выслѣдить Нечаева, а затѣмъ, при удобныхъ условіяхъ, указать на него полиціи. Успѣхъ достигнутъ былъ только послѣ долгихъ стараній со стороны Стемпковскаго. Наконецъ, пробилъ послѣдній часъ личной дѣятельности Нечаева. 2-го (14) августа 1872 года, въ два часа по полудни, онъ спокойно сидѣлъ въ Женевѣ, въ Café Müller, на улицѣ Seefeld, въ довольно глухой мѣстности города. Кофейня была почти пустая; были въ ней только нѣсколько интернаціоналистовъ— рабочихъ и Стемпковскій. Послѣдній указалъ полиціи, бывшей вмѣстѣ съ жандармами на готовѣ, на Нечаева, и онъ былъ тутъ же арестованъ, безъ особаго сопротивленія. Довольно спокойно заявилъ онъ, что онъ вовсе не Нечаевъ, но сербскій подданный Граждановъ, и что его арестъ—очевидная ошибка. Его однако немедленно отвели въ тюрьму [3]).

Арестъ Нечаева былъ цѣлымъ событіемъ для Швейцаріи, въ особенности среди русской эмиграціи. Полиція арестовала Нечаева [4]), безъ сомнѣнія, для выдачи русскому

---

[1]) См. выше, стр. 8—9.

[2]) Стемпковскій былъ чиновникомъ варшавскаго магистрата, не участвовавшій ни въ одномъ изъ злоумышленій польскаго возстанія. Онъ эмигрировалъ, подобно множеству его соотечественниковъ, но за нѣсколько дней до поджога магистрата, что дало именно поводъ предположить какое-то участіе его въ этомъ дѣлѣ, автору (М. Устимовичу) исторіи покушенія на жизнь фельдмаршала графа Берга (Варшава, 1870, 8°). Затѣмъ Стемпковскій ни въ чемъ не судился, никогда не былъ даже вызываемъ къ суду изъ за границы, и жилъ спокойнымъ эмигрантомъ въ Швейцаріи, презрительно относясь къ дѣяніямъ и русскихъ, и польскихъ эмигрантовъ. Всѣхъ ихъ онъ зналъ довольно близко. Впослѣдствіи, онъ не разъ еще оказывалъ правительству полезныя услуги.

[3]) Секретн. свѣд. 1872, № 385.—Подробности о дѣлѣ ареста и выдачи Нечаева—о секретномъ агентурномъ дѣлѣ о Нечаевѣ. Особенно полны и важны для исторіи дѣла рапортъ жандармскаго маіора Николича—Сербоградскаго, отъ 7/19 августа 1872 и донесеніе д. с. с. Всев. Ник. Всеволожскаго (командированаго въ Бернъ, къ нашему посланнику) шефу жандармовъ, отъ того же числа.

[4]) Онъ разсчитывалъ, что сама полиція предупредитъ его въ случаѣ грозящей опасности, какъ однажды, по слухамъ, это и случилось, зимою 1871—1872 гг. (Швейцарская агентура, 1872, № 60).

правительству; швейцарскія власти, такимъ образомъ, сдержали свое слово, какъ только имъ былъ указанъ настоящій Нечаевъ. Для большинства, это было неожиданностью; оно недоумѣвало, не было конца толкамъ.... Въ это самое время, въ Швейцаріи собрался какой-то международный конгрессъ пѣвцовъ (до 6000 человѣкъ), наѣхало много австрійцевъ, англичанъ, даже американцевъ, и всѣ они волновались, вмѣстѣ съ Швейцаріею и эмиграціею [1]). Всѣ толки кружились въ публикѣ около вопроса: выдадутъ-ли Нечаева или нѣтъ? Съумѣетъ-ли онъ, или же друзья его, легализировать свое положеніе въ глазахъ швейцарскаго правительства, доказать дѣйствительное существованіе серба Гражданова, или нѣтъ? Въ «Journal de Genève» (оффиціозной газетѣ, расположенной тогда къ Россіи) было напечатано только краткое извѣстіе объ арестѣ Нечаева [2]). Бакунинъ, бывшій за все послѣднее время подъ сильнымъ его вліяніемъ, написалъ протестъ [3]), который напечатанъ былъ въ «Gazette de St.-Gallen», а оттуда перепечатанъ въ женевской «Patrie» (съ ея примѣчаніями), отъ 23-го августа 1872-го года, № 173 [4]). Онъ былъ помѣченъ 15 августомъ, и кромѣ Бакунина, подписанъ еще эмигрантами: Гольштейномъ, Смирновымъ, Озеровымъ и Ралли (въ качествѣ—«réfugiés politiques russes»). Подъ спокойнымъ тономъ, скрывалось однако чувство разочарованія и безсильнаго гнѣва. Протестующіе говорили съ удивительною наглостью и смѣлостью: «Monsieur Netchaiew nous est complètement étranger, «et nous ne voulons avoir rien de commun avec les prin-«cipes, qu'on lui attribue, à tort ou à raison; mais il nous «est sacré en tant, que poursuivi par le gouvernement «russe, que nous détestons. Nous nous sentons tous obligés «de réclamer pour lui le droit de refuge politique....» Затѣмъ, съ еще большею наглостью добавлялось: «Nous «nous fesons forts de prouver, appuyés sur les actes «officiels du procès, et sur le discours sténographié du «procureur—général, que Netchaiew n'est poursuivi que «pour délits politiques, et cela même, en Russie» [5]). Кромѣ того, Бакунинъ написалъ цѣлую брошюру въ которой доказывалъ, что Граждановъ—вовсе не Нечаевъ [6]). Сербы

---

[1]) Ibid. 1872, №№ 55 и 58.

[2]) Journal de Genève, 1872, 19 août.—Ibid. 1872, №№ 58 и 66.

[3]) Ibid. 1872, № 57.

[4]) Ibid. 1872, № 58.

[5]) Ibid. 1872, № 58. Протестъ былъ напечатанъ тоже на нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ (ibid. № 60).

[6]) Секретн. слѣд. 1872, № 252.

эмигранты требовали освобожденія изъ подъ ареста своего соотечественника—серба; 50-ть свидѣтелей заявили въ полиціи, что арестованное лицо—вовсе не Нечаевъ [1]). Судебный защитникъ, однако, нашелся для него лишь съ трудомъ, но наконецъ, взялся за это дѣло нѣкто адвокатъ Бруннеръ [2]). Для защиты лучшей былъ припасенъ списокъ лицъ, осужденныхъ по дѣлу объ убійствѣ Иванова (изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей), и въ спискѣ этомъ, вовсе не было имени Нечаева. Списокъ этотъ, въ случаѣ предположенія объ экстрадиціи, должны были предъявить въ самомъ Conseil Fédéral. Въ бумагахъ, арестованныхъ у Нечаева, не оказалось, впрочемъ, ничего особенно важнаго, такъ какъ главное было припрятано имъ въ Парижѣ [3]). Кромѣ того, имъ былъ данъ на храненіе Турскому, особый пакетъ съ бумагами, который онъ, послѣ его ареста, сжегъ, не вскрывая, вмѣстѣ съ Гольштейномъ и Ралли [4]); часть бумагъ была тоже у Серебрянникова [5]). Провѣрка личности Нечаева продолжалась, но дѣло шло уже не въ его пользу. Отсутствіе Токажевича много повредило ему, и не дало возможности осуществиться слѣдующей комбинаціи. Парижская полиція, преслѣдовавшая и Нечаева, и Токажевича, выслала однажды послѣдняго за то, будто онъ у себя укрываетъ Нечаева. Это предположеніе было совершенно ложно, ибо Токажевичъ вовсе не зналъ Нечаева и познакомился съ нимъ только за три—четыре дня до его ареста; но такъ какъ парижская полиція оставалась при своемъ мнѣніи, то можно было выставить Токажевича свидѣтелемъ, опирающимся на фактъ, извѣстный полиціи. Полагали, что отрицаніе Токажевича личности Нечаева, имѣло бы большое значеніе въ глазахъ швейцарскаго правительства [6]).

Чѣмъ хуже шло нечаевское дѣло, для его сторонниковъ, чѣмъ менѣе шансовъ оставалось для надежды на его освобожденіе [7]), тѣмъ сильнѣе разросталась агитація въ его пользу. Даже нѣкая Адель Лейцингеръ, извѣстная

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 59.

[2]) Ibid. 1872, № 60; 1874, № 187. Онъ потребовалъ 3000 франковъ (дѣло № 215, ч. 23, л. 36 об.).

[3]) Ibid. 1872, № 59.

[4]) Ibid. 1872, № 60.

[5]) Секретн. свѣд. 1872, № 385.

[6]) Швейцарская агентура—1872, № 59.

[7]) Только въ Neue Züricher Zeitung, 1872, № 417, отъ 17-го августа, стр. 2, была помѣщена довольно объективная статейка, въ которой заявлялось предположеніе, что Нечаевъ—дѣйствительно виновенъ (Ibid. 1872, № 63).

швейцарская красавица, имѣвшая связи въ швейцарскихъ оффиціальныхъ сферахъ, хлопотала въ Союзномъ Совѣтѣ, въ Женевѣ. Гольштейнъ ѣздилъ въ Берн., въ наше посольство [1]). На праздникѣ Интернаціонала въ память Лассаля, 17-го сентября 1872 года, нигилистка Южакова (красная «нечаевщиха») говорила рѣчь за Нечаева. Въ женевской «Patrie», помѣщались заявленія, будто цюрихскій бургомистръ обѣщалъ лондонскому Интернаціоналу не выдавать Нечаева, какъ незамѣнимаго и ревностнаго дѣятеля революціи; была тоже статья въ «Tagwacht», органѣ Интернаціонала [2]). Въ Neue Freie Presse, появилась тоже запальчивая выходка противъ Россіи [3]); были даже сходки рабочихъ въ Temple Unique. Не молчали и поляки: въ октябрѣ мѣсяцѣ, появилась прокламація всѣхъ польскихъ эмиграціонныхъ кружковъ, подъ заглавіемъ: «An das Schweizerische Volk», въ которой серьезно предостерегали правительство о послѣдствіяхъ выдачи Нечаева, при чемъ пояснялось, что нечаевцамъ, во время процесса ихъ, *выкалывали глаза и рѣзали языки* (dem Abschneiden der Zunge und Ausstechen der Augen unterworfen.....). Протестъ подписанъ былъ «Im Namen aller social-demo-«kratischen polnischen Vereine» [4]), но президентъ цюрихской полиціи, Пфеннигеръ, совершенно основательно приписывалъ изданіе этой прокламаціи русской типографіи, въ Обстгартенѣ, вслѣдствіе чего, её обязали переѣхать въ Цюрихъ, вмѣстѣ съ занимавшимся въ ней Александровымъ; а сотруднику послѣдняго, Гольденбергу, было даже запрещено возвращаться въ Цюрихъ [5]). Все сочувствовало Нечаеву, всѣ протестовали и хлопотали; одинъ только Утинъ оставался безъучастенъ, признавая, что Нечаевъ давно уже сталъ *русскимъ агентомъ*, и что арестъ его—одна комедія [6]).

Всѣ интриги и помѣхи не подѣйствовали однако на Кантональный Совѣтъ и предсѣдателя Союзнаго Совѣта, Вельти [7]). Швейцарская полиція запретила даже книгопродавцу Сюрмону печатать революціонныя брошюры русскихъ эмигрантовъ [8]). Правительство кантональное и союзное начинало высказывать явное нерасположеніе къ рус-

---

[1]) Ibid. 1872, №№ 55 и 59.
[2]) Секретн. свѣдѣнія 1872, № 385. Швейцарская агентура—1872, № 65.
[3]) Дѣло № 215, 1869 г., ч. 23, л. 43.
[4]) Швейцарская агентура—1872, № 71.
[5]) Ibid. 1872, № 71; дѣло № 215, ч. 23, л. 43.
[6]) Ibid. 1872, № 74.
[7]) Дѣло № 215, 1869, ч. 23, л. 2—3 (депеша кн. М. А. Горчакова).
[8]) Ibid. л. 43.

скимъ агитаторамъ. Выдача Нечаева была рѣшена. Баварское правительство согласилось на провозъ его чрезъ Линдау; что-же касается Пруссіи, то тамъ было въ силѣ распоряженіе объ арестѣ Нечаева, сдѣланное, еще въ январѣ 1870 года, и напечатанное въ Central—Anzeiger der Königlichen Preussichen Polizei [1])... Но сторонники Нечаева дѣлали послѣднія усилія, чтобы освободить его. Получивъ извѣстіе о заключенія Кантональнаго Совѣта, они рѣшились отбить его силою, и для обсужденія этого предпріятія, въ Цюрихѣ, образовался особый комитетъ изъ семи членовъ (русскихъ и поляковъ). Задачею комитета было—собрать достаточно денегъ, чтобы облегчить Нечаеву бѣгство, и образовать изъ лицъ на всё готовыхъ двѣ шайки, изъ коихъ одна неотступно караулила-бы около тюрьмы и на пути къ станціи желѣзной дороги, а другая должна была, въ данную минуту, броситься на конвой и освободить великаго дѣятеля. Въ деньгахъ недостатка не оказалось, такъ какъ они были недавно доставлены изъ Петербурга, какими-то тремя неизвѣстными пріѣзжими, которые сами не были членами помянутаго комитета, но присутствовали въ его засѣданіяхъ и уплачивали всѣ расходы. Швейцарскимъ чиновникамъ предлагали, но безъуспѣшно 50000 франковъ за то, чтобъ они дали Нечаеву возможность бѣжать, и за своевременное извѣщеніе о часѣ, когда предполагалось отправить Нечаева изъ тюрьмы на желѣзную дорогу [2]). Въ этой шайкѣ «освободителей», участвовали тоже полякъ Яницкій, докторъ Радошъ (сербъ) и докторъ Закъ [3]), Нечаева повезли изъ тюрьмы 2-го ноября, въ пять часовъ утра, на станцію желѣзной дороги, въ сопровожденіи жандармовъ, вооруженныхъ карабинами. Директоръ полиціи, Пфеннигеръ, былъ удивленъ, когда увидѣлъ на станціи—до двадцати русскихъ эмигрантовъ, хотѣвшихъ остановить карету. Когда одинъ изъ нихъ взялся за ручку дверецъ, его арестовали [4]); завязалась драка, но шайка была вооружена 16-ю револьверами, которыми снабдилъ её Ралли [5]). Шайка дѣлилась на два отряда, изъ которыхъ одинъ былъ вооруженъ палками и револьверами, а другой долженъ былъ забрасывать глаза жандармамъ пескомъ. Этотъ

---

[1]) Ibid. л. 19.

[2]) Ibid. л. 36.

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 105.

[4]) Ibid. 1874, № 74. (разсказъ Эльсница).

[5]) Ibid. 1873, № 80.

послѣдній отрядъ не исполнилъ своей задачи и бѣжалъ, вслѣдствіе чего весь планъ не удался, и хотя нападеніе послѣдовало, но оно привело только къ задержанію полиціей шести человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ сербовъ [1]). Полиція не придала впослѣдствіи никакого значенія этой неудачной попыткѣ.

Нечаевъ отправился въ сопровожденіи швейцарскихъ жандармовъ и командированнаго въ Швейцарію, на все время его выдачи и ареста, жандармскаго маіора, Николича-Сербоградскаго. Въ Линдау, онъ былъ принятъ чиновникомъ баварской полиціи, Кершеромъ [2]), прослѣдовалъ благополучно Германію и прибылъ 19-го октября 1872 г. въ Петербургъ, откуда 22-го декабря высланъ въ Москву, для суда по его дѣлу. По прибытіи сюда 24-го декабря, его заключили въ приготовленное для него особое помѣщеніе, при Сущевскомъ полицейскомъ домѣ [3]). Съ первыхъ-же дней, Нечаевъ усвоилъ себѣ прежній образъ дѣйствій, тоже нахальное и дерзкое обращеніе, которое сохранилъ и до конца процесса. На предложеніе прокурора прочесть ему слѣдственное дѣло объ убійствѣ Иванова, онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ въ этомъ надобности, не подчиняется русскимъ законамъ и считаетъ себя къ нимъ лицомъ индифферентнымъ; но если это необходимо, то онъ готовъ слушать то, что ему будетъ прочитано. Когда судебный слѣдователь [4]) прочиталъ ему всё дѣло, то въ концѣ концовъ, онъ объявилъ, что не признаетъ себя виновнымъ въ убійствѣ Иванова и считаетъ себя только *политическимъ преступникомъ* [5]). Слѣдствіе было тогда закончено, и 28-го декабря, товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда, Шестаковъ, вмѣстѣ съ прокуроромъ Жуковымъ, предложили Нечаеву принять обвинительный актъ, но онъ его не принялъ и въ предъявленіи его отказался дать росписку. Онъ тоже отказался взять защитника, объявивъ, что на судѣ защищаться не будетъ, обвиненіе признаетъ клеветой, и находитъ страннымъ противъ нея защищаться, ссылаясь постоянно на то, что онъ только *политическій* преступникъ, а не убійца. О всемъ этомъ былъ составленъ протоколъ; обвинительный же актъ положенъ ему на столъ,

---

[1]) Дѣло № 215, 1869 г. ч. 23, л. 36—37; Швейцарская агентура—1872, № 72.

[2]) Дѣло № 215, 1869 г. ч. 23, л. 135.

[3]) Ibid. л. 63 и 71.

[4]) Коллежскій секретарь Спасскій.

[5]) Дѣло № 215, 1869, ч. 23, л. 70.

и ночью, съ 28-го на 29-е декабря, Нечаевъ всё таки прочелъ его. Судъ былъ назначенъ на 8-е января 1873 г., но Нечаевъ не принялъ ни повѣстки, ни списка судей и присяжныхъ засѣдателей, отозвавшись еще разъ, что съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался эмигрантомъ, онъ не принадлежитъ къ подданству Россіи и не признаетъ русскихъ законовъ [1]).

8-го января 1873 года, состоялся, наконецъ, судъ надъ шуйскимъ мѣщаниномъ Нечаевымъ въ московскомъ окружномъ судѣ. Публика пускалась по билетамъ, но много народа наполняло зданіе суда и площадь. Засѣданіе было открыто въ 12-ть часовъ дня, подъ предсѣдательд. с. с. Дейера. Нечаевъ вошелъ смѣло, съ наглымъ видомъ, держа руки въ карманахъ. На первый вопросъ предсѣдателя — объ имени и званіи, онъ отвѣтилъ рѣзко, что не признаетъ этого суда, что онъ эмигрантъ, что не признаетъ Государя Императора и русскихъ законовъ. Предсѣдатель приказалъ немедленно удалить его, и когда жандармы повернули его къ двери, вся публика порывисто закричала ему вслѣдъ, нѣсколько разъ: «вонъ»!.... При вторичномъ приводѣ, на вопросъ: «не желаетъ-ли подсу-«димый устранить кого-либо изъ присяжныхъ»? Нечаевъ отвѣтилъ: «я уже сказалъ, что подсудимымъ себя не «признаю. Да здравствуютъ земскіе законы! Я не желаю «быть рабомъ вашего деспота!» Онъ былъ тотчасъ снова выведенъ и обвинительный актъ уже прочитанъ въ его отсутствіе. Затѣмъ предсѣдатель обратился съ рѣчью къ присяжнымъ, приглашая ихъ, не взирая на выходки подсудимаго, успокоиться, отнестись къ нимъ съ презрѣніемъ, и произнести приговоръ только на основаніи обстоятельствъ дѣла, которыя будутъ представлены имъ. Послѣ чтенія обвинительнаго акта, предсѣдатель спросилъ Нечаева: «признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ «убійствѣ Иванова»? на что онъ отвѣтилъ, «что преступ-«леніе, о которомъ его спрашиваютъ,—чисто политиче-«скаго характера». Предсѣдатель остановилъ его, допросилъ свидѣтеля, слушателя Петровской Академіи Мухортова, и затѣмъ приказалъ секретарю читать документы изъ дѣла о убійствѣ Иванова. Во время этого чтенія, и вообще въ теченіи засѣданія, Нечаевъ сидѣлъ большею частью спиною къ судейскому столу, облокачивался, принималъ разныя небрежныя позы, подбоченивался, крутилъ усы, пощипывалъ свою бородку и

---

[1]) Ibid. л. 82 и 87.

всячески старался выказывать наглость и презрѣніе [1]) Когда, послѣ обвинительной рѣчи прокурора Жукова, предсѣдатель спросилъ Нечаева—«не можетъ-ли онъ «сказать что нибудь въ свою защиту», то онъ отвѣтилъ: «считаю для себя унизительнымъ отвѣчать на подобную «рѣчь. Я уже сказалъ графу Левашеву, что у меня мо- «гутъ отнять жизнь, но честь—никогда»! и при этомъ, ударилъ себя въ грудь.

Предсѣдатель обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ, съ разъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и когда, перейдя къ правамъ присяжныхъ по произнесенію приговоровъ, онъ привелъ слова манифеста: «милость да «царствуетъ въ судахъ», то Нечаевъ перебилъ его: «а меня «билъ русскій жандармъ!» [2])... Но предсѣдатель продолжалъ свою рѣчь.

Присяжные засѣдатели чрезъ нѣсколько минутъ вынесли обвинительный приговоръ, который тутъ же и былъ объявленъ Нечаеву въ окончательной формѣ. Онъ присуждался—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ, по прошествіи которыхъ, долженъ быть поселенъ навсегда въ Сибири. Выслушавъ этотъ приговоръ, Нечаевъ закричалъ: «это шемякинъ судъ! да здравствуетъ земскій со- «боръ, долой деспотизмъ»! и былъ выведенъ изъ суда, сопровождаемый смѣхомъ публики [3]).

Такимъ образомъ закончилась революціонная дѣятельность шуйскаго мѣщанина Сергѣя Нечаева. Народъ на улицахъ Москвы относился къ нему, во время всего дѣла, съ отвращеніемъ и негодованіемъ. Когда 25-го января его везли въ арестантской одеждѣ, на позорныхъ дрогахъ, на Конную площадь, публики было немного; но Нечаевъ и тутъ дерзко волновался и подпирался руками въ бокъ. Когда палачъ привязалъ обѣ его руки къ колесницѣ, онъ продолжалъ болтать тотъ же вздоръ, которымъ отличалось всё его революціонное поприще: «когда «васъ повезутъ на гильотину, то не будутъ вязать ремъ-

---

[1]) Подробности о внѣшности и поведеніи подсуднаго, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1873 г. отъ 9 января, и Современ. Извѣст. 1873 г., № 8 (въ энергическихъ передовыхъ статьяхъ).

[2]) Это заявленіе относилось къ тому обстоятельству, что за дверями суда, Нечаевъ оказывалъ отчаянное сверхъестественное сопротивленіе при входѣ и выходѣ, такъ что жандармскій офицеръ былъ вынужденъ однажды дать ему толчекъ для сгиба колѣна. Нечаевъ энергически жаловался на это (дѣло № 215, ч. 23, 1869 г. л. 96—117).

[3]) Дѣло № 215, 1869, ч. 23, л. 89—93.

«нями. Я иду въ Сибирь, и твердо увѣренъ, что *мил-*
«*ліоны людей сочувствуютъ мнѣ.* Долой деспотизмъ! Да
«здравствуетъ свобода! Меня, политическаго преступника,
«сдѣлали простымъ убійцею. Позоръ новому русскому суду.
«Это не судъ, а шулерство»! . . . . Дальнѣшія слова его
были заглушены барабаномъ. Напутствіе священника
онъ отказался принять и продолжалъ кричать на помо-
стѣ: «тутъ будетъ скоро гильотина! Тутъ сложатъ головы
«тѣ, которые привели меня сюда! Подождите два—три
«года, всѣ попадете сюда»! Когда его привязали къ
столбу, онъ всё время кричалъ изо всѣхъ силъ, обора-
чиваясь въ сторону: «да здравствуетъ свобода, да здрав-
«ствуетъ вольный русскій народъ! Да здравствуетъ рус-
«ская гильотина»!.... Но не чувства одобренія или сочув-
ствія слышались въ этомъ народѣ. Всѣ тутъ стоящіе
выражали только сожалѣніе, что къ подобнымъ изверг-
намъ не можетъ быть болѣе примѣнено тѣлесное нака-
заніе [1]). 26-го января 1873-го года, Нечаевъ былъ направ-
ленъ въ виленскую каторжную тюрьму, а оттуда въ
Петропавловскую крѣпость.

Въ послѣднія минуты своей политической жизни,
онъ хотѣлъ еще заявить себя чѣмъ нибудь выдающимся,
оставить послѣ себя память, разумѣется, не стѣсняясь фор-
мами. Съ полною развязностью сѣлъ онъ въ карету послѣ
публичнаго объявленія приговора, и крикнулъ кучеру:
«пошелъ»! Съ такою же развязностью онъ оставилъ въ
рукахъ правительства нѣсколько страницъ какихъ-то
мыслей и взглядовъ, которыя изложилъ умышленно послѣ
суда, когда писанное имъ—не могло «повліять на смяг-
«ченіе его участи [2])». Въ документѣ этомъ, онъ силился
доказать, что Россія «*наканунѣ* политическаго переворота»,
который онъ совѣтуетъ правительству предупредить са-
мому, такъ какъ «задача всякаго честнаго правительства
«состоитъ, въ нашъ бурный вѣкъ, въ томъ, чтобы, при
«неизбѣжности общественныхъ волненій, по крайней
«мѣрѣ, предотвратить повтореніе ужасовъ, подобныхъ
«тѣмъ, которыми сопровождались кровопролитныя воз-
«станія Разина и Пугачева. А эти ужасы—непремѣнно
«возпослѣдуютъ» . . . . Попеченія шуйскаго агитатора-
каторжника о благѣ Россіи, доходятъ въ этомъ документѣ
до того, что онъ обязательно поясняетъ, до какой степени
«безцѣльное варварство вредно, нелѣпо и безсмысленно»!
Съ тѣмъ же нахальствомъ, подписалъ онъ этотъ документъ:

---

[1]) Ibid. л. 115—120 и 130.

[2]) Ibid. л. 105 - 107.

«эмигрантъ Сергѣй Нечаевъ, превращенный изъ полити-
«ческаго въ уголовнаго преступника. Иду въ Сибирь съ
«твердой увѣренностью, что скоро милліоны голосовъ по-
«вторятъ этотъ крикъ: да здравствуетъ земскій соборъ!»

Въ Швейцаріи, послѣ выдачи Нечаева, агитація, вызванная этимъ событіемъ, не только не улеглась, но еще усилилась. Въ ноябрѣ, состоялась сходка французскихъ рабочихъ, которая постановила, что выдача Нечаева Россіи—черное пятно для Швейцаріи; на этой же сходкѣ, Эрисманъ (мужъ Сусловой) ораторствовалъ на ту же тему [1]). Огаревъ написалъ цѣлую брошюру-панегерикъ Нечаеву, которую Эльпидинъ напечаталъ въ декабрѣ; онъ хотѣлъ оправдать изверга въ глазахъ людей незнакомыхъ съ нимъ и выставить его невиннымъ [2]). Даже многія лица, относившіяся къ нему довольно холодно сдѣлались горячими его поклонниками,—Серебрянниковъ (Борисъ), Яницкій, сербъ Андреевичъ, кое-кто изъ новыхъ студентокъ [3]). Вскорѣ образовалось даже особое «Общество мстителей за Нечаева»,—изъ Ралли, Турскаго, Тумановой, Смирнова, Дѣтлова, Сажина, Васильева, Алексѣя Филиппова, братьевъ Сусловыхъ, князя Крапоткина, поляковъ—Брониславскаго, Гемпеля, Барбара, Владислава Тицъ, и друг. Отличительный признакъ у женщинъ было ношеніе скрытаго кинжала въ рукояткѣ зонтиковъ. Прежде всего, это «Общество мстителей» обрушилось на Стемпковскаго, участіе котораго въ арестованіи Нечаева не могло быть скрыто. 3(15) февраля 1873-го года, въ его квартирѣ, за столомъ, польскій эмигрантъ Витольдъ *Скшинскій* выстрѣлилъ въ него четыре раза изъ револьвера, почти въ упоръ, но не ранилъ и не задѣлъ его [4]). Преступникъ скрылся въ Галицію, гдѣ однако его преслѣ-

---

[1]) Секретн. свѣд. 1872, № 403 (письмо Тумановой, отъ 24 ноября 1872). Эрисманъ—нынѣ профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ гигіены.

[2]) Швейцарская агентура—1872, № 58 и 74. Это было, кажется, послѣднее проявленіе дѣятельности Огарева, который всё болѣе дряхлѣлъ, страдалъ падучею болѣзнью, впадалъ въ дѣтство и путался въ разговорахъ (Швейцарская агентура—1872, № 65 и 74; 1874, № 179; Секретн. свѣд. 1873, № 7). Въ іюнѣ 1872 года, онъ еще говорилъ русскую рѣчь на похоронахъ Чарнецкаго (Швейцарская агентура—1872, № 39).

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 145.

[4]) Секретн. свѣд. 1872, № 385. Швейцарская агентура—1873, № 85.—Подробности въ Züricher Zeitung, 1873, № 90, 19 февраля; Gazeta Narodowa, 1873, № 44 (Швейцарская агентура, 1873, № 124); Beilage zum Intelligenz—Blatt, 1873 № 41; Schweizersche Handels-Courier, 1873, № 51, 20 февраля.

довали судебнымъ порядкомъ. Въ дѣлѣ этомъ участвовали тоже Ралли, Турскій и Сажинъ [1]), все—изъ мести за Нечаева. На Ралли пало подозрѣніе въ намѣреніи повторить покушеніе, и онъ былъ арестованъ [2]) въ Бернѣ (въ апрѣлѣ 1873 года), но затѣмъ выпущенъ съ залогомъ въ 4.000 франковъ, внесеннымъ цюрихскими эмигрантами, послѣ чего, выѣхалъ на время изъ Швейцаріи, помѣстивъ въ газетахъ протестъ, въ концѣ котораго, рѣзко выражался по адресу швейцарскаго правительства: . . . . «La république suisse ne diffère en rien «de tout autre état bourgeois; la forme républicaine ou «monarchique ne change en rien à l'arbitraire et à «l'injustice de l'autorité gouvernementale [3])»..... Но кромѣ попытки убить Степковскаго, его подвергли еще суду особаго жюри эмиграціи, составленнаго изъ представителей разныхъ національностей. Рѣшеніе этого жюри подписано, между прочими Гольштейномъ, Гольденбергомъ и Смирновымъ [4]). Въ рѣшеніи этомъ участвовалъ тоже Утинъ.

Послѣ выдачи Нечаева, въ эмиграціи начались взаимныя заподозриванія и недовѣріе. Въ особенности отличался въ этомъ отношеніи, по части изобрѣтательности, Эльпидинъ; Утинъ-же, какъ сказано уже выше, считалъ даже самаго Нечаева русскимъ агентомъ. Подозрѣвали еще Ченсновича, Чарушина, Шевелева, тоже многихъ иностранцевъ. Редакторъ газеты «Tagwacht» (органа Интернаціонала), Грейлихъ, обвинялъ даже редактора «Züricher Presse», въ томъ, что онъ взялъ 2.000 рублей по дѣлу Нечаева, за что Грейлихъ былъ потребованъ къ суду [5]). Вообще, арестъ и выдача Нечаева долго еще волновали ярость и злобу русской и польской эмиграціи.

Нечаевъ былъ выданъ, но съ прекращеніемъ его личной революціонной карьеры, остались, и въ предѣлахъ Россіи, и въ эмиграціи, его послѣдователи,—«нечаевцы». Арестъ политическаго авантюриста, на короткое время, дѣйствитель-

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 80.

[2]). Ibid. 1873, № 100; его посадили въ такъ называемый Käfig — Thurm.

[3]) Въ газетѣ L'Internationale ,1873, № 223, 20 avril (Швейцарская агентура—1873, № 100); помѣчено 31 марта 1873. Тоже напечатанъ въ Bulletins de la Fédération Jurassienne (гдѣ Ралли былъ названъ secrétaire de la section slave).

[4]) Швейцарская агентура—1872, № 64; Секретн. свѣд.—1872, № 252 и 1873, № 385.

[5]) Ibid. 1873, № 85; Tagwacht, 1872, № 5, 1 февраля; Gazeta Narodowa, 1873, 15 февраля, № 42! Intelligenz—Blatt, 1873, № 39 4 февраля; Der Bund, 1873, № 34, отъ 4 февраля; Züricher Zeitung, 1873, № 60, 3 февраля.

но какъ бы парализировалъ дѣятельность русской соціально-революціонной партіи, но вовсе не надолго [1]). Еще до выѣзда Нечаева, друзья его выслали изъ Швейцаріи двухъ студентокъ—Лащенову и Хардину, въ Россію [2]), съ какимъ то таинственнымъ порученіемъ. Турскій образовалъ при нечаевскомъ обществѣ какой-то подпольный трибуналъ, подъ названіемъ «Salut Public» (онъ продержался до января 1873 г.) [3]), задачею котораго было самое энергическое мщеніе за Нечаева.

Рядомъ съ «нечаевцами», были еще «бакунинцы», собиравшіеся въ квартирѣ Назваловой и Окуньковой, въ Цюрихѣ [4]). Всего ихъ насчитывалось—до 32, встрѣчавшихъ вмѣстѣ новый, 1873-й годъ [5]). У нихъ выдающимся лицомъ былъ Ралли, а у нечаевцевъ—Смирновъ [6]). Появились и болѣе спеціальные кружки: были студентки «александровки» и «россиды» (изъ кружка Сажина). начинались уже соперничество, ссоры и полная вражда, даже между членами одной и той же фракціи: «россиды» иногда даже обкрадывали другъ друга [7]). Общество студентокъ тоже раздѣлилось на «нечаевщихъ» [8]) и «бакунистокъ»; къ первымъ принадлежали: Исаева, Екатерина Туманова, Фамиліантъ, Кольченко; ко вторымъ—Топоркова, Эльсницъ (жена эмигранта), Донскова, Гольштейнъ, Луканина, Иванова, Блинова [9]). Было въ Цюрихѣ, въ началѣ 1872 г. всего до трехъ политическихъ обществъ и одно ученое [10]); но въ слѣдующемъ году, отношенія немного упростились, ибо всѣ подходили болѣе или менѣе подъ общую кличку—«бакунинцевъ» или «нечаевцевъ».

Послѣ вызваннаго старымъ русскимъ анархистомъ раскола въ Интернаціоналѣ, образовалась извѣстная «Секція Юрской федераціи» («Section de la Fedération Jurassienne», или просто—«Le Jura»), члены которой иногда засѣдали въ Бернѣ, въ Café National, на Schauplatz [11]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 74.

[2]) Секретн. свѣд. 1872, № 385.

[3]) Швейцарская агентура—1872, № 81.

[4]) Ibid.

[5]) Секретн. свѣд. 1873, № 7.

[6]) Ibid. 1873, № 97. Сборища ихъ происходили въ Цюрихѣ—въ Obstgarten (Швейц. агент. 1873, № 81).

[7]) Секретн. свѣдѣнія 1873, № 239—письмо М. Цебриковой, отъ 25-го апрѣля 1873 года.

[8]) О нихъ Пружанская послала корреспонденцію въ С.-Петерб. Вѣдомости, съ рѣзкими отзывами (Секр. свѣд. 1873, № 7).

[9]) Швейц. агент. 1873, № 81.

[10]) Ibid. 1872, № 6.

[11]) Ibid. 1873, №№ 79 и 105.

Въ сентябрѣ 1873 года, Бакунинъ созываетъ конгрессъ своей секціи въ Невшателѣ, опасаясь Женевы, гдѣ ему угрожали за побои, нанесенные бакунинцами Утину [1]), при возвращеніи его ночью въ гостинницу. Въ своей секціи, Бакунинъ игралъ такую же роль, какъ и Марксъ въ Интернаціоналѣ, но послѣдній уѣхалъ въ Америку, въ Нью-Іоркъ. Однако Бакунину не удалось упрочить и развить дѣятельность своей секціи. Попытки завязать сношенія съ Испаніей, которую онъ намѣревался наводнить русскими нигилистками изъ Цюриха, не удались. Онъ обратилъ тогда вниманіе на Востокъ и послалъ, осенью 1873 г., Ралли въ Сербію [2]), Ему удалось основать отдѣленіе «Славянскаго соціально-демократическаго общества» въ Парижѣ, того «Comité slave» или же «Cercle slave républicain», который присылалъ лѣтомъ 1873 года воззваніе цюрихской Славянской секціи, читанное въ русскомъ собраніи 8-го іюля [3]). Парижскою секціею завѣдывали польскіе эмигранты: Компанскій и Токажевичъ, отчасти и Серебрянниковъ [4]). Само славянское соціально-демократическое общество (бывшее въ сущности вѣтвью Интернаціонала) преобразовалось, къ январю 1874 г., подъ вліяніемъ Бакунина, въ «Славянское соціальное общество», съ секретаремъ Ралли [5]). Оно образовалось на собраніи всѣхъ славянскихъ соціалистовъ, бывшемъ въ Бернѣ $^{5}/_{17}$ декабря 1873 года. Въ то время Филипповъ [6]) пожелалъ соединить всѣхъ эмигрантовъ въ одно общество, но это оказалось невозможнымъ. Образовались три общества— а) соціально-славянское, б) Интернаціонала (марксистовъ) и в) общество нейтральное. «Славянское соціальное об-«щество» приняло программу среднюю между нечаевскою и бакунинскою; Филипповъ былъ одно время во главѣ его, а главнѣйшими членами состояли сербы: Свилоншичъ и Георгіевичъ, эмигрантъ Залевскій и студентки — Вѣра Филиппова, Эйтнеръ, Ильина, Ляндсбергъ и Попова. Собирались они въ Бернѣ, на Mattenhof'ѣ.

---

[1]) Ibid. 1873, № 125.

[2]) Швейц. агент. 1873, № 123.

[3]) Ibid. 1873, № 118; тутъ же подлинникъ посланія—VII литографированныхъ страницъ.

[4]) Швейц. агент. 1873, №№ 80 и 97.

[5]) Такъ и титуловалъ онъ себя въ протестѣ противъ ареста его въ Бернѣ—ibid. 1873 г, № 81.

[6]) Завидуя авторитетамъ Бакунина и Нечаева, Филипповъ, вмѣстѣ съ Смирновымъ, хотѣлъ создать нѣчто новое и оригинальное; но это имъ никакъ не удавалось. Филипповъ выдавалъ себя за «врага Россіи».

Другое общество,—интернаціоналистовъ (марксистовъ) состояло подъ вѣдѣніемъ нѣкоего еврея Фейерштейна, изъ Херсона: оно же состояло преимущественно изъ евреевъ (Фамиліантъ, Аптекманъ, Симоновичъ Розаліи, Берлинерблау, а также Топорковой, Щербачевой, Керперъ и Скворцовой). Собиралось оно или у Керперъ или въ Casino Lorraine, по субботамъ; всего было до 18-ти членовъ. Въ казино была даже ихъ читальня въ особомъ помѣщеніи. Наконецъ, нейтральное общество, не проявившее свою дѣятельность, имѣло весьма немного членовъ [1]). Кромѣ того, засѣдалъ особый «союзный комитетъ» въ Женевѣ подъ начальствомъ Грейлиха. Былъ еще четвертый кружокъ— «лассалистовъ», весьма немногочисленный (въ Цюрихѣ), въ составъ котораго входили всѣ парижскіе коммунары. Къ нимъ же примыкалъ украинофильскій кружокъ галичанина Василія Нагирнаго.

Конгрессъ Интернаціонала (марксистовъ) состоялся въ Женевѣ 9-го сентября 1873 г. На него пріѣхали и русскіе депутаты: Позенъ—изъ Петербурга и Соколовъ—изъ Москвы [2]). Онъ собирался въ Brasserie Schiess. Рѣшено бы избирать «chefs de partis» (вождей партій)—только изъ рабочаго сословія [3]). Конгрессъ былъ шумный, съ попойками и процессіями со знаменами. Полиція за это время усугубила вниманіе и даже арестовывала нѣкоторыхъ русскихъ нигилистовъ и нигилистокъ [4]).

Утинъ продолжалъ играть видную роль въ средѣ Интернаціонала. Дѣятельность его посвящена была исключительно марксистамъ; отъ русскаго революціоннаго дѣла онъ почти совсѣмъ отсталъ, отчасти оттого, что его не любили въ русскомъ лагерѣ, не любили—какъ еврея. Программу разрушительнаго ученія онъ переносилъ за то въ область воспитанія и дѣтскаго міра. Въ 1872 году, весною, на одномъ изъ собраній членовъ Интернаціонала съ семействами ихъ, въ Temple Unique, Утинъ самъ раздавалъ десятилѣтнимъ дѣтямъ печатные кощунственные стихи:

---

[1]) Швейц. агент.—1873, № 150.

[2]) Оба вѣроятно псевдонимы.—Швейц. агент. 1873, № 125.

[3]) Наплыву рабочихъ-интернаціоналистовъ приписывали многочисленные пожары въ Женевѣ, осенью этого же года (Ibid. 1873, № 125).

[4]) Ibid. 1873, № 125, октябрь. Въ августѣ 1873 года, были сдѣланы полиціею обыски у Берладской и Фронштейнъ (ibid. 1873, № 116).

Jésus à l' écurie,
La belle Marie à la voirie....

и дѣти тутъ же должны были распѣвать все это хоромъ... [1]).

Надо полагать, что за все это долгое время, религіозное сознаніе не тревожило русскихъ отщепенцевъ въ Швейцаріи: тѣмъ страннѣе тотъ фактъ, что на пасхальную заутреню 1873 года, въ женевской русской церкви было множество нашихъ эмигрантовъ [2]). Это не мѣшало имъ однако бросать камни на русскаго священника Петрова, (весною 1870 года), по поводу чего, послѣдній тогда же написалъ письмо въ газетахъ [3]). За то бывшій іеромонахъ Агапій Гончаренко, изъ Санъ-Франциско, эмигрантъ и издатель революціоннаго журнала, пользовался симпатіями нашихъ радикаловъ, и пріѣзда его на югъ Франціи ожидали съ нетерпѣніемъ [4])

«Здѣсь существуетъ множество партій» — писала студентка Гребницкая въ Россію, весной 1873 года [5]). И не только было много партій, но можно было потеряться въ этой путаницѣ секцій, отдѣловъ, союзовъ, конгрессовъ, комитетовъ, обществъ, съѣздовъ, выборовъ, и т. п. Они составлялись и раздѣлывались одинаково быстро, старались постоянно устроить что нибудь прочное, но всѣ попытки къ организаціи общаго революціоннаго очага не удавались. Численность каждаго кружка рѣдко превышала (кромѣ главнѣйшихъ) 15—20 лицъ. Это казалось смѣшнымъ, но не было лишено значенія. Задача состояла пока въ томъ, чтобы не дать замереть насаженному сѣмени; для жизни, необходимы союзъ и единеніе, хотя бы эти союзы и видоизмѣнялись очень часто, хотя бы они дробились даже на мелкіе кружки. Необходимо было возбуждать и поддерживать жизненность революціоннаго дѣла, а существованіе мелкихъ союзовъ— этому даже помогало. Не даромъ же революціонная орга-

---

[1]) Швейц. агент. 1872, № 33.

[2]) Ibid. 1873, № 100.

[3]) Ibid. 1870, № 32.—О немъ же и отношеніяхъ его къ эмиграціи,—ibid. 1870, №№ 1 и 19; 1871, №№ 55 и 57; 1872, №№ 1, 3, 43, 74, 78; 1874, № 161.

[4]) Ibid. 1873, № 82. Во 2-мъ нумерѣ (14 декабря 1872 ст.) журнала Гончаренко, было помѣщено воззваніе къ каторжникамъ въ Сибири— отъ русскаго кружка въ Нью Іоркѣ. Относительно религіозныхъ фактовъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій курьезъ: у польскаго эмигранта Хилинскаго, *крестили его ребенка* ярая «нечаевщиха»— Матильда Эйтнеръ и «нечаевецъ» Александровъ, осенью 1873 г., въ Wadenweile, близь Цюриха.

[5]) Секретн. свѣд. 1873, № 93.

низація основывалась на системѣ лишь пятка или десятка, т. е. немногихъ единицъ, которыя развѣтлялись до безконечности. Не доставало только главнаго вождя и руководителя. Каждый новый союзъ или кружокъ въ Швейцаріи, для привлеченія къ себѣ адептовъ, придавалъ себѣ, въ видѣ рекламы,—довольно громкій титулъ. Частая перемѣна этихъ названій и переливовъ личнаго состава изъ одного кружка и союза въ другой, были тоже полезны по отношенію къ защитѣ отъ преслѣдованій и розысковъ. Наконецъ, члены различныхъ обществъ и кружковъ, за исключеніемъ развѣ открыто враждующихъ, всетаки работали одному и тому же великому «революціонному дѣлу», какъ любилъ выражаться Бакунинъ.

Люди различныхъ направленій и національностей сходились въ Café du Nord, или въ русскомъ магазинѣ Звѣздакова (Коробова) [1]). Въ іюнѣ, парижскіе коммунары заняли съ нѣсколькими поляками даже цѣлый домъ въ Женевѣ, rue du Crime, 51 [2]); но коммунаровъ тѣснили, ибо въ маѣ 1873 года, швейцарская полиція выдала нѣсколькихъ изъ нихъ французскому правительству. Въ эмиграціи поднялся сильный ропотъ противъ президента республики Жиро [3]).

Одною изъ труднѣйшихъ задачъ для русскихъ революціонныхъ авантюристовъ было установленіе правильныхъ сношеній съ Россіею и обезпеченіе себя средствами. Ни то, ни другое не удавалось имъ, успѣхи бывали только случайные. Сношенія шли окольными путями, иногда чрезъ Царство Польское, при помощи польскихъ эмигрантовъ [4]), иногда чрезъ одинъ реформатскій монастырь въ Познани [5]); посылались эммисары [6]), ѣздили въ Россію и возвращались тѣ, кто имѣли паспорты, ѣздили тоже безъ паспортовъ (напр. Смирновъ), или подъ чужими. Бакунинъ сносился чрезъ прикащика (commis-voyageur) шоколадной фабрики Сюшара (Suchard), въ 1871 году [7]); сносились тоже чрезъ Одессу, при помощи нѣкоего Бородаевскаго (вѣроятно псевдонимъ); [8]) но

---

[1]) Швейц. агент. 1873, № 82.

[2]) Ibid. 1873, № 104.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. 1872, № 10.

[5]) Ibid. 1782, № 16.

[6]) Напр. посылка соціалиста, швейцарца Ганса Боллетера, въ Россію, въ іюнѣ 1871 г. (ibid. 1871, № 54).

[7]) Ibid. 1871, № 103.

[8]) Ibid. 1873, № 119.

всего болѣе сношенія шли чрезъ Волочискъ, Галицію, Бессарабію и Румынію. Русская эмиграціонная колонія нуждалась въ деньгахъ—чтобы жить, содержать библіотеку, кухмистерскую, платить за лекціи. Завелось само собою нѣчто въ родѣ коммуны, но и она требовала денегъ. Обращались къ пособію богатыхъ русскихъ, жившихъ въ Женевѣ, давали тоже уроки въ русскихъ семьяхъ, которыхъ въ зиму 1873—1874 гг., было особенно много въ Швейцаріи [1]). Нѣкій купецъ Юрковъ внесъ даже пожертвованіе на русскую типографію [2]). Впрочемъ, для нечаевцевъ, въ Россіи, еще въ 1872-мъ году, былъ повсемѣстно собранъ капиталъ, составлявшій въ маѣ 1872-мъ года, до 15.000 р.; изъ нихъ 8.000 р. предполагалось на изданіе революціоннаго журнала, а остальныя—на печатаніе «полезныхъ книгъ», разумѣется, въ смыслѣ народнической программы. Въ ноябрѣ 1873 года, на руки Смирнова была получена изъ Россіи, черезъ Львовъ, значительная сумма, какъ разъ во время печатанія Лавровымъ его журнала «Впередъ» [3]). Въ декабрѣ, эмиграція сочла даже не излишнимъ сдѣлать отъ себя взносъ на изданіе революціонной газеты «Tagwacht» [4]).

Русское эмиграціонное общество нашло тоже возможнымъ пріобрѣсти, въ маѣ 1873 года, собственный небольшой домъ въ Цюрихѣ, купленный за 40.000 франковъ, у нѣкоего швейцарца Гефели: уплачено было только 3.000 франковъ, а остальные разсрочены [5]). Домомъ этимъ завѣдывали Филипповъ и Лобовъ, на имя котораго онъ и былъ купленъ. Пріобрѣтеніе это было отчасти необходимостью, ибо цюрихскіе домовладѣльцы весьма неохотно давали квартиры свои подъ разныя кухмистерскія, и даже отказывали въ наймѣ ихъ студенткамъ. Въ этотъ «русскій домъ» перенесли библіотеку, тутъ же завели кухмистерскую, подъ вѣденіемъ Ал. Филиппова [6]); тутъ же жили нѣкоторые изъ эмигрантовъ, между прочимъ и самъ Филипповъ, съ

---

[1]) Швейц. агент. 1873, № 125.

[2]) Кузнецкій мѣщанинъ, управляющій богача Сапожникова. Послѣдній устроилъ у г-жи Каньшиной, въ Hôtel Beau-Rivage, рулетку, играть въ которую приходили многіе изъ эмигрантовъ (ibid. 1873, № 120).

[3]) Швейц. агент. 1873, № 141.

[4]) Ibid. 1873, № 119.

[5]) Секретн. свѣд. 1873, № 93; Швейцарская агентура—1873, № 118.

[6]) Позднѣе, онъ отказался отъ нея, также отъ управленія домомъ (Секретн. свѣд. 1873, № 93).

женою своею, Вѣрою [1]). «Русская общественная библіотека» въ Цюрихѣ [2]) была, разумѣется, главнымъ мѣстомъ сборища эмигрантовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщеніемъ, гдѣ читались кое-какія лекціи. Собирались по субботамъ и по воскресеньямъ—для шумныхъ разговоровъ и бесѣдъ, для выборовъ въ члены кассъ и комитетовъ, женскихъ [3]) и мужскихъ. «Все всемя проходитъ здѣсь въ собраніяхъ, «на которыхъ совѣщаются—какимъ образомъ нападать «на ту или на другую партію, и что наконецъ сдѣлать, да-«бы Россію привести въ лучшее состояніе, произведя въ «ней радикальный переворотъ [4])», писалъ одинъ изъ очевидцевъ. Тутъ спорили и шумѣли, дѣлали предложенія и замышляли новыя предпріятія. Фондомъ библіотеки, служили всего 300 томовъ, завѣщанныхъ Серно-Соловьевичемъ, еще въ 1869-мъ году [5]); но завѣдываніе ею было яблокомъ раздора. Бакунинцы болѣе всего ею заправляли; произошелъ разладъ, одна партія называла другую «узурпаторами» [6]), и отношенія скоро такъ обострились, что бакунинцы (Ралли, Соколовъ, и другіе) даже избили секретаря библіотеки, Смирнова, въ его квартирѣ, 26-го марта 1873 года [7]). Черезъ нѣсколько дней, сильно досталось за это отъ студентокъ участникамъ побоища—Ралли и Сажину; были даже поданы жалобы полиціи. Рѣшено было, на общемъ собраніи русской коммуны въ 140 человѣкъ, изгнать 19 товарищей [8]); многіе купили даже себѣ револьверы для самообороны [9]). «Бакунинцы» скоро завели свою особую библіотеку на Bremerschlüssel'ѣ, которую Гольштейнъ распродавалъ позднѣе, въ декабрѣ 1873 года, по частямъ, послѣ вызова студентокъ [10]),

---

[1]) Онъ былъ проданъ осенью 1873 г., послѣ правительственнаго вызова студентокъ. О каррикатурѣ Яницкаго на Лобова по этому случаю, см. ниже въ словарѣ цюрихскихъ эмигрантовъ.

[2]) Секретн. свѣд. 1873, № 104.

[3]) Изъ женской бакунинской кассы, давались средства для посылки эмиссаровъ. Турскій, съ поляномъ Детловымъ, были высланы въ путь на эти фонды (Швейцарская агентура—1873, № 81).

[4]) Секретн. свѣд. 1873, № 103—письмо отъ 14 апрѣля 1873 года.

[5]) 26-го декабря 1869 г. на могилѣ его поставленъ былъ эмигрантами мраморный памятникъ (Швейцарская агентура, 1870, № 1).

[6]) Секретн. свѣд. 1873, № 104; письмо отъ 27 марта 1873 года.

[7]) Швейцарская агентура—1873, № 101; Секр. свѣд. 1873, № 93 (письмо отъ 9 апрѣля)

[8]) Секретн. свѣд. 1873, № 104 и 181,—письмо Берладской отъ 28 марта 1873 г.

[9]) Ibid. 1873, № 101; Секретн. свѣд. 1873, № 57.

[10]) Швейцарская агентура—1874, № 171.

Вызовъ этотъ нанесъ сильный ударъ цюрихской коммунѣ, не только женской, но и мужской. Началась, какъ мы уже говорили выше [1]), живая агитація, не только со стороны эмиграціи, но даже самаго университета. 12-го іюня 1873 года, было экстроординарное собраніе профессоровъ медицинскаго факультета, который желалъ, чтобы въ университетѣ остались нѣкоторыя студентки, съ хорошими дарованіями, и хорошаго, по его мнѣнію, поведенія. [2]) Сенатъ университета составилъ даже протестъ, который сообщилъ Союзному Совѣту, прося дать ему ходъ дипломатическимъ путемъ [3]). Профессоръ минералогіи, Кенигъ, заступался за студентокъ [4]). Карлъ Фогтъ (пріятель Бакунина) помѣстилъ въ оффиціальной газетѣ «Bund», статью въ защиту тѣхъ же студентокъ [5]). Ректоръ университета, профессоръ Шеель, для актовой рѣчи выбралъ темою: «Das Frauenstudium und die Frauenfrage» [6]). Нѣкто Гюгъ (Hug) тоже выступилъ защитникомъ студентокъ и порицателемъ правительственнаго вызова, въ демократической газетѣ, издававшейся въ Винтертурѣ [7]). Несмотря, однако, на эту сильную агитацію, швейцарское правительство затруднило поступленіе новыхъ студентокъ, ибо требовалось на будущее время: а) возрастъ не ниже 18-ти лѣтъ, б) свидѣтельство о поведеніи, в) согласіе родителей или опекуновъ, и г) свидѣтельство объ образованіи—домашнемъ или школьномъ [8]).

Важный революціонный элементъ—элементъ женскій, понемногу ускользалъ изъ среды эмиграціи. Цюрихскій центръ и организація во всякомъ случаѣ ослабѣвали. Множество студентокъ переѣхало въ Бернъ [9]), ибо въ

---

[1]) Подробно о немъ выше, стр. 30—34.

[2]) Секретн. свѣд. 1873, № 166,—въ письмѣ нѣкоего Рейнбота, отъ 16 іюня 1873 г.

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 343.

[4]) Письмо къ Кокшарову, отъ 9 іюня 1873 г. (Секретн. свѣден. 1873, № 166).

[5]) Швейцарская агентура—1873, № 139. Въ самой Россіи, рядомъ съ порицателями этой мѣры, было и много защитниковъ ея: Голосъ, Московск. Вѣдомости, С.-Петерб. Вѣдомости, Современн. Извѣстія высказались въ пользу этой мѣры. См. тоже письма къ Маріи Балтага, отъ 27 мая 1873 г., въ Цюрихъ, Алексѣя Филиппова, изъ Казани, къ Вѣрѣ Филипповой, отъ 26 мая 1873, и др. (Секретн. свѣд. 1873, № 166).

[6]) Ibid. 1873, № 141.

[7]) Ibid. 1873, № 105.

[8]) Ibid. 1873, № 126.

[9]) Ibid. 1873, № 122 (въ сентябрѣ). Позднѣе, бакунинцы въ Бернѣ, на Lorraine, наняли цѣлый домъ и завели тамъ библіотеку (ibid. 1874, № 185).

Женевѣ не было медицинскаго факультета; только грузинки и армянки перешли туда для занятій химіею [1]). Число студентокъ въ Бернѣ дошло вскорѣ—до 80 [2]); тамъ же открылся русскій революціонный кружокъ, собиравшійся въ Café National. Были, затѣмъ, попытки перейти въ Лейденъ (2) и Мюнхенъ; но въ Лейденѣ, профессоръ анатоміи отказался открыть студенткамъ двери своей аудиторіи [3]); въ Мюнхенѣ же, присутствіе при анатомическихъ секціяхъ русскихъ женщинъ, вызвало протестъ отъ лица студентовъ, которые оставили аудиторію, и объявили, что не будутъ слушать лекцій анатоміи вмѣстѣ съ ними [4]). Нѣкоторыя направились въ Парижъ, но разочаровались отъ встрѣченныхъ ими тамъ затрудненій [5]): это было тѣмъ непріятнѣе, что многія давно помышляли, послѣ вызова правительства, избрать Парижъ (или Женеву) центральнымъ пунктомъ русской эмиграціи [6]). Въ Цюрихѣ, несмотря на то, поступило, всё таки въ университетъ зимою, 1873—1874 г.г., еще 25 новыхъ студентокъ а 9 приготовлялись къ экзамену [7]).

Между тѣмъ, эта насиженная русскими революціонерами мѣстность получила, за послѣднее время, еще могую приманку. Въ декабрѣ 1872 г. пріѣхалъ изъ Лондона извѣстный Петръ Лавровъ, бывшій профессоръ, бѣжавшій изъ Вологды 25 февраля 1870 года, уже побывавшій на баррикадахъ въ Парижѣ, во время коммуны, проживавшій затѣмъ въ Лондонѣ, и даже купившій русскую типографію Герцена [8]). Онъ прибылъ въ Цюрихъ, чтобы продолжать изданіе журнала «Впередъ» и познакомиться съ эмиграціею. Около него вскорѣ стала группироваться партія «лавровцевъ», враждовавшая съ «бакунинцами» [9]). «Лавровцы» были соціалъ-демократами, «бакунинцы»—радикальными коммунистами; но «лавровцы» стали многочисленнѣе, и между ними было болѣе людей со средствами. Пока Бакунинъ думалъ объ Испаніи, Лавровъ занимался Россіею, подготовлялъ народническую программу, призна-

---

[1]) Ibid. 1873, № 143.

[2]) Ibid. 1873, № 105.

[3]) Ibid. 1873, № 141.

[4]) Секретн. свѣд. 1873, № 166—письмо А. Шульцъ изъ Гейдельберга, отъ 18 іюня 1873. Въ Мюнхенѣ, было до 60-ти человѣкъ студентовъ изъ Россіи, въ томъ числѣ 45 однихъ евреевъ (ibid. 1873, №№ 143 и 152).

[5]) Швейцарская агентура—1873, № 154.

[6]) Ibid 1873, № 118.

[7]) Ibid. 1873, № 139.

[8]) Секретн. свѣд. 1873, № 93.

[9]) Швейцарская агентура—1873, № 101.

вая Малороссію—главнѣйшимъ базисомъ для революціонныхъ операцій [1]). Его, однако, считали слишкомъ слабымъ практикомъ [2]), слишкомъ большимъ творетикомъ и ученымъ. Въ Россіи, поддерживалъ онъ сношенія съ Шелгуновымъ, Конради и Гайдебуровымъ, въ интересахъ журнала [3]). Для послѣдняго и вообще для издательной дѣятельности, у него былъ фондъ въ 27.000 рублей; кромѣ того, студентка Розалія Идельсонъ обѣщала дать своихъ 30.000 рублей [4]). Литературная программа «Впередъ» заранѣе разсылалась по Россіи Эльпидинымъ [5]). Первая книга журнала появилась въ сентябрѣ 1873-го года [6]), съ предисловіемъ издателя, помѣченнымъ 12-мъ августа [7]); печаталась же она съ большими предосторожностями. Въ типографіи помогали Идельсонъ, Смирновъ, Сушина [8]), Линевъ, но кромѣ этихъ четырехъ лицъ, никто не допускался [9]). Статьѣ Черкесова, подъ заглавіемъ: «Требованія жизни и требо-«ванія науки». придавалось огромное значеніе: въ ней излагались тѣ пріемы, которымъ русскіе революціонеры должны слѣдовать въ сношеніяхъ съ народомъ, чтобы приготовить массы къ государственному перевороту; вообще, она имѣла авторитетное значеніе въ духѣ народнической программы [10]). Сотрудниками этого изданія состояли: Гриднинъ, Елисѣевъ, Алисовъ, Николай Курочкинъ, Рождественскій, Коршъ (младшій). Жертвователями въ Россіи—были Утинъ, Котоминъ, Неклюдовъ, Печаткинъ, Черкесовъ, Натансонъ, Поляковъ, Рагозинъ [11]). Въ первой книгѣ журнала, была еще статья самого издателя: «Знаніе и революція» [12]). Въ Петербургѣ, газета «Биржевыя Вѣдомости» удостоила изданіе благосклоннымъ отзывомъ [13]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 101 и 109.

[2]) Ibid. 1873, № 117.

[3]) Ibid. 1873, № 129. и 135; Секретн. свѣд. 1872, № 137.—Въ «Недѣлѣ» (Конради), печатались прежде историческія письма Лаврова (подъ псевдонимомъ Миртова).

[4]) Ibid. 1673, № 143.

[5]) Секретн. свѣд. 1873, № 332.

[6]) Швейцарская агентура—1873, № 116.

[7]) Секретн. свѣд. 1873, № 285.

[8]) Онъ звалъ ее съ собою въ Лондонъ, но она вернулась въ Екатеринбургъ (Швейцарская агентура 1874—№ 118 и 175).

[9]) Секретн. свѣд. 1873, № 332.

[10]) Ibid. 1872, № 137.

[11]) Ibid.

[12]) Секретн. свѣд. 1873, № 380.

[13]) Швейцарская агентура—1873, № 143.

Успѣхъ перваго выпуска заставилъ приступить къ второму, въ которомъ, дѣло объ арестѣ Лобова въ Петербургѣ, произведшемъ большое впечатлѣніе въ Цюрихѣ, должно было сдѣлаться предметомъ особой статьи [1]). Его торопили изданіемъ, но онъ вышелъ только въ мартѣ 1874-го года (уже послѣ выѣзда Лаврова) [2]). Распространеніе журнала въ Россіи представляло большія затрудненія, но все-таки первый выпускъ проникъ въ количествѣ 70-ти экз. въ Москву, Кіевъ и Харьковъ [3]). Онъ посылался тоже въ Лондонъ [4]). Вслѣдствіе трудности провоза, Лавровъ задумалъ издавать революціонную газету въ этомъ послѣднемъ городѣ [5]), куда онъ уже торопился ѣхать. Кромѣ изданія журнала, онъ занимался еще въ Цюрихѣ чтеніемъ публичныхъ лекцій объ «Исторіи мысли» [6]) и «О значеніи славянъ въ исторіи мысли», на которыхъ являлись, кромѣ русскихъ,—чехи, сербы, поляки и даже нѣмцы [7]). Онѣ иногда были похожи болѣе на проповѣди, но въ сущности, нравились всѣмъ [8]). Вообще, Лавровъ держалъ себя очень осторожно, боялся обыска, боялся, чтобы его не выдали [9]), хлопоталъ даже о полученіи англійскаго паспорта, для свободнаго жительства въ Германіи [10]), и за время пребыванія въ Цюрихѣ, выразилъ лишь однажды сочувствіе къ активному проэкту освобожденія Чернышевскаго изъ Сибири [11]). Самое положеніе его среди эмиграціи постоянно ухудшалось, ибо онъ сознавалъ, что его пребываніе въ Цюрихѣ поселяло разладъ между партіями, разладъ, доходившій до дракъ и скандаловъ. Сначала его поддерживали студентки, устраивали для него танцовальные вечера [12]); но позднѣе, къ нему

---

[1]) Секретн. свѣд. 1873, № 93.

[2]) Швейцарская агентура—1873, № 149; 1874, № 165; всего напечатано въ числѣ 1200 экз., изъ которыхъ 1000 назначались для Россіи (ibid. 1874, № 173).

[3]) Секретн. свѣд. 1873—№ 332; распространялся при помощи Байдаковскаго (ibid. 1872, № 137).

[4]) Ibid. 1873, № 285.

[5]) Швейцарская агентура—1874, № 175.

[6]) Въ сентябрѣ 1873 года, она предназначалась для помѣщенія въ «Недѣлѣ» (Секр. свѣд. 1873, № 93; 1872, № 409); Швейцарская агентура—1873, № 132.

[7]) Въ декабрѣ 1873 г. Объ этой лекціи, см. выше отзывъ Жебунева (стр. 36). Лаврова звали иногда въ эмиграціи «Михайловскимъ».

[8]) Швейцарская агентура—1873, №№ 76 и 79.

[9]) Ibid. 1873, № 143.

[10]) Секретн. свѣд. 1873, № 234.

[11]) Швейцарская агентура—1873, № 154.

[12]) Ibid. № 1873, № 79.

стали относиться холоднѣе, не любили за то, что онъ неохотно давалъ изъ библіотеки журналы для чтенія [1]). Онъ сталъ собираться въ Лондонъ, куда и выѣхалъ въ февралѣ 1874-го года, вполнѣ разочарованный, заявивъ, что не предвидѣлъ, будто его пребываніе могло внести раздоръ и непріятности между партіями. Въ этихъ раздорахъ, онъ обвинялъ, главнымъ образомъ, Александрова, Валицкую и Филиппова, и заявилъ, что не вернется больше въ Цюрихъ [2]). Съ собою въ Лондонъ, онъ пригласилъ только Струкова, Ткачева, Розалію Идельсонъ, Линева и Смирнова; послѣдній оставался еще нѣсколько недѣль въ Цюрихѣ для окончанія печатанія втораго выпуска «Впередъ» [3]). Нечаевецъ Яницкій, иллюстрировавшій уже наброскомъ Лобова и отъѣздъ студентокъ изъ Цюриха, не пощадилъ Лаврова въ ѣдкой каррикатурѣ [4]), въ которой онъ былъ осмѣянъ, какъ человѣкъ легко поддающійся заблужденію. Того же мнѣнія были и люди близко его знавшіе: «это человѣкъ современный, годный «. . . . сдѣлаться даже главой эмиграціи, но вся бѣда «только въ томъ, что не онъ вертитъ другими, а другіе, «вѣроятно, низшіе его по умственному развитію, вертятъ «имъ. Мнѣ теперь также представляется величайшей «ошибкой Лаврова и К°, поселиться въ Цюрихѣ. Кромѣ «вреда, Цюрихъ имъ ничего не принесетъ: онъ имъ «помѣшаетъ даже путно вести журналъ, такъ какъ они «невольно будутъ увлекаться мѣстными интересами и «принимать свои личные раздоры за нѣчто важное для «Россіи, и невольно перенесутъ свои раздоры на страницы журнала. О вредѣ, который они принесли для «женщинъ, нечего и говорить, ибо онъ такъ ясенъ для «всякаго. Выборомъ мѣста своей дѣятельности, Лавровъ «покажетъ свою полную несостоятельность, какъ практическаго дѣятеля, и опять таки и тутъ, вѣроятно, «виноватъ не онъ самъ, а тѣ лица, которыя убѣдили его «переѣхать изъ Парижа въ Цюрихъ». Такъ отзывалось о немъ лицо, близко его знавшее въ самомъ началѣ пребыванія его въ Цюрихѣ.

Лавровъ чуждался Бакунина, и вовсе не искалъ съ нимъ сближенія. Желая стать главою особой партіи, онъ не могъ искать и его одобренія; при личныхъ встрѣчахъ, Бакунинъ мѣшалъ даже ему говорить, старался

---

[1]) Ibid. 1874, № 187.

[2]) Швейцарская агентура—1874, № 167.

[3]) Ibid. 1873, № 154; 1874, № 158.

[4]) Ibid 1883, № 118.

не уступать своего первенства, хотя самъ не могъ не чувствовать, что его политическая роль приходитъ къ концу. Его невшательскій конгрессъ оказался неудачнымъ, и уронилъ его въ глазахъ собственныхъ его друзей [1]). Въ апрѣлѣ 1873 года, онъ пріѣзжалъ въ Цюрихъ, послѣ дѣла Смирнова, чтобы мирить враждующія партіи [2]). Смирновъ надѣялся на его рѣшеніе: «патріархъ рѣшитъ, «и стадо покорится велѣнію», писалъ онъ къ Лаврову [3]); но Бакунинъ уѣхалъ, ничего не порѣшивъ. Обращались къ суду Юрской федераціи, но оказалось, что трое изъ нападавшихъ на Смирнова были въ числѣ ея членовъ [4]). Испанскія дѣла занимали еще стараго агитатора [5]): весною 1873 года, онъ долженъ былъ туда отправиться, но арестъ одного изъ главныхъ тамошнихъ радикаловъ (въ Парижѣ) остановилъ его [6]). Въ Италію, онъ уже не показывался, ибо министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Висконти, согласился безъусловно на выдачу его Россіи [7]). Послѣднимъ, болѣе крупнымъ актомъ его революціонной дѣятельности, былъ выпускъ въ свѣтъ книги, послужившей наилучшимъ выраженіемъ его положеній—«Государ-«ственность и анархія» [8]). Осенью 1873-го года, онъ даже письменно заявилъ русскому обществу въ Цюрихѣ, что устраняетъ себя совершенно отъ политической дѣятельности [9]); въ газетѣ же «L' Internationale», помѣстилъ обширное письмо [10]) на имя комитета своей «Юрской федераціи», въ которомъ просилъ отставки, и отъ должности члена комитета, и отъ должности члена «Интернаціонала». Разсказавъ въ краткихъ словахъ объ успѣхѣ своего дѣла и побѣдѣ надъ Марксомъ [11]), онъ прямо заявилъ, что время наступило для дѣланія, а не для громкихъ рѣчей: «J'ai cette conviction, que le temps des grands discours

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, №№ 125 и 135.

[2]) Секретн. свѣд. 1873, № 98.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. 1873, № 116.

[5]) Объ отношеніяхъ его къ испанскому радикализму—въ газетѣ Tagwacht, 1873, № 51, отъ 24 сентября, стр. 3 (Швейцарская агентура—1873, № 119).

[6]) Ibid. 1873, № 97.

[7]) Ibid. 1873, № 104 (депеша нашего посланника, князя М. А. Горчакова, изъ Берна, отъ 9 мая 1873 г.).

[8]) Секретн. свѣд. 1873, № 606.

[9]) Швейцарская агентура—1873, № 124.

[10]) Отъ 26 октября 1873, № 250, с. 2—3.

[11]) Онъ не щадилъ его въ этомъ письмѣ, говоря объ—»intrigues ambitieuses des marxistes.., tentations directoriales de M. Marx...., dictature brisée et désormais ridiculisée de M. Marx», и т. под.

«théoriques, imprimés ou parlés, est passé..... Dans les «neuf dernières années, on a développé au sein de l'In- «ternationale plus d'idées, qu'il n'en faudrait pour sauver «lemonde, si les idées seules pouvaient le sauver. Je défie «qui que cela soit d'en inventer une nouvelle..... Le temps «n'est plus aux idées, il est aux faits et aux actes». Самого себя онъ признаетъ для новаго «дѣланія»—уже слишкомъ слабымъ, старымъ и немощнымъ, чтобы работать на этомъ поприщѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преподаетъ напутственные совѣты. Въ другомъ письмѣ, обнародованномъ одновременно въ «Journal de Genève» [1]), Бакунинъ выражается болѣе откровенно и положительно: «parmi «mes ennemis les plus acharnés, se trouve M. Marx, chef «des communalistes allemands Ce juif m'a calomnié non «seulement dans ses discours et dans les brochures, qu'il a «publiées, mais surtout à l égard du congrès de La Haye. «M. Marx est non seulement un calomniateur, mais c'est «un agent de la police. Les actes de M. Marx et d'aut- «res membres du Comité internationaliste m'ont telle- «ment dégoutés, que je suis résolu de quitter la vie po- «litique et de rentrer dans la vie privée. J'en ai assez! J'ai «maintenant plus de soixante ans, et j' ai passé plus de la «moitié de ma vie à lutter contre la société actuelle. Que «d'autres continuent la lutte: moi, je suis fatigué!... Doré- «navant je ne troublerai le repos de personne; que per- «sonne ne trouble le mien!»..... Бакунинъ высказался откровенно, что разныя непріятности и испытанныя имъ горечи заставляютъ его покинуть политическую дѣятельность, но въ сущности, онъ не уставалъ и не сдержалъ слова—никого болѣе не безпокоить, ибо въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ, онъ послалъ Ал. Филиппова [2]) и польскаго эмигранта Гарнцаревича, съ какимъ-то революціоннымъ порученіемъ въ Сербію [3]); ѣздилъ въ Бернъ, гдѣ предсѣдательствовалъ въ Café National, въ средѣ коммунаровъ, писалъ вторую часть «Государственность и анархія», наконецъ, организовалъ еще новое общество, вмѣстѣ съ Сажинымъ (писавшимъ уставъ), и даже Утинымъ (ѣздившимъ къ Сажину по этому дѣлу въ Лондонъ) [4]). Но въ мартѣ 1874 года, Бакунинъ тяжко заболѣлъ, у него отнялась

---

[1]) Вѣроятно, одинаковаго содержанія съ посланнымъ русскому обществу, въ Цюрихъ.

[2]) Въ первой половинѣ 1874-го года, Филипповъ, вмѣстѣ съ Морицемъ Витцингеромъ (евреемъ), стоялъ во главѣ «бакунинцевъ» (Швейцарская агентура—1874, №№ 183 и 185).

[3]) Ibid, 1873, № 123.

[4]) Швейцарская агентура—1874, № 174, 175 и 177.

правая рука и нога. Долголѣтняя дѣятельность непримиримаго революціонера закончилась.

Послѣ отъѣзда Лаврова, немногочисленные уже цюрихскіе эмигранты составили изъ себя коммуну подъ предсѣдательствомъ Александрова (на Spitalstrasse, № 1), который, не унывая, печаталъ, вмѣстѣ со студенткою Крюковою, революціонныя брошюры и читалъ въ коммунѣ даже, лекціи. Но слушателей (—болѣе всего студентокъ) было немного [1]). Дѣятельною ему помощницею была Екатерина Гребницкая, сестра радикала Писарева, отдавшая ему свой небольшой капиталъ [2]), впослѣдствіи трагически кончившая жизнь свою самоубійствомъ въ Женевѣ.

Коммуна всё еще старалась вербовать къ себѣ людей со средствами, не возвращала внесенныхъ ими взносовъ, но она не могла долго держаться, и переѣхала въ Женеву [3]). Здѣсь 1874 годъ прошелъ довольно шумно: 4-го января состоялось собраніе членовъ Славянской секціи Интернаціонала, съ делегатами изъ Парижа и Италіи, по вопросу о перенесеніи Центральнаго Славянскаго Комитета изъ Швейцаріи въ Лондонъ. На немъ были тоже делегатами—эмигранты Пальцевъ, полякъ Поранскій и сербъ Гудикъ [4]). Въ Цюрихѣ, назначено было собраніе интернаціоналистовъ—марксистовъ [5]), въ большой залѣ кантональныхъ засѣданій [6]), на 24-е мая, но оно перенесено было въ Винтертуръ, въ зданіе мѣстной ратуши. Конгрессъ длился три дня; изъ русскихъ представителей, былъ на немъ Зайцевъ [7]). Одновременно происходили большіе безпорядки среди рабочихъ въ Женевѣ: они напали (въ апрѣлѣ 1874 г.) на каменьщика, работавшаго у одного дома вопреки строгому приказу о забастовкѣ; рабочій былъ избитъ и домъ разрушенъ, полиція смята и одинъ полицейскій агентъ умеръ отъ побоевъ [8]). Оригинальнымъ явленіемъ было тоже прибытіе членовъ какой-то соціалистической коммуны изъ Америки, въ которой женщины, на улицѣ, ходили въ мужскомъ костюмѣ. Она пріѣзжала вербовать адептовъ, но вела крайне таинст-

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 92.

[2]) Ibid. 1873, № 24.

[3]) Ibid. 1873, № 143.

[4]) Ibid. 1874, № 162.

[5]) Ibid. 1874, № 183.

[6]) Изъ за отдачи этой залы, возникла тогда въ мѣстныхъ газетахъ полемика—Tagwacht, 1874, № 36 и 37; Intelligenz—Blatt, 1874, № 107 (ibid. 1874, № 185).

[7]) Ibid. 1874, № 187; газета Tagwacht, 1874, 16 мая, № 39.

[8]) Швейцарская агентура—1874, № 179.

венную жизнь [1]). Появилось, наконецъ, въ той же Женевѣ, какое-то общество «Всемірной республики» [2])....

Пятилѣтняя дѣятельность русской эмиграціи съ разными перемѣнами,—то подъемомъ, то паденіемъ интенсивной силы, пятилѣтняя неустанная, дружная работа, должна была наконецъ оказать и плоды свои. Въ Женевѣ и Лондонѣ [3]), печаталась масса революціонныхъ изданій и брошюръ, направлявшихся, главнымъ образомъ, чрезъ австрійскую границу, на Тарновъ, гдѣ ихъ принимали нѣкто Шевчикъ и Ильяшевичъ, и направляли далѣе, чрезъ Волочискъ [4]); лондонскія же прокламаціи отправлялись въ Галацъ, на имя Гольбейна [5]), а оттуда, шли на имя какого-то «Володи», въ Москву [6]). Въ Вѣнѣ, русскій эмигрантъ Руссовъ помогалъ тому же дѣлу [7]). Славянская секція высылала въ Россію множество прокламацій иногда чрезъ Подволочискъ [8]). Наконецъ, эмиграція попыталась выслать тюкъ съ прокламаціями—прямо въ Россію, съ однимъ изъ своихъ членовъ. Васильемъ Донецкимъ [9]), отправившимся на югъ, по желѣзной дорогѣ, чрезъ Волочискъ. Въ дорогѣ, онъ остановился на станціи Сербиновцы (въ Подольской губерніи), чтобы сходить по сосѣдству, въ имѣніе отца товарища его, соціалиста Дебогорій-Мокріевича (село Луку-Барскую), и оставилъ свой сакъ-вояжъ на станціи. Онъ былъ вскрытъ, и въ немъ найденъ тюкъ прокламацій: «Къ русскимъ революціонерамъ»,—произведеніе, вполнѣ похожее на бредъ сумасшедшаго. Авторомъ его былъ Ралли.

Правительство, еще весною 1874 года, признало невозможнымъ оставлять безнаказанною дѣятельность хотя бы главнѣйшихъ вожаковъ эмигрантовъ — революціонеровъ. По соглашенію шефа жандармовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ [10]), рѣшено было сдѣлать вы-

---

[1]) Подробности—ibid. 1874, №№ 165, 179, 186 и 197.

[2]) Ibid. 1874, № 197.

[3]) Въ концѣ 1873 г., была прислана изъ Цюриха Врублевскому, въ Лондонъ, часть русскаго и сербскаго шрифта. Онъ отпечаталъ тогда нѣсколько тысячъ прокламацій (Швейцарская агентура—1874, № 162 и 196).

[4]) Ibid. 1874, № 170.

[5]) Въ 1872 году, Компанскій ѣздилъ эмиссаромъ въ Россію, подъ именемъ Гольбейна. Позднѣе, онъ жилъ долго для этихъ пересылокъ въ Галацѣ.

[6]) Ibid. 1874, № 196.

[7]) Ibid.

[8]) Ibid. 1874, № 185.

[9]) Ibid. 1874, № 170.

[10]) Дѣло № 87, 1874 г. л. 4—9, по 3-й экспед.

зовъ главнѣйшихъ 19-ти эмигрантовъ, достаточно рельефно проявившихъ свою революціонную дѣятельность: Александрова, Бакунина, Гольденберга, Гольштейна, Жуковскаго, Лаврова, Лопатина, Огарева, Озерова, Ралли, Сажина, Семена Серебренникова, Смирнова, Соколова, Петра Ткачева, Трусова, Николая Утина, Эльпидина и Эльсница. Имъ сдѣланъ былъ отъ правительства вызовъ, т. е. приглашеніе вернуться въ отечество—въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня публикаціи, съ предупрежденіемъ, что если они и за симъ не подчинятся требованію правительства, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Вызовъ былъ напечатанъ въ 106-мъ № «Правительственнаго Вѣстника», отъ 5 мая 1874 года [1]); для объявленія же его помянутымъ эмигрантамъ чрезъ миссіи и посольства, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Управляющій послѣднимъ министерствомъ замѣтилъ, что непосредственныя сношенія представителей нашего правительства съ личностями подобнаго рода,—не всегда удобны, и что поэтому, было-бы,кажется, цѣлесообразнѣе извѣстить означенныхъ 19 русскихъ подданныхъ о дѣлаемомъ имъ нашимъ правительствомъ вызовѣ, чрезъ напечатаніе такового въ мѣстныхъ иностранныхъ газетахъ, или-же пересылкою имъ, подъ мѣстною бандеролью, по экземпляру того нумера «Правительственнаго Вѣстника», въ которомъ припечатанъ вызовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ объ этомъ отзывѣ шефу жандармовъ, который просилъ заключенія министра юстиціи; но послѣдній призналъ болѣе удобнымъ порядокъ разсылки вызова отъ лица миссій и посольствъ. Этимъ путемъ разослано въ посольства 19 экземпляровъ «Правительственнаго Вѣстника», но это могло состояться, за происходившей перепискою, лишь 25 октября, между тѣмъ какъ срокъ, назначенный вызовомъ, истекалъ 5-го ноября 1874 года. Вслѣдствіе сего, посланникъ нашъ въ Швейцаріи возбудилъ вопросъ [2]): не слѣдуетъ ли считать срокъ этотъ, не со дня припечатанія вызова въ оффиціальной газетѣ, а со дня полученія эмигрантами экземпляровъ «Вѣстника»? Министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ этимъ предположеніемъ, но шефъ жандармовъ полагалъ, однако, болѣе удобнымъ считать вызовъ со дня припечатанія его, тѣмъ

---

[1]) Кромѣ того, былъ данъ циркуляръ о розыскѣ ихъ по Россіи, всѣмъ губернаторамъ—по департаменту полиціи исполнительной, отъ 28 апрѣля 1874, № 45 (дѣло № 87, 1874, л. 12).

[2]) Ibid. л. 48 об.

болѣе, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, эмигранты часто переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, и врученіе имъ «Вѣстника» будетъ затруднительно [1]). Съ этимъ согласился и министръ внутреннихъ дѣлъ, и отнесся къ министру юстиціи относительно привлеченія затѣмъ помянутыхъ 19 лицъ, вслѣдствіи неявки ихъ въ отечество, на основаніи 326 и 327 ст. Уложенія о Наказ., къ отвѣтственности по суду [2]). Впослѣдствіи же, министръ внутреннихъ дѣлъ [3]), убѣждаясь изъ дѣла объ этихъ 19 лицахъ, что при отсутствіи законоположенія о вызовѣ находящихся за границею русскихъ подданныхъ, помимо суда, административными властями, всѣ старанія для достиженія предположенной цѣли представляются безполезными, и имѣя въ виду, что такой порядокъ вещей, парализуя дѣйствія администраціи и избавляя виновныхъ отъ заслуженнаго наказанія, не можетъ быть продолжаемъ, полагалъ необходимымъ, не ожидая разрѣшенія вопроса путемъ законодательнымъ, испросить, по сношеніи съ министромъ юстиціи и главноуправляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Высочайшее разрѣшеніе на поступленіе съ лицами, незаконно проживающими за границей (которыя, послѣ вызова административными властями, не явятся оттуда въ назначенный срокъ) согласно 326 и 327 ст. Улож. о Наказ. изд. 1886 года, т. е. признавать ихъ изгнанниками изъ отечества, а имѣнія ихъ брать въ опекунское управленіе. Шефъ жандармовъ 20-го февраля 1878 согласился съ этимъ предположеніемъ [4]).

Ни одно изъ 19-ти лицъ вызванныхъ правительствомъ не вернулось въ Россію — по его вызову. Всѣ они остались жить и дѣйствовать въ области той революціонной лабораторіи, въ которой они жили и дѣйствовали въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, подготовляя, а впослѣдствіи, и руководя движеніемъ соціально-революціонной партіи въ Россіи,—движеніемъ, дошедшимъ до весьма значительныхъ размѣровъ. Въ эмиграціи, сидѣли корни заговора, постоянно питавшіе революціонную жизнь, дававшіе постоянно новые отростки. Эмиграцію нельзя было считать ни аріергардомъ, ни авангардомъ соціально-революціонной партіи, но тамъ были сосредоточены всѣ органическіе соки, вся анархическая школа, вся программа, все руководящее и органическое этой партіи. Тамъ созрѣла

[1]) Отзывъ отъ 5 февраля 1875 г. № 574 (ibid. л. 55—56).

[2]) Отзывъ отъ 7 марта 1875 г. № 848 (ibid. л. 62).

[3]) Отзывомъ отъ 14 февраля 1878 г. № 448.

[4]) Ibid. л. 75 78.

«народническая» программа, тамъ она разработывалась, хотя и медленно, при постоянныхъ недоразумѣніяхъ и спорахъ, на лекціяхъ, въ союзахъ, коммунахъ, на конгрессахъ и на собраніяхъ, за уединеннымъ и небольшимъ типографскимъ станкомъ. Въ этой школѣ, образовались и вырабатывались тѣ энергическіе характеры агитаторовъ (особенно женщинъ), до подобія даже которыхъ, не доходило еще ни одно соціально-революціонное движеніе другихъ странъ. Оттуда пошла та народническая пропаганда, которая особенно быстро разлилась чуть не по всей Россіи, начиная съ 1874 года. Трудно было предполагать въ то время, что дѣятельность нашихъ «отщепенцевъ», какъ болѣе серьезныхъ, такъ и совершенно неопытныхъ, могла быть столь интенсивною и вліятельною. Женскій элементъ оказался, въ этомъ случаѣ, тѣмъ активнымъ стимуломъ, тѣмъ реальнымъ факторомъ, который давалъ движенію и силу, и страстность. Лицо, близкое знакомое съ бытомъ и дѣятельностью цюрихской эмиграціи, крайне неодобрительно характеризовало силы и внутренній міръ русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ, лѣтомъ 1873 года; оно не признавало въ нихъ людей крѣпкой воли, и только въ дѣятельности женщинъ видѣло предстоящую опасность..... «Патологическое вліяніе ложныхъ «философскихъ доктринъ нашего времени — поразительно. «Мы видимъ что теперь даже нѣтъ порядочныхъ заго- «ворщиковъ, нѣтъ людей, которыхъ мы бы уважали, не «смотря на то, что они наши враги. *Никто изъ нихъ «не принесетъ себя въ жертву своему дѣлу.* Это не де- «кабристы, не Герцены, а уроды — умственные и нрав- «ственные. *Они способны на убійство, но не на откры- «тый бой.* Ни одинъ изъ нихъ не пойдетъ на барри- «кады, ни одинъ изъ нихъ мужественно не взойдетъ на «эшафотъ. У нихъ не хватаетъ смѣлости вести пропа- «ганду на мѣстѣ, они бѣгутъ за тридевять земель, а «оттуда лгутъ на правительство, котораго они такъ «безконечно боятся..... У нихъ нѣтъ опредѣленной цѣ- «ли, нѣтъ опредѣленнаго плана, нѣтъ организаціи. «Они раздѣлены на партіи, спорятъ и ссорятся между «собою; но у нихъ есть мечта, для насъ гораздо опас- «нѣе всякой революціонной организаціи. У нихъ есть — «*ученіе*, которому они слѣдуютъ, а это ученіе учитъ ихъ, «что всякое общество и всякая организація революціон- «ные — немыслимы, что всякій заговоръ, какъ бы онъ ни «былъ хитро составленъ, будетъ немедленно открытъ и «уничтоженъ, что революцію подготовить нельзя, и ею «управлять невозможно. Но революцію — *можно вызвать*,

«и вызвать сё *должно*, ибо революція—цѣль ихъ стрем-
«леній: только съ ея помощью, возможно перестроить
«развалины стараго міра въ новый, лучшій. Достигнуть
«этой цѣли можно только однимъ путемъ—*путемъ про-*
«*паганды живого слова*. Апостолы новой вѣры должны
«*идти въ народъ* и его учить. Это ученіе—не ново, ибо и
«прежде за него брались; но, какъ извѣстно, исполненіе
«плана пропаганды посредствомъ проповѣди требуетъ
«большаго самопожертвованія, а потому неудобоиспол-
«нимо. Послѣ печальныхъ опытовъ вызвать революцію
«посредствомъ ассоціацій рабочихъ и посредствомъ Ин-
«тернаціонала, наши Стеньки-Разины повернули опять
«къ старой теоріи; но теперь за исполненіе *берутся не*
«*мужчины, а женщины*, и вѣроятно, будутъ свою новую
«обязанность исполнять добросовѣстнѣе мужчинъ. Онѣ
«обладаютъ довольно сильной долей экзальтаціи. При-
«мѣръ успѣха двухъ—трехъ женщинъ на поприщѣ на-
«уки и общественной жизни, вскружилъ голову сотнѣ,
«успѣхъ сотни вскружитъ и поощритъ тысячи, и т. д.
«*Не имѣй успѣха первые піонеры женскаго нигилизма, у*
«*насъ бы теперь хлопотъ не было*. Деморализированная,
«развращенная женщина способна на геройскіе подвиги.
«Парижскія кокотки, которыя во всю жизнь свою вы-
«стрѣла не слыхали, умирали на баррикадахъ коммуны.
«Такъ и наши нигилистки, при случаѣ, *разовьютъ ха-*
«*рактеръ и силу воли, которой мы въ нихъ теперь не*
«*подозрѣваемъ*. Онѣ презираютъ общество, обвиняютъ его
«въ развратѣ, вѣры у нихъ нѣтъ ни во что; исторія—
«ложь, написанная только для того, чтобы Государи
«могли лучше обирать народъ; религія—это суевѣріе; на-
«ука—ерунда; нравственность—не существуетъ, семей-
«ство—проституція женщины, государство—разбой. Онѣ
«разочарованы, потеряли старую вѣру, а новой еще не
«могъ создать ихъ слабый мозгъ. Нравственный упа-
«докъ—глубокъ, экзальтація—велика; онѣ убѣждены, что
«государство падётъ, что оно такъ гнило, что стоитъ
«лишь дунуть на него, и оно разлетится. Уничтожить
«государство—должно, ибо должно спасти родъ челов-
«ческій отъ отчаянія. И вотъ женщины—апостолы *пой-*
«*дутъ въ народъ*,—въ качествѣ врачей, управляющихъ
«фабриками, заводами, въ качествѣ химиковъ, механи-
«ковъ, инженеровъ, и будутъ проповѣдывать *слово правды*!
«Это не предсказаніе, а фактъ, совершающійся теперь
«въ Россіи, въ очень малыхъ размѣрахъ, но который уве-
«личивается постоянно» [1].....

[1]) Швейцарская агентура—1873, №№ 80 и 81.

Въ этомъ отзывѣ было много пророческаго. Уже тогда, такъ называемое «слово прагды», пущено было въ обиходъ въ самой глубинѣ Россіи, а не только вдоль периферіи или въ главныхъ многолюдныхъ центрахъ; этотъ фактъ дѣйствительно уже совершался, народническая программа стала уже приводиться въ исполненіе. Широкое значеніе, которое авторъ письма придаетъ женскому вліянію, участію и экзальтаціи при приведеніи въ исполненіи этой сложной и опасной программы, отнюдь не было преувеличено. Революціонные дѣятели вернулись къ прежней излюбленной мысли, достаточно доказанной практикою всѣхъ революцій, именно — начинать и вести пропаганду съ низу вверхъ, развращать народъ, смущать и путать его понятія въ тѣ годы, когда онъ только что осѣлся, послѣ треволненій эманципаціоннаго періода 1860-хъ годовъ, когда онъ только начиналъ жить самостоятельно, когда близкая опека власти и спеціально для народа созданныхъ учрежденій ослабла и отступила отъ простолюдина Въ эту самую минуту, во имя блага и счастія этого народа и той земли, на которой онъ жилъ, самозванные друзья его накинули на него широкую сѣть развращающаго слова, нелѣпыхъ толкованій и ученій, дикихъ софизмовъ и подговоровъ. Цюрихскіе [1]) революціонеры снарядили цѣлую армію глашатаевъ и наставниковъ, согласно бакунинскому завѣту [2]) — «въ лѣса и народъ»,— всюду, гдѣ только копошился русскій мужикъ или рабочій, бывшій тогда еще весьма немощнымъ, не успѣвшій еще разобраться въ тѣхъ экономическихъ и политическихъ формахъ быта, въ которыя его поставило освобожденіе. Здравый смыслъ народа устоялъ, однако, послѣ долгихъ искушеній. *Онъ* вышелъ побѣдителемъ изъ этого омута, а не корифеи революціонной эмиграціи, какъ ни энергичны были ихъ дѣйствія, какъ ни самоотверженно и искусно дѣйствовали въ глуши селеній и въ сомкнутыхъ кружкахъ рабочихъ, ихъ женщины и пропагандистки. Но прежде чѣмъ побѣда осталась за русскимъ народомъ, за русскимъ «міромъ», этотъ міръ «вынесъ многое, въ теченіи 4—5 лѣтъ «хожденія» въ народъ»

---

[2]) Въ скоромъ времени, значеніе собственно Цюриха, какъ революціоннаго центра русской эмиграціи, упразднилось. Въ 1869-мъ году, на предложенія (весьма, впрочемъ, неудобныя) цюрихской администраціи — учредить надзоръ за дѣятельностью русскихъ эмигрантовъ, шефъ жандармовъ, въ письмѣ отъ 25 апрѣля 1879 года, къ барону Жомини, отклонилъ это предложеніе дѣло № 215,— 1872 г., ч. 2 л. 197).

[1]) См. выше, стр. 4.

цюрихскихъ авантюристовъ и ихъ сообщниковъ, число которыхъ ежедневно возрастало, при малѣйшемъ успѣхѣ затѣяннаго дѣла. Эта пятилѣтняя дѣятельность, создавъ большія затрудненія правительству, въ виду громадности района, по которому разлилась пропаганда, привела, наконецъ, къ крупнымъ политическимъ процессамъ 193-хъ и 50-ти подсудимыхъ, разсмотрѣніе дѣятельности которыхъ и многочисленныхъ развѣтвленій пропаганды почти по всей территоріи Россіи, будетъ предметомъ слѣдующей главы настоящаго изслѣдованія.

О главнѣйшихъ дѣятеляхъ русской эмиграціи въ Швейцаріи, въ 1870—1874 годахъ, предлагаются, кромѣ вышепомянутыхъ, еще нижеслѣдующія, болѣе систематизированныя свѣдѣнія [1]).

Акимовъ, эмигрантъ, членъ Славянской секціи Интернаціонала въ Женевѣ. 23-го февраля 1872-го года, на столѣтнихъ поминкахъ перваго раздѣла Польша, говорилъ зажигательную рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ; но въ томъ же году, онъ переѣхалъ въ Мюнхенъ [2]).

***Александрова**, Александра Ивановна, дочь потомственнаго почетнаго гражданина, въ Москвѣ; привлекалась къ дознанію, произведенному въ маѣ мѣсяцѣ 1872 г. о шифрованныхъ письмахъ, организаціи кружковъ и устройствѣ библіотекъ. Въ Цюрихѣ, она принадлежала къ партіи крайнихъ радикаловъ студенческой коммуны. Вернувшись въ Россію, посвятила себя дѣлу пропаганды, судилась въ процессѣ 50-ти, и была сослана въ Сибирь.

---

[1]) Приводимыя ниже свѣдѣнія *заканчиваются собственно 1874-мъ годомъ.* Только относительно немногихъ, главнѣйшихъ дѣятелей, добавлены вкратцѣ, для полноты, нѣкоторыя позднѣйшія данныя, идущія до 1883 года (настоящая глава написана въ 1884-мъ году); нѣкоторые же изъ нихъ (напр. Апсентова, Лопатинъ, Филиппова, и друг.) закончили свою революціонную карьеру позднѣе 1883-го года, О дѣятельности нижепоименованныхъ лицъ, *послѣ 1874-го года*, насколько она имѣла значенія и стала извѣстна правительству, будетъ сказано по мѣрѣ хода повѣствованія, такъ что многія изъ этихъ именъ еще не разъ встрѣтятся въ дальнѣйшей дѣятельности крамолы и въ главнѣйшихъ политическихъ процессахъ. Наконецъ, главнѣйшіе вожаки движенія за границею (какъ Бакунинъ, Герценъ, Нечаевъ, Огаревъ), въ виду того, что они постоянно упоминаются въ ходѣ изложенія настоящаго изслѣдованія,—не нуждаются въ спеціальныхъ очеркахъ ихъ біографій.—Цюрихскія студентки отмѣчены звѣздочкою передъ начальною буквою ихъ фамилій.

[2]) Дѣло 1872 г.; № 80, л. 50, по 3-й экспед.; Швейцарск. агент. 1870, № 40; 1872, №№ 4, 32 и 76. См. тоже о немъ выше, стр. 13.

***Александрова**, Варвара Максимовна, дочь бѣднаго чиновника, бѣжала, въ декабрѣ 1869 года, изъ Москвы, вмѣстѣ съ Нечаевымъ. Въ Цюрихѣ, она слушала лекціи по медицинскому факультету [1]).

Александровъ, Василій Максимовичъ, братъ предыдущей, род. въ 1849-мъ году, окончилъ курсъ въ тифлиской гимназіи, и въ 1868 году, поступилъ въ медико-хирургическую академію, откуда былъ уволенъ, 19-го декабря 1870 г.,—за неуспѣшность въ наукахъ. Позднѣе, онъ былъ привлеченъ къ дѣлу Нечаева и состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ политическими агитаторами—Негрескуломъ, дю-Тейльсомъ, Шапиро, Бобарыковой, и друг. У него были сходки, гдѣ рѣчь шла о необходимости присоединиться къ организованному въ Москвѣ Нечаевымъ преступному обществу. Въ 1870 году, вмѣстѣ съ студентами медико-хирурхической академіи,—Натансономъ, Ивановскимъ, Матисономъ и другими, принималъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ и сходкахъ земледѣльческаго института, на которыхъ пѣлись революціонныя пѣсни и читались статьи Лассаля [2]). 5-го декабря 1870-го года, онъ былъ арестованъ: оказалось, что вмѣстѣ съ Натансономъ, онъ состоялъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ по «пропагандѣ печатнаго слова» (1871 года). Въ ноябрѣ того же года, онъ бѣжалъ за границу отъ предстоявшей ему административной высылки, куда пробрался чрезъ Волочискъ [3]),—пунктъ, чрезъ который проникали преимущественно, въ тѣ годы, эмигранты. Въ Цюрихѣ, онъ завѣдывалъ сначала русскою типографіею Эльпидина [4]), и самъ набралъ и оттиснулъ брошюру Карла Маркса, въ русскомъ переводѣ: «Гражданская война во Франціи, 1870—1871 гг.» (8°, 50 стр.) [5]). Въ томъ же году, въ Женевѣ, при участіи Вѣры Любатовичъ и польскаго эмигранна Жилко, онъ занимался изданіемъ брошюры эмигранта Соколова—«Отще-«пенцы» (весьма цѣнившейся), а также самъ написалъ и напечаталъ: «Протестъ русскихъ студентовъ противъ «русскаго правительства по поводу законовъ о печати». Вообще, въ эти годы, Александровъ много занимался организаціею книжнаго и печатнаго дѣла для эмиграціи. Онъ тоже не переставалъ вести переписку съ членами бывшаго общества «пропаганды печатнаго слова» въ Россіи, и высылалъ имъ большіе транспорты эмиграці-

---

[1]) См. тоже о ней выше, стр. 8.

[2]) Дѣло № 120, 1870 г. ч. 1, л. 42—43.

[3]) Швейц. агент. 1872, № 24.

[4]) Ibid. 1872, № 19; Секретн. свѣд. 1873, № 92.

[5]) Ibid. 1872, №№ 20 и 25.

онныхъ произведеній и прокламацій [1]). При образованіи въ Цюрихѣ, въ 1872 году, Славянской секціи Интернаціонала, Александровъ былъ однимъ изъ его основателей [2]), а позднѣе былъ избранъ членомъ «совѣта» этого общества [3]). Онъ вообще былъ очень подвиженъ, страстенъ, кидался въ разныя предпріятія и заговоры [4]), желалъ играть роль и создавать кружки, что иногда ему удавалось. Когда многочисленное общество студентокъ распалось на нѣсколько кружковъ, осенью 1872 года, то одинъ изъ нихъ носилъ названіе «александровокъ». Онъ часто соперничалъ съ Смирновымъ, былъ съ нимъ не въ ладу, и послѣдній обвинялъ его даже въ неправильномъ веденіи денежныхъ счетовъ русской типографіи [5]). Революціонныя брошюры онъ писалъ вмѣстѣ со студенткою Крюковою [6]). Въ 1873-мъ году, Александровъ былъ изгнанъ швейцарскою полиціею изъ цюрихскаго кантона, и переѣхалъ въ Бернъ, гдѣ занимался устройствомъ перевезенной, въ томъ же году, изъ Цюриха, русской библіотеки. Послѣ вызова студентокъ, онъ попытался составить особую коммуну изъ немногихъ женщинъ, оставшихся осенью 1873—1874 года, въ Цюрихѣ, но предпріятіе не удалось [7]). Александровъ вскорѣ переселился въ Женеву съ Ек. Гребницкою (сестрою Писарева) [8]), даже открыто жилъ на ея средства, издерживая на революціонное дѣло ея капиталъ. Позднѣе, для добыванія ему денегъ, она продала себя одному старику, и съ отчаянія застрѣлилась въ Женевѣ. Здѣсь у Александрова была небольшая типографія, заведенная на средства Лакіера и Гребницкой [9]), въ которой послѣдняя набирала;

---

[1]) Дѣло № 115,—1869 года, ч. 5, лл. 255—257 и ч. 10, л. 80, по 3-й экспед. Всеподданнѣйшая записка министра юстиціи по нечаевскому дѣлу, л. 78.—Деньги переводились иногда Александровымъ чрезъ посредство студентки Розаліи Идельсонъ (Секрети. свѣд. 1873, № 92).

[2]) Швейц. агент. 1872, № 24 и 36.

[3]) Ibid. 1872, № 28; Секрети. свѣд. 1873, № 92.

[4]) Напр. по дѣлу Гая и Компанскаго (Швейцарская агентура, 1872, № 31), сношенія съ Сигизмундомъ Добжанскимъ (ibid. 1872, № 126, октябрь); даже подозрѣвался въ прикосновенности въ дѣлѣ о сбытѣ русскихъ фальшивыхъ ассигнацій (ibid, 1872, № 71). Въ 1873-мъ году, студентки обвиняли и уличали его во вскрытіи и чтеніи получаемыхъ имъ писемъ (ibid. 1873, № 117).

[5]) Секрети. свѣд. 1872, № 137.

[6]) Ibid. 1872, № 92.

[7]) Швейц. агент. 1873, № 124. Средства для коммуны давалъ между прочимъ студентъ Кузьминъ (см. ниже, стр. 110).

[8]) Ibid. 1873, №№ 144, 158, 167 и 170.

[9]) Швейц. агент. 1874, № 174.

въ ея же отсутствіе, работала нигилистка Андреева [1]). Въ Цюрихѣ, Александровъ пробовалъ тоже читать лекціи (11 марта 1878 года) въ помѣщеніи русской библіотеки; девизомъ его, какъ онъ выразился, было: «долой университеты и ученье» — слова которыя были покрыты аплодисментами [2]). На этой же лекціи, онъ требовалъ отъ революціонеровъ—скорѣйшаго отправленія дѣятелей въ Россію,—«въ народъ» [3]). Въ апрѣлѣ 1874-го года, парижскій Славянскій комитетъ (Comité des Slaves) поручилъ ему отправиться въ Цюрихъ на конгрессъ [4]). Съ Лавровымъ, Александровъ не сошелся [5]). Одно время онъ хотѣлъ отправиться въ Парижъ для основанія тамъ русской студенческо-революціонной библіотеки, вмѣстѣ съ Софьею Гольштейнъ [6]). Въ январѣ 1874 года, онъ ѣздилъ по типографскимъ дѣламъ къ эмигранту Врублевскому, въ Лондонъ, а осенью, подъ паспортомъ Урсати, ѣздилъ въ Россію, но въ сентябрѣ, былъ уже обратно въ Бернѣ. Паспортъ этотъ на имя Урсати былъ привезенъ изъ Сербіи спеціально для его поѣздки въ Россію [7]), между тѣмъ какъ настоящій Урсати оставался въ Швейцаріи. Въ 1874 году, онъ вызывался правительствомъ, но на призывъ не явился [8]). Въ 1878-мъ году, проживалъ въ Парижѣ, а въ 1879-мъ, переѣхалъ уже въ Румынію [9]).

Алисовъ, Евгеній, эмигрантъ 1871-го года, проживалъ въ Лозаннѣ и Женевѣ [10]).

Алябьевъ, эмигрантъ. Въ 1870 году, внесъ пожертвованіе (100 рублей) въ пользу редакціи «Народнаго Дѣла» [11]).

Аничеславскій, Исаакъ, еврей, бывшій студентъ медико-хирургической академіи, потомъ студентъ въ Цюрихѣ. Въ декабрѣ 1874-го года, былъ избранъ членомъ совѣта (Vorstand) цюрихской секціи Интернаціонала, на первое полугодіе 1875 года [12]).

---

[1]) Швейц. агент. 1874, № 199.
[2]) Характеристика лекціи, въ письмѣ Ольги Любатовичъ, вовсе ей не сочувствовавшей (Секрети. свѣд. 1873, № 92).
[3]) Ibid.—На лекціяхъ этихъ, слушателей было, однако, весьма немного (ibid. 1873, № 134).
[4]) Швейц. агент. 1874, № 183.
[5]) Ibid. 1874, № 167.
[6]) Секрети. свѣд. 1873, № 332.
[7]) Швейц. агент. 1874, № 196.
[8]) См. выше, стр. 68.
[9]) Дѣло 1874 г., № 25, л. 38 об.; № 144, 1872 г. ч. 5, л. 255; № 487, 1878 г. л. 40; № 84, 1872 г. л. 78; № 195, 1872 г., л. 54 об.; № 84, 1872 г., л. 78 и № 197, 1872 г. л. 18. См. тоже о немъ, выше, стр. 36, 37, 44, 55, 63, 66 и 68, и ниже, стр. 92.
[10]) Швейц. агент. 1871, №№ 79, 87, 96 и 97 См. тоже о немъ, выше, стр. 6.
[11]) Ibid. 1870, № 28 и 29.
[12]) Швейц. агент. 1874, № 199, 177, 163; 1873, № 149; дѣла № 215, ч. I, 1872 л. 256.

Андреева, нигилистка, занимавшаяся въ типографіи у Лаврова, въ Цюрихѣ, а потомъ—у Александрова, въ Женевѣ (въ отсутствіи Гребницкой) [1]).

Апсеитова, Зенеида Степановна, родилась въ 1852-мъ году, въ С.-Петербургѣ, рожденная Карàли, дочь потомственнаго почетнаго гражданина (откупщика), состояла въ гражданскомъ бракѣ (по англійскимъ законамъ) съ эмигрантомъ Германомъ Лопатинымъ, и была вѣнчана подъ фамильею Бартъ. Въ 1871—1872 годахъ, она обратила на себя вниманіе вслѣдствіе того круга знакомства въ которомъ она вращалась, состоявшаго только изъ лицъ политически неблагонадежныхъ,—сестеръ Корниловыхъ, Вѣры Грибоѣдовой, Александра Лобова (см. о немъ ниже), Бобарыковой, Розаліи Идельсонъ, и другихъ. Съ 1871-го года, Апсеитова предпринимала неоднократныя поѣздки за границу, проживала во Франціи, Англіи и Швейцаріи, (въ послѣдней, она была зимою 1872 —1873 гг.) [2]). Здѣсь она присоединилась къ кружку Лаврова, Эльсница, Старцева, сошлась съ эмигрантомъ Германомъ Лопатинымъ, вошла съ нимъ въ связь и имѣла отъ него сына. Вернувшись въ Петербургъ, оно проживала въ квартирѣ Грибоѣдовой, а въ 1879 году, у Лопатина, гдѣ была задержана. Въ іюнѣ 1880-го года, она, вмѣстѣ съ Лопатинымъ, отправилась въ Ташкентъ, а въ апрѣлѣ 1881 года, выѣхала оттуда въ Петербургъ. Въ Парижѣ, она слушала лекціи медицинскаго факультета и получила званіе bachelière ès—sciences; позднѣе, въ Петербургѣ, выдержала вступительный экзаменъ на врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, но разрѣшенія на принятіе ея на эти курсы со стороны шефа жандармовъ не послѣдовало [3]).

***Аптекманъ**, Дора (или Доротея) Григорьевна, прибыла въ Цюрихъ изъ Харькова, еврейка, дочь винокура въ Бахмутѣ, Исаака Аптекманъ; родилась въ 1854 году, воспитывалась въ харьковской женской гимназіи, позднѣе же, «развитіемъ» ея занялся двоюродный братъ, однофамилецъ, студентъ харьковскаго университета, перешедшій въ медико-хирургическую академію. Она отправилась въ Цюрихъ въ мартѣ 1871-го года, гдѣ слушала лекціи по медицинскому факультету. Въ бытность ея въ Швейцаріи,

---

[1]) Швейц. агент. 1874, № 199. См. о ней тоже выше, стр. 76.

[2]) Секретн. свѣд. 1872, № 393, ноябрь.

[3]) Дѣло № 280, 1877 г., лл. 37 и 42; 1871, № 76, ч. 2, л. 115; 1871, № 492, л. 68; 1872, № 71, ч. 1, л. 86; 1873, № 414 ч. 2, л. 9; 1879, № 205, л. 13, 77, 78, 145, 188, 200, 201 и 203.

она принадлежала къ крайнимъ кружкамъ студенческой коммуны, при чемъ, безобразнымъ поведеніемъ, обратила на себя всеобщее вниманіе; она же все это время состояла членомъ «Славянской секціи» Интернаціонала. Затѣмъ, Аптекманъ вернулась въ Россію только въ февралѣ 1877 г. а именно въ Харьковъ, послѣ полученія въ Бернѣ докторскаго диплома и защиты диссертаціи (26-го января). Въ сентябрѣ 1878 года, просила она о допущеніи ея къ испытанію на право частной врачебной практики, въ чемъ ей сначала было отказано, въ виду имѣвшихся о ней свѣдѣній за время ея пребыванія въ Швейцаріи; но позднѣе, вслѣдствіе заявленія о полномъ «раскаяніи», въ октябрѣ 1878 года, было разрѣшено допустить её къ экзамену [1]).

***Бабкина**. цюрихская студентка [2]), о которой болѣе подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

Бабьянъ, Манукъ (вѣроятно—татаринъ или караимъ?), студентъ въ Цюрихѣ [3]).

***Багрова**, Эмилія Григорьевна, еврейка, дочь симферопольскаго купца, человѣка состоятельнаго. Она родилась въ 1852 году, воспитывалась въ мѣстной женской гимназіи, а потомъ—въ Петербургѣ, откуда уѣхала въ Цюрихъ, въ іюлѣ 1871-го года, и поступила на медицинскій факультетъ. Она вернулась въ Россію—по вызову правительства, жила въ Симферополѣ, а потомъ въ Одессѣ.

Бажановъ, Владиміръ, изъ Курска. Въ 1870-мъ году, пріѣхалъ въ Швейцарію вмѣстѣ съ Нечаевымъ [4]) и былъ сотрудникомъ «Народнаго Дѣла» [5]). Занимался дѣлами сербскихъ соціалистовъ, желая соединить ихъ интересы съ русскими. Съ этою цѣлью, онъ ѣздилъ въ Сербію съ агитаторомъ Милковымъ, въ 1871-мъ году [6]), при чемъ для пути имѣлъ два паспорта—бельгійскій и англійскій [7]). Еще раньше, онъ ѣздилъ изъ Цюриха въ Лондонъ, по паспорту польскаго эмигранта Тальмейера [8]). Былъ человѣкомъ энергическимъ и образованнымъ.

---

[1]) Дѣло № 215, 1872-го года, по 3-й экспедиціи, часть 1, л. 31, ч. 2, лл. 79 и 83. См. тоже выше, стр. 53. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, Аптекманъ вмѣстѣ съ Матильдой Эйтнеръ и Розаліей Идельсонъ, посѣщала позднѣе въ Берлинѣ сходки интернаціоналовъ.

[2]) Секрети. свѣд.—1872, № 97.

[3]) Швейцарская агентура—1874, № 177.

[4]) Ibid. 1870, № 14; 1871, № 46.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid. 1871, № 96,—на средства присланныя изъ Петербурга и Москвы (1600 р.).—Ibid. 1871, № 46 и 1870, № 36.

[7]) Ibid. 1871, № 46.

[8]) Швейцарская агентура—1870, № 14.

Байдаковскій—содѣйствовалъ въ сношеніяхъ эмиграціи съ Москвою и распространялъ въ Россіи произведенія революціонной прессы [1]).

Бакстъ, Владиміръ Исааковичъ, изъ евреевъ, бывшій студентъ дерптскаго университета, кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета и сынъ учителя житомірскаго раввинскаго училища; служилъ переводчикомъ въ азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и содержалъ въ С.-Петербургѣ частную типографію. Въ 1861 году, на него пало подозрѣніе въ томъ, что онъ имѣлъ сношенія съ русскими эмигрантами за границею, и въ типографіи своей печаталъ преступныя воззванія; но такъ какъ подозрѣніе это не подтвердилось въ то время ясными фактами, то Бакстъ, во вниманіе къ его болѣзненности, уволенъ былъ тогда-же за границу, гдѣ самовольно и остался. Съ 1862 года, онъ тамъ поселился, и одно время (1872), въ Цюрихѣ, какъ-бы вербовалъ пріѣзжающихъ русскихъ въ лагерь соціалистовъ [2]). Позднѣе, при производствѣ слѣдствія по дѣлу о событіи 4-го апрѣля, изъ отобранной у бывшаго помощника инспектора классовъ Императорскаго училища правовѣденія, Константинова, переписки, обнаружилось, что Бакстъ былъ однимъ изъ учредителей основанной, въ 1862 году, въ Гейдельбергѣ, для революціонной пропаганды, русской читальни, даже именовался «головою» или старшиною ея; получивъ отъ Герцена адресъ по поводу конституціи въ Россіи, предлагалъ его къ подписи прочимъ чинамъ читальни; обращался за содѣйствіемъ къ Герцену и Огареву, отъ которыхъ получалъ письма; будучи старше и опытнѣе другихъ членовъ читальни, имѣлъ на молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ Гейдельбергъ для образованія, наиболѣе вредное вліяніе, и склонялъ ихъ къ революціонной дѣятельности или къ матерьяльнымъ пожертвованіямъ на это дѣло, посредствомъ подписокъ. Въ 1866-мъ г., онъ проживалъ въ Берлинѣ. По Высочайше утвержденному, въ октябрѣ 1866-го года, заключенію Слѣдственной Коммисіи, было опредѣлено: по возвращеніи его въ Россію, подчинить его полицейскому надзору; въ случаѣ же продолженія вредной дѣятельности,—подвергнуть высылкѣ въ какую либо отдаленную мѣстность. Въ 1870-мъ году, ему Всемилостивѣйше разрѣшено было вернуться въ Россію, безъ привлеченія его къ отвѣтственности за са-

---

[1]) Секретн. свѣд. 1872, № 137; см. о немъ, тоже выше, стр. 21 и 52.

[2]) Швейцарская агентура—1872, №№ 57, 70, 71, 89, 96.

мовольное оставленіе отечества [1]). Позднѣе, онъ вновь отправился въ Швейцарію, гдѣ занимался вербованіемъ пріѣзжающихъ русскихъ въ составъ эмиграціи [2]). Подробности о немъ находятся тоже въ разоблаченіяхъ Гижицкаго, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1873 г. № 12.

***Балтага**, Марія, дочь сельскаго священника, слушала въ Цюрихѣ лекціи по медицинскому факультету, но вернулась въ Россію по вызову правительства и поступила на акушерскіе курсы при медико-хирургической академіи. При производствѣ дознанія по дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 гг., обнаружены были близкія отношенія ея къ бывшему студенту медико-хирургической академіи, Исааку Павловскому, и слушательницѣ врачебныхъ курсовъ, Вертѣ Левиной, привлекавшихся къ дѣлу о пропагандѣ [3]).

***Бардина**, Софья Ларіоновна, изъ тамбовской губерніи, шацкаго уѣзда, села Дьячье, родилась въ 1855 году, дочь бывшаго моршанскаго частнаго пристава Ларіона Савича и Клавдіи Петровны Бардиныхъ; воспитывалась въ тамбовскомъ александровскомъ институтѣ, гдѣ кончила въ 1871-мъ году курсъ съ золотымъ шифромъ, хотя поведенія была строптиваго и подлежала однажды исключенію изъ института. Всѣ семейство ея (братья и сестры) было какъ бы заражено самымъ вреднымъ направленіемъ; на воспитаніе ея имѣла большое вліяніе, жившая въ Моршанскѣ, подъ надзоромъ полиціи, нѣкая Александра Дмитріевна Жеребцова. Бардина уѣхала въ Цюрихъ въ 1872 году, гдѣ слушала лекціи по медицинскому факультету и принадлежала къ наиболѣе крайнимъ кружкамъ; состояла тоже секретаремъ «Общества вспомоществованія «учащимся женщинамъ», сборы котораго, шли на революціонное дѣло въ Россіи [4]). Впослѣдствіи, она стала виднымъ дѣятелемъ пропаганды, и о ней будетъ говорено въ свое время. Вернувшись въ Россію, она жила въ Москвѣ, въ 1874 году, на одной квартирѣ съ Лидіею Фигнеръ, съ которою и была вмѣстѣ арестована. Осужденная по дѣлу 193-хъ,—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири, она была поселена въ городѣ Ишимѣ [5]), тобольской губерніи. позднѣе,

---

[1]) Дѣло № 228—1866 г., по 3-й экспед. л. 52—54 и 68; № 34—1870 г., и Слѣдств. Комм. № 311.

[2]) Швейцарская агентура—1872, № 70; 1873, №№ 57, 71 и 96.

[3]) Дѣло № 144, ч. 9-я,—1874 г. л. 488, и ч. 10-я, л. 588.—См. выше, стр. 37—письмо ея въ Россію.

[4]) Дѣло № 144, ч. 7—1874 г. по 3-й экспед. л. 213.

[5]) Дѣло № 486—1880 г. по 3-й экспед.

бѣжала оттуда, 27 декабря 1880 г., за границу, проживала нѣкоторое время, въ г. Тульчѣ и Сулинѣ [1]); въ январѣ-же 1882 года, прибыла въ Женеву [2]), гдѣ умерла въ 1883 году. Отрывки изъ ея «Записокъ» были напечатаны въ «Календарѣ Народной Воли» на 1883-й годъ. Въ томъ же изданіи, бѣгство ея изъ Ишима выставлено какъ событіе въ спискѣ революціонныхъ эфемеридъ за декабрь мѣсяцъ.

Барскій, еврей, изъ Одессы, студентъ цюрихскаго университета, окончившій курсъ въ 1871 году; былъ дѣятельнымъ членомъ членомъ Славянской секціи Интернаціонала [3]), и одно время (въ 1872 году), стоялъ даже во главѣ нечаевскаго общества [4]). Въ 1875-мъ году, онъ вернулся въ Одессу [5]).

***Берладская**, Анастасія, изъ Кишинева, жена помощника секретаря кишиневскаго окружнаго суда; занималась прежде стенографіей при бессарабскомъ земскомъ собраніи и въ окружномъ судѣ. Въ іюнѣ 1872 года, пріѣхала въ Цюрихъ и поступила тамъ на медицинскій факультетъ. Въ студенческой коммунѣ, принадлежала къ партіи эмигранта Смирнова, враждебной партіи Ралли и Святловскаго. Въ октябрѣ 1873 года, у ней (и у Фронштейнъ) былъ сдѣланъ швейцарскою полиціею обыскъ [6]). Вернулась въ Россію по вызову правительства, но въ октябрѣ того же года, она отправилась въ Парижъ, гдѣ ходатайствовала, вмѣстѣ съ другими, о поступленіи въ парижскій университетъ, но кажется, что безуспѣшно. (см. тоже Гольдшмитъ, Софья).

***Берлинерблау**, Фанни, родилась въ 1853-мъ году, дочь еврея Мордки Берлинерблау, херсонскаго купца, воспитывалась въ симферопольской женской гимназіи, гдѣ окончила полный курсъ въ 1870-мъ году. Отправилась въ Цюрихъ въ 1871-мъ году, и слушала лекціи по медицинскому факультету. Состояла членомъ Славянской секціи Интернаціонала. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій университетъ, гдѣ окончила курсъ и защитила диссертацію на доктора медицины. Вернувшись въ Россію, она, въ маѣ 1875-го года, ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право частной врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено [7]).

---

[1]) Дѣло № 410 ч. 7, 1881 года, по 3-й экспед.
[2]) Дѣло № 73, 1881 г. по 1-й экспед., л. 31.
[3]) Швейцарская агентура—1871, №№ 87, 92 и 95; 1872, № 53.
[4]) Ibid. 1872, № 6.
[5]) Дѣло № 35, 1875 г. по 3-й экспед., лл. 34 и 38.
[6]) См. о ней выше, стр. 54 и 58; тоже ниже, стр. 89 и 143.
[7]) См. о ней тоже, выше, стр. 54.

Бибановъ, эмигрантъ въ Цюрихѣ, студентъ, бывшій секретаремъ коммуны Александрова, въ 1873 году [1]).

Блёхъ, Александръ, эмигрантъ, студентъ цюрихскаго университета [2]).

***Блинова** Марья, изъ Херсона, «бакунистка» и директриса женской кассы своего кружка. Посѣщала лекціи медицинскаго факультета въ Цюрихѣ [3]).

***Богуславская**, Любовь, изъ Курска, послѣ вызова правительства, переѣхала въ Дрезденъ, гдѣ занималась живописью. Для того, чтобы имѣть средства поступить въ другой университетъ, обратилась съ письмомъ къ владимірскому предводителю дворянства, предлагая ему поступить, по окончаніи курса, земскимъ врачемъ, лишь бы нынѣ ей дано было отъ земства ежегодное пособіе въ 400 рублей. Обращеніе свое именно къ этому лицу, она мотивировала слухами о томъ, будто владимірское дворянство относится съ особеннымъ сочувствіемъ къ цюрихскимъ студенткамъ [4]).

***Богуславская**, Елисавета, изъ Кіева, дѣвица. Въ 1882 году, уѣхала въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи юридическихъ наукъ и политической экономіи [5]).

Божичъ-Савичъ, авторъ многихъ памфлетовъ противъ русскаго правительства [6]).

Буевъ, эмигрантъ, вѣроятно псевдонимъ. О случаѣ съ нимъ и высылкѣ его изъ Женевы, въ 1870-мъ году, сказано выше (стр. 11).

Бутурлинъ, Александръ Сергѣевичъ, сынъ генералъ-лейтенанта, родился въ 1846-мъ году, кандидатъ правъ московскаго университета. Вслѣдствіе столкновенія студентовъ съ профессоромъ Полуниннымъ, въ октябрѣ 1869 г., исключенъ былъ изъ университета и сосланъ подъ надзоръ полиціи, въ г. Ярославль. Былъ знакомъ и даже въ сношеніяхъ съ Нечаевымъ, Успенскимъ, Прыжовымъ, и другими нечаевцами. Вмѣстѣ съ товарищами своими, тоже исключенными изъ университета,—Эльсницомъ, Гольштейномъ, Пирамидовымъ и Смирновымъ, онъ занимался устройствомъ въ университетѣ такой же организаціи, какъ и въ Петровской академіи. Переписка Бутурлина съ ними продолжалась послѣднимъ и изъ Ярославля,

---

[1]) Швейц.. агент.—1878, №№ 138, 139 и 158 1872, № 6.

[2]) Ibid. 1872, № 113.

[3]) Ibid. 1873, № 81; См. о ней тоже выше, стр. 52.

[4]) Дѣло № 215—1872 года, по 3-й экспед. ч. II, л. 31; см. о ней тоже выше, стр. 28.

[5]) Ibid.

[6]) Швейц. агент. 1874, №№ 161, 166 и 172.

куда онъ былъ посланъ въ ссылку. Позднѣе, онъ былъ преданъ суду по нечаевскому дѣлу, но потомъ оправданъ, по рѣшенію судебной палаты. Изъ Петербурга, онъ вернулся въ Москву, и затѣмъ, въ 1872-мъ году, уѣхалъ въ Швейцарію, жилъ въ Цюрихѣ, гдѣ состоялъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Ралли, Смирновымъ, Зайцевымъ и другими [1]) тамъ же служилъ эмиграціи своими средствами; особенно занимался дѣлами сербскихъ анархистовъ, лѣтомъ 1872 года [2]). Онъ же получилъ порученіе организовать провозъ запрещенныхъ книгъ черезъ границу. Вернувшись въ Россію, онъ, въ 1874—1877 годахъ, привлекался къ дѣлу о пропагандѣ и обвинялся въ подговорѣ (вмѣстѣ съ Кикодзе и Эндауровымъ) жандармскаго унтеръ-офицера Буланова—способствовать къ побѣгу содержавшагося въ Сущевской части политическихъ преступниковъ—Здановича, Кардашова и Цицiанова. Въ 1876 году, онъ былъ арестованъ, но отданъ на поруки родному брату. По всеподданнѣйшему докладу, разрѣшено было не привлекать его къ суду по дѣлу о пропагандѣ въ московской и вологодской губерніяхъ, но ограничиться учрежденіемъ постояннаго гласнаго надзора въ Москвѣ (въ февралѣ 1879 года); позднѣе же, по постановленію Особаго Совѣщанія, 19 декабря 1881-го года, онъ высланъ въ Азіятскую Россію, подъ надзоръ мѣстной полиціи на пять лѣтъ, именно въ г. Тобольскъ [3]).

***Валицкая**, Марья Константиновна, изъ Одессы, дочь врача, сестра учителя херсонской гимназіи, домашняя учительница. Въ 1872-мъ году, выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ слушала курсъ медицинскихъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимала дѣятельное участіе въ предпріятіяхъ русскихъ эмигрантовъ, между прочимъ, и въ покушеніи на жизнь русскаго агента—Стемпковскаго. Въ іюлѣ 1873 года, отправилась изъ Цюриха съ эмигрантомъ Святловскимъ (бросившимъ свою жену, тоже цюрихскую студентку), путешествовать; въ декабрѣ того же года, вернулась въ Россію. Въ октябрѣ 1874-го года, ходатайствовала о поступленіи на врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, а позднѣе—на курсы медико-хирургической Академіи, что ей, въ виду поведенія ея въ Швейцаріи, разрѣшено не было. Въ сентябрѣ 1878 г.,

---

[1]) Швейц. агент. 1872, № 40. Подпись его находится на одномъ изъ документовъ русской библіотеки (ibid. 1873, № 133).

[2]) Ibid. 1872, № 40.

[3]) Дѣло № 115 ч. 6 (1869-го года), л. 159 и 90; № 80, 1872 г. л. 54, 33, 35 об.; № 144, ч. 238, т. I, 1874 г. л. 603, 604, 611, 629, 645; ч. 127 (1872 г.), т. I л. 38, 65, 101 и т. II; см. тоже о немъ ниже, стр. 90.

она возобновила свое ходатайство, и вслѣдствіе полученныхъ вновь неблагопріятныхъ о ней слуховъ, ей было вторично отказано; но въ декабрѣ мѣсяцѣ, по усиленной ея просьбѣ, и при обѣщаніи, на будущее время, вести себя какъ слѣдуетъ (въ чёмъ и дана ею подписка), она была допущена къ слушанію врачебныхъ курсовъ [1]).

***Валицкая**, Степанида, изъ Слуцка. По вызову русскаго правительства не явилась, но въ декабрѣ мѣсяцѣ 1873 года, ходатайствовала у министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ей остаться еще на шесть мѣсяцевъ въ Цюрихѣ, для окончанія курса историческихъ наукъ, при чемъ приложила рекомендательное о себѣ письмо профессора Свицера, на латинскомъ языкѣ [2]).

Вальдмейеръ (можетъ быть псевдонимъ), пріѣзжала изъ Россіи въ Цюрихъ, съ какими-то порученіями, въ 1870 и 1871-мъ годахъ, гдѣ и состояла въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ эмигрантами [3]).

***Варвинская**, — первая, дѣвица пріѣхавшая изъ Екатеринбурга, слушала въ Цюрихѣ лекціи по философскому факультету.

***Варвинская**, — вторая, изъ Екатеринбурга же, сестра предъидущей, слушала лекціи по тому же факультету.

Василисина, нигилистка, въ Женевѣ, собиравшаяся отправиться въ Америку, въ Нью-Іоркъ, для поступленія въ составъ устроившейся тамъ русской коммуны [4]).

Васильева, нигилистка въ Цюрихѣ [5]).

Васильевъ (вѣроятно псевдонимъ), Александръ, прибылъ въ Женеву, изъ Костромы, въ декабрѣ 1872-го года, показывалъ, что бѣжалъ отъ преслѣдованій по нечаевскому дѣлу, чрезъ Москву и Одессу [6]). Принадлежалъ въ Цюрихѣ къ партіи Лаврова [7]), но осенью 1874-го года, переѣхалъ въ Придунайскія княжества. Былъ членомъ Славянскаго соціальнаго общества [8]).

Васильевъ, Николай, студентъ медико-хирургической академіи. За участіе въ студенческихъ безпорядкахъ въ 1869 году, былъ арестованъ и высланъ на жительство подъ надзоръ полиціи, въ Смоленскую губернію; въ 1871 году, надзоръ отмѣненъ, и въ слѣдующемъ году,

---

[1]) Дѣло № 215—1872 года ч. 1, л. 181; ч. II лл. 37, 38, 119, и 179; дѣло № 491—1873 г. л. 5. О ней же ниже, стр. 138.

[2]) Дѣло № 215, 1872, по 3-й экспедиціи, ч. 1, л. 247; см. о ней тоже выше, стр. 63.

[3]) Швейц. агент. 1870, №№ 4 и 43; 1871, №№ 46 и 81.

[4]) Ibid. 1873, № 115.

[5]) Idid. 1872, № 77; см. о ней выше, стр. 50.

[6]) Ibid. 1873, № 131.

[7]) Ibid. 184, № 196.

сму былъ выданъ заграничный паспортъ [1]). Въ Швейцаріи, онъ принадлежалъ къ партіи бакунинцевъ и проживалъ въ Цюрихѣ. Въ 1872 году, скрывшійся за границу (впослѣдствіи добровольно возвратившійся въ отечество) Владиміръ Лебедевъ видѣлъ Васильева въ Женевѣ, у Эльпидина, съ которымъ онъ былъ тогда въ очень близкихъ отношеніяхъ [2]). Онъ состоялъ тоже членомъ Славянской секціи Интернаціонала и членомъ «Общества мстителей за Нечаева» [3]), принималъ тоже большое участіе въ дѣлѣ ликвидаціи «русскаго дома» въ Цюрихѣ [4]); впослѣдствіи заправлялъ русской читальней въ Бернѣ, вмѣстѣ съ Раисою Путята [5]). Послѣ вызова студентокъ, онъ пытался перейти въ Парижъ, но неудачно [6]).

***Ваховская**, Варвара Ивановна, позднѣе въ замужствѣ Бончъ-Осмоловская, изъ Каменца-Подольскаго, уроженка херсонской губерніи, дочь отставнаго чиновника—католика (мать-же, умершая до 1872 г., была православною), родилась въ 1850 году, воспитывалась въ мѣстной женской гимназіи. Она выѣхала, въ іюлѣ 1872-го года, въ Цюрихъ, вмѣстѣ съ теткою своею, Антониною Оссовскою, и посѣщала лекціи математики (по философскому факультету). Вернулась вслѣдствіе вызова правительства, 3 іюня 1873 года, и проживала затѣмъ одно время въ Каменцѣ-Подольскѣ, а потомъ переѣхала въ Петербургъ. Была живою участницею въ дѣлѣ пропаганды 1874—1877 гг. (по кружку Лермонтова), затѣмъ осуждена къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи; но въ 1878 г. отдана на поруки своему отцу, а въ 1880 году, разрѣшено ей жить въ имѣніи мужа, въ минской губерніи [7]). Въ 1882-мъ году, она проживала въ Одессѣ.

Ваховскій, Эдуардъ (Егоръ) Ивановичъ, братъ предъидущей, уроженецъ волынской губерніи, студентъ строительнаго училища, крайне увлекавшійся соціалистическою пропагандою юноша, выѣхалъ, въ 1872 году, за границу, и поселился, вмѣстѣ съ сестрою, въ Цюрихѣ, гдѣ они оба принадлежали къ кружку Ралли и бакунинцевъ [8]). Изъ

---

[1]) Дѣло № 44—1869 года., по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 175—1872 г. л. 75—76; Швейц. агент. 1873, №№ 81 и 118.

[3]) Швейц. агент. 1878, №№ 80, 81, 123 и 126.

[4]) Ibid. 1873, №№ 98 и 122.

[5]) Ibid. 1873, № 198.

[6]) Ibid. 1873, № 144.

[7]) Дѣла—№ 498, 1878-го года, л. 293; № 144, 1873-го года, части 1, 3, 7, 9 и 17 (т. II и III); см. о ней же, ниже, стр. 95.

[8]) Швейцарская агентура—1873, № 105.

Цюриха, Ваховскій намѣревался уѣхать въ Америку [1]), но вслѣдствіе командировки его эмигрантами, отправился въ Парижъ, для устройства переведенной туда бакунинской библіотеки [2]). Состоялъ въ дружбѣ съ главными цюрихскими дѣятелями—Компанскимъ [3]), Сажинымъ [4]), и друг. и самъ отправился, съ Паули, Яковлевымъ и Ралли, въ Придунайскія княжества [5]); но лѣтомъ того же года, Ваховскій возвратился въ Петербургъ, гдѣ поселился вмѣстѣ съ сестрою своею [6]).

Вахтель, Александръ, еврей, одесскій мѣщанинъ. Въ 1873—1874 гг. слушалъ лекціи въ Цюрихѣ, состоя весьма близкимъ человѣкомъ къ Ткачеву и Лаврову [7]). Въ 1875 году, привлекался къ дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 г. (о чемъ подробнѣе, въ своемъ мѣстѣ). Былъ сосланъ на жительство въ вологодскую губернію, но въ 1878-мъ году, ему разрѣшено проживать въ Одессѣ, въ домѣ его родителей [8]).

Вересовъ (тоже Березовъ)—содержатель (въ 1872—1874 г.)книжнаго русскаго магазина въ Женевѣ [9]), вмѣстѣ съ швейцарцемъ Гарригомъ (Guarrigues).

***Вигандтъ** (фонъ-Гопнастельбергъ) Любовь. Будучи студенткою цюрихскаго университета, принадлежала къ самымъ радикальнымъ кружкамъ русской коммуны. Вернулась въ Россію только въ 1879-мъ году.

Визинъ, эмигрантъ, распорядитель русской библіотеки въ Цюрихѣ. Умеръ въ апрѣлѣ 1872-го года [10]).

Витцингеръ, Морицъ, крещеный еврей, состоялъ, въ апрѣлѣ 1874-го года, вмѣстѣ съ Филипповымъ, во главѣ бакунинцевъ, въ Цюрихѣ [11]).

---

[1]) Ibid. 1873, № 118 и 172.

[2]) Ibid. 1873, № 12. Перевозка эта, однако, не состоялась (ibid. 1873. № 131); онъ самъ распродавалъ её впослѣдствіи (ibid. 1874 № 171).

[3]) Ibid. 1874, №№ 196 и 198.

[4]) Ibid. 1874, №№ 171 и 199; онъ отдаетъ ему даже свой паспортъ (ibid. № 197).

[5]) Ibid. 1874, № 197. См. о немъ же, ниже, стр. 143.

[6]) Дѣло № 215, 1872 г. №№ 197 и 198; Швейцарск. агент.—1874, №№ 131, 134, 167, 165, 170, 171, 177, 178 и 180.

[7]) Швейц. агент.—1873, №№ 106, 118 и 152; 1874, №№ 163, 167, 171 и 177.

[8]) Дѣло № 144, 1874-го года, ч. 77, лл. 9—12, 27, 36, 39, 48, 49 и 55,

[9]) Швейц. агент. 1872, №№ 37 и 74; 1874, №№ 101, 106 и 197.

[10]) Ibid.—1872. № 28.

[11]) Ibid 1873, №№ 183 и 185; См. о немъ выше, стр. 65.

*Владыкина, Леонида Яковлевна, рожденная Визардъ, жена инженеръ-поручика, изъ Москвы, домашняя учительница. Въ Цюрихѣ, она слушала лекціи по медицинскому факультету и участвовала въ революціонныхъ происках студенческой коммуны, состоя членомъ образовавшагося тамъ общества русскихъ женщинъ—«для взаимнаго вспомоществованія»; но общество это, подъ благотворительнымъ предлогомъ, собирало деньги на цѣли Интернаціонала и революціоннаго дѣла. Здѣсь же находилась она въ близкихъ отношеніяхъ къ Бетти Каминской, занимавшейся впослѣдствіи столь дѣятельною пропагандою. Послѣ вызова правительства, она перешла, въ 1874 году, въ бернскій университетъ, гдѣ тоже вошла въ кружокъ крайнихъ радикаловъ студенческой коммуны. Еще будучи въ Цюрихѣ (1870 г.), она прямо заявляла, что по возвращеніи въ Россію, посвятитъ себя дѣлу пропаганды въ народѣ. На вызовъ правительства не явилась, но осталась оканчивать курсъ, получила докторскій дипломъ, и затѣмъ ходатайствовала, въ апрѣлѣ 1879-го года, о допущеніи къ испытанію на право врачебно-акушерской практики, но шефъ жандармовъ не изъявилъ на это согласіе, въ виду столь неблагопріятныхъ свѣдѣній относительно пребыванія ея въ Швейцаріи; позднѣе-же, въ декабрѣ 1879-го года, ей разрѣшено подвергнуться испытанію, а въ октябрѣ 1880 года, она уже получила дипломъ. Затѣмъ, она поселилась въ Москвѣ, гдѣ свободно занималась врачебною практикою [1]).

Гальперинъ, Пинкасъ, еврей,—студентъ въ Цюрихѣ въ 1872—1874 годахъ [2]).

Гижицкій, Евгеній, эмигрантъ, позднѣе разоблачившій многое изъ жизни главныхъ вожаковъ русской коммуны, въ интересныхъ статьяхъ своихъ: «Русскіе эмигранты въ Швейцаріи», помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1873 г., № 12 13 и 14 [3]).

Гольденбергъ, Гетройтманъ (или Лейзеръ Борисовичъ), сынъ купца г. Одессы, гдѣ и родился, бывшій студентъ технологическаго института. Онъ принималъ участіе въ происходившихъ въ институтѣ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1869-го года, противузаконныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ политическій характеръ, за что тогда же былъ исклю-

---

[1]) Дѣло № 144, ч. 127—1874-го года, т. I, л. 28; дѣло № 35—1875 г. по 3-й эксп. л. 9 об.; дѣло № 215—1872 года, ч. II, лл. 81, 83, 190, 205, 207, 215 и 217. См. о ней же, ниже, стр. 106.

[2]) Швейц. агент. 1874, № 177.

[3]) Ibid. 1873, № 83.

ченъ изъ института и высланъ въ тамбовскую губернію, въ г. Темниковъ, подъ особый надзоръ полиціи. Въ томъ же, 1869 году, онъ, вслѣдствіе признанной министромъ внутреннихъ дѣлъ къ тому необходимости, былъ перемѣщенъ въ г. Петрозаводскъ, олонецкой губерніи, съ продолженіемъ учрежденнаго за нимъ надзора, при чемъ было сдѣлано также распоряженіе о подчиненіи строгому контролю всей корреспонденціи Гольденберга. Вскорѣ оказалось, что по поводу обнаруженной шифрованной переписки между проживавшимъ въ г. Каргополѣ—отставнымъ канцелярскимъ служителемъ Рейнгардтомъ и состоявшимъ подъ надзоромъ въ г. Петрозаводскѣ, бывшимъ студентомъ с.-петербургскаго университета, Зосимскимъ, о приготовленіяхъ къ возмущенію крестьянъ, упоминалось также имя Гольденберга, вслѣдствіе чего, у него, въ декабрѣ 1870 года, произведенъ былъ обыскъ, но ничего предосудительнаго найдено не было. Привлеченный къ сему дѣлу Гольденбергъ, вмѣстѣ съ другими, былъ преданъ суду олонецкой соединенной палаты уголовнаго и гражданскаго суда, и затѣмъ, приговоромъ, состоявшимся 23-го іюля 1871 года, былъ оправданъ; но по пересмотрѣ дѣла Правительствующимъ Сенатомъ, приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на восемь мѣсяцевъ. Вскорѣ онъ бѣжалъ за границу, и въ 1872 году, находился въ Цюрихѣ, гдѣ работалъ въ русской типографіи. Послѣ появленія прокламаціи: An das Schweizerische Volk, полиція изгнала его изъ Цюриха [1]). Позднѣе, онъ завѣдывалъ русскою типографіею въ Женевѣ [2]). Въ 1874-мъ году, вызывался правительствомъ изъ за границы, но на вызовъ не явился [3]). По свѣдѣніямъ иностранной агентуры видно, что онъ, находясь во Франціи, былъ въ 1880 г., за участіе въ разныхъ сборищахъ, изгнанъ изъ предѣловъ ея; послѣ того поселился сначала въ Швейцаріи, а затѣмъ уже въ Лондонѣ, гдѣ проживалъ подъ именемъ Линёва и состоялъ членомъ мѣстныхъ—исполнительнаго комитета и «интернаціональной лиги». Въ октябрѣ 1881-го года, онъ прибылъ въ Парижъ, для участія на митингѣ въ циркѣ Фернандо. Въ маѣ 1882 г. жилъ въ Лондонѣ, гдѣ работалъ на электрической выставкѣ, въ Хрустальномъ дворцѣ [4]).

---

[1]) Швейц. агент.—1872, 71; см. тоже выше, стр. 44.

[2]) Ibid. 1874, № 165. О немъ же—ibid. 1872, №№ 42, 64 и 163.

[3]) См. выше, стр. 68; тоже стр. 44 и 51.

[4]) Дѣло № 124—1870 года, л. 78, 88 и 142; № 44—1869 года, л. 244—248; № 73—1881 г. л. 9.

***Гольденбергъ**, Каролина Лазаревна (она же—Хая и Клара). еврейка, изъ Кіева, рожденная Клейманъ (сестра Анны Клейманъ, см. ниже). Будучи въ разладѣ съ мужемъ, выѣхала за границу, и въ Цюрихѣ слушала лекціи по медицинскому факультету.

***Гольдшмидтъ**, Софья Ивановна, рожденная Андросова, изъ Москвы, жена кандидата с.-петербургскаго университета, Изидора Альбертовича Гольдшмитъ. Слушала лекціи при медико-хирургической академіи, откуда, въ 1872-мъ году, получила свидѣтельство объ успѣхахъ и хорошемъ поведеніи. По дѣлу о перепискѣ съ русскими эмигрантами, найденной въ Москвѣ у дѣвицы Ольги Любатовичъ, въ октябрѣ 1872 года, была воспрещена выдача ей заграничнаго паспорта. Между тѣмъ оказалось, что еще въ сентябрѣ, она выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи медицины въ продолженіи трехъ семестровъ. Въ Россію, по вызову правительства, не вернулась, и въ октябрѣ 1873 года, ходатайствовала вмѣстѣ съ четырьмя другими цюрихскими студентками—Харжевскою, Шульцъ, Егоровою и Верладскою, у французскаго правительства, о слушаніи лекцій въ парижскомъ университетѣ. Впослѣдствіи, она, вмѣстѣ съ мужемъ, не разъ привлекалась къ главнѣйшимъ дознаніямъ по политическимъ дѣламъ, и въ іюнѣ 1879 года, была сослана въ г. Холмогоры, потомъ въ Вугурусланъ; въ іюлѣ же 1880 го года, разрѣшено супругамъ Гольдшмидтъ повсемѣстное жительство въ Имперіи [1]).

***Гольштейнъ**, рожденная Нестерова, Марья Ивановна, дочь курскаго второй гильдіи купца, домашняя учительница, жена бѣжавшаго за границу бывшаго студента Владиміра Гольштейна. Привлекалась къ дѣлу Нечаева, но по постановленію сенатора Чемадурова, не признана прикосновенною къ дѣлу; затѣмъ, выѣхала въ Цюрихъ изъ Москвы. Въ Швейцаріи, играла видную роль среди эмигрантовъ. На вызовъ правительства не вернулась; позднѣе была въ парижскомъ университетѣ, а въ 1877 году ее арестовали въ Парижѣ вмѣстѣ съ Луканиною (см. это имя) и Карякиною—по подозрѣнію въ устройствѣ конгресса интернаціоналистовъ; однако не была предана суду по недостатку доказательствъ. Она умерла въ Италіи.

---

[1]) Дѣло 1879 г., по 3 экспед., № 165, ч. 2; № 94, ч. 1; 1877, №№ 394 и 332; 1878 г. № 68; дѣло № 144—1874 г., ч. 269, лит. а; 1872 г. № 84, л. 77.—См. о ней же, ниже, стр. 94.

Гольштейнъ, Владиміръ Августовичъ, род. въ 1849-мъ году, въ гор. Касимовѣ, бывшій студентъ московскаго университета, исключенный по дѣлу о столкновеніи студентовъ съ профессоромъ Полуниным. Покинувъ университетъ, онъ сошелся съ Нечаевымъ, Прыжовымъ, Пирамидовымъ, Эльсницомъ, Бутурлинымъ, Смирновымъ, и вмѣстѣ съ ними предполагалъ ввести ту же организацію общества «Народной Расправы», какъ и въ Петровской академіи. Послѣдствіемъ этого рѣшенія была сходка студентовъ медицинскаго факультета, на которой присутствовали делегаты отъ академіи, а затѣмъ привлеченіе къ движенію и другихъ факультетовъ. Изобличенный въ возбужденіи безпорядковъ въ университетѣ, Гольштейнъ высланъ былъ на жительство въ гродненскую губернію, а въ февралѣ 1870 г. арестованъ и вытребованъ въ Москву, къ дознанію по нечаевскому дѣлу. Предварительное слѣдствіе, хотя и добыло улики по обвиненію Гольштейна въ знаніи и недонесеніи о составленномъ Нечаевымъ заговорѣ, но сенаторъ Чемадуровъ, однако нашелъ возможнымъ освободить его изъ подъ стражи, съ отдачею на поруки женѣ полковника Алѣевой, съ денежнымъ залогомъ въ 1000 рублей. Получивъ свободу, Гольштейнъ сдѣлался, въ 1871 году, членомъ издательской коммисіи «пропаганды печатнаго слова», или такъ называемаго «общества самообразованія и практической «дѣятельности», и бывалъ вмѣстѣ съ прочими, на сходкахъ у Карповыхъ, по этому дѣлу. Получивъ 11-го іюня 1871-го года, копію съ обвинительнаго акта по нечаевскому дѣлу и будучи на попеченіи родителей съ денежнымъ залогомъ, онъ бѣжалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ Смирновымъ и Эльсницемъ, при содѣйствіи аптекарскаго помощника Фаррена и одного военнаго врача [1]), чрезъ Волочискъ, въ Швейцарію [2]). Въ Цюрихѣ, онъ посѣщалъ лекціи университета по медицинскому факультету, и вскорѣ женился на студенткѣ Марьѣ Нестеровой [3]). Послѣ ареста Нечаева, онъ сильно хлопоталъ у женевскихъ властей объ его освобожденіи, и выпустилъ, вмѣстѣ съ польскимъ эмигрантомъ Детловымъ, памфлетъ противъ швейцарскаго правительства, который расклеилъ по городу рано утромъ [4]), что надѣлало ему много непріятностей.

---

[1]) Собственныя показанія его въ кругу эмиграціи (Швейцарская агентура—1871, № 89).

[2]) Ibid. 1872, № 36.

[3]) Ibid; см. выше, стр. 89.

[4]) Ibid. 1872, № 68.

лтностей. Будучи однимъ изъ членовъ «Общества мстителей» за Нечаева, онъ подписалъ рѣшеніе суда эмигрантовъ противъ агента, указавшаго полиціи на Нечаева [1]), и подписалъ еще прежде заявленіе въ газетахъ противъ того же лица [2]). Онъ стоялъ довольно близко къ польскимъ революціонерамъ, былъ даже, въ 1873-мъ году, избранъ членомъ комитета польскаго соціально-демократическаго общества [3]), и вмѣстѣ съ сестрою своею, Софьею, бывшею въ Цюрихѣ студенткою, присутствовалъ 2-го іюня 1872 года, на поминкахъ генерала парижской коммуны Домбровскаго [4]). Съ Нечаевымъ, онъ видѣлся часто и передавалъ въ эмиграціи слышанныя, будто отъ него самого подробности объ убійствѣ имъ студента Иванова, немного разнящіяся отъ общеизвѣстныхъ. Изъ нихъ оказывалось, будто Нечаевъ убилъ Иванова не изъ опасенія доноса, а потому, что онъ былъ способнѣе и умнѣе его самаго. Ивановъ сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла, о чемъ высказался откровенно на сходкѣ комитета; но въ уставѣ общества была статья, которая гласила, что «только смерть можетъ разлучить членовъ общества». Тогда Нечаевъ воспользовался этимъ правиломъ, чтобы потребовать смерти Иванова. Комитетъ не соглашался, и тогда, для убѣжденія его, Нечаевъ предъявилъ *подложный приказъ* центральнаго революціоннаго комитета въ Женевѣ (вовсе даже не существовавшаго), послѣ чего уже, они кинули жребій, который и выпалъ Нечаеву. Когда комитетъ собрался на другой день, чтобы обсудить — кѣмъ замѣнить Иванова, одинъ изъ членовъ былъ видимо опечаленъ случившимся; но замѣтивъ это, Нечаевъ быстро вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ него, однако промахнулся и былъ обезоруженъ [5]). ... Въ Швейцаріи, Гольштейнъ, послѣ ареста патрона своего, Нечаева, сдѣлался въ эмиграціи дѣятельнымъ бакунинцемъ. На конгрессѣ Юрскаго отдѣла Интернаціонала, 7-го мая въ Невшателѣ (Scission Jurassienne, созданную Бакунинымъ), онъ ѣздилъ делегатомъ, вмѣстѣ съ Штейномъ, Ралли и Озеровымъ [6]); онъ же занимался ликвидаціею части библіотеки бакунинцевъ, помѣщавшуюся на Bremerschlüssel-ѣ, въ Бернѣ [7]). Вниманіе свое онъ обратилъ вскорѣ на сла-

---

[1]) Секретн. свѣд. 1872, № 385.
[2]) Швейцарская агентура — 1872, № 42.
[3]) Ibid. 1872, № 56.
[4]) Ibid. 1872, № 36.
[5]) Ibid. 1872, № 60.
[6]) Ibid. 1872, № 31.
[7]) Ibid. 1873, № 148.

вянскія земли, на Придунайскія княжества и Галицію [1]), ѣздилъ въ Сербію, осенью 1873 года [2]), и собирался купить себѣ тамъ имѣніе, вмѣстѣ съ Ралли и Эльсницемъ [3]). 25-го февраля 1874 года, онъ защитилъ дисертацію въ Цюрихѣ, получилъ дипломъ [4]), и осенью поселился въ Придунайскихъ княжествахъ [5]). Въ 1874 году, онъ вызывался правительствомъ въ Россію, но на вызовъ не явился. Изъ товарищей по эмиграціи, онъ особенно не ладилъ съ Сажинымъ, который, въ письмахъ къ Ваховскому, изъ Лондона, называлъ его—«сволочью» [6]). Въ 1878 году, онъ появился въ Равеннѣ, въ составѣ тамошнихъ интернаціоналистовъ, но изгнанъ былъ правительствомъ изъ предѣловъ Италіи. Въ 1880 году, онъ находился въ Парижѣ [7]).

Гольштейнъ, Софья Августовна, цюрихская студентка, сестра предыдущаго [8]).

Готгардтъ, изъ Одессы, занимался въ революціонной типографіи, въ Женевѣ, и держалъ корректуру брошюры Нечаева, въ январѣ 1872 года [9]).

Гинцбургъ, Левъ, бывшій студентъ медико-хирургической академіи. Привлекался къ дознанію о продажѣ сочиненія Берви: «Азбука соціальныхъ наукъ» (Флеровскаго). При содѣйствіи его, Лавровъ издавалъ свой журналъ «Впередъ» въ Цюрихѣ, гдѣ Гинцбургъ былъ тогда студентомъ [10]).

***Гребницкая**, Екатерина Ивановна, дворянка и уроженка тульской губерніи, рожд. Писарева, сестра извѣстнаго агитатора и литератора [11]), фиктивная супруга учителя Гребницкаго, въ Одессѣ. Въ Цюрихѣ, она была студенткою и отдала эмигранту Александрову (у котораго она была наборщикомъ въ типографіи), на такъ называемое «народное дѣло», весь свой капиталъ въ 5000 руб; по растратѣ же имъ

---

[1]) Вмѣстѣ съ Лобовымъ, Кропоткинымъ, Лавровою, Смирновымъ и друг. онъ писалъ, въ 1873 году, сочувственное посланіе галицкому украинофильскому обществу «Сичь», изъ Цюриха (Секретн. свѣд. 1873, № 93).

[2]) Швейцарская агентура—1873, № 118.

[3]) Ibid. 1873, № 141.

[4]) Ibid 1874, № 171.

[5]) Ibid. 1874, № 196.

[6]) Ibid. 1874, № 171.

[7]) Дѣло № 115. 1869 года, ч. 10, л. 23 и 50; № 65, 1871 года, л. 87 об. и 92; № 491, 1873 г., л. 39—по 3-й экспед. См. о немъ, тоже, ниже, стр. 138, 243 и 144.

[8]) См. выше, стр. 76 и 91.—Секретн. свѣд. 1873, № 332.

[9]) Швейцарская агентура—1872, №№ 10 и 23. См. тоже о немъ выше, стр. 42—34, 51, 52, 58 и 68.

[10]) Дѣло № 228, 1873 г., по 3-й экспедиціи; Швейцарская агентура—1873, №№ 127 и 133.

[11]) Также сестра Вѣры Ивановны Писаревой, замѣшанной въ дѣлѣ объ изданіи сочиненій Писарева, Павленковымъ, и затѣмъ высланной на жительство въ новгородскую губернію. Нынѣ по снятіи надзора, въ 1877 году, проживаетъ въ Варшавѣ.

этихъ денегъ она, по его же внушенію, рѣшилась пролать себя, для доставленія средствъ коммунѣ, одному старику, за нѣсколько тысячъ, отданныхъ ею всё тому же Александрову. Она не вернулась въ Россію, но переѣхала въ Женеву, гдѣ кончила жизнь самоубійствомъ [1]).

Гулевичъ, эмигрантъ, основавшій (1870) съ Эльпидиномъ особый кружокъ, въ Женевѣ, занимавшійся болѣе изданіемъ сочиненій Чернышевскаго. Застрѣлился въ маѣ мѣсяцѣ 1874 года [2]).

Гумбрихтъ, Захарій, родился въ 1850-го году, еврей изъ Калиша, откуда бѣжалъ, въ 1871 году, въ Цюрихъ [3]), гдѣ присоединился къ партіи Утина и сталъ членомъ Интернаціонала. Въ декабрѣ 1872-го года, Утинъ предполагалъ отправить его въ Москву съ порученіемъ [4]), и здѣсь онъ долженъ былъ укрываться у родныхъ цюрихской студентки Розаліи Идельсонъ. Поѣздка, однако, не состоялась [5]).

***Гурамова**, княжна Ольга Александровна, грузинка, изъ Закавказья, цюрихская студентка. Вмѣстѣ съ Пелагеею Навловою, Ольгою и Екатериною Николадзе, студентами—Павломъ Измайловымъ, Давидомъ Кадагидзе, Александромъ Сумбатовымъ и Иваномъ Месхи,— основала въ Цюрихѣ политическое общество «Ярмо» (по грузински «Угели»). Послѣ вызова правительства, она переѣхала въ Женеву; вернувшись же въ Петербургъ, возбуждала, въ 1881 году, подозрѣніе въ сношеніяхъ съ подпольными дѣятелями [6]).

Денисенко, Сергѣй, землевладѣлецъ черниговской губерніи, бывшій студентъ харьковскаго университета. Участвовалъ въ лондонскомъ конгрессѣ Интернаціонала, 16 мая 1874 г. и состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ польскимъ агитаторомъ Компанскимъ [7]).

Джапаридзе, грузинъ, студентъ изъ партіи «лавровцевъ», въ Женевѣ [8]).

***Дмитріева**, Софья Петровна, дочь чиновника, надворнаго совѣтника, родилась въ Харьковѣ, позднѣе переѣхала съ родителями въ Темиръ-Ханъ-Шуру, воспитывалась въ

---

[1]) См. о ней выше, стр. 55, 66, 75 и 76; тоже Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи, Спб. 1880 г. стр. 240, и біографію Писаревой—матери, въ Русской Старинѣ, 1882 г.

[2]) См. о немъ же, выше, стр. 5 и 7, и ниже, 102. Швейцарск. агент. 1870, №№ 2 и 27; 1874, № 166.

[3]) Швейцарская агентура—1872, № 77.

[4]) Ibid.

[5]) Дѣло № 80, 1872 г., л. 149 обл.

[6]) Дѣло № 92, 1881 года, л. 57 и № 215, 1872 года, л. 167, по 3-й экспед.

[7]) Швейцарская агентура—1874, №№ 180, 183, 185 и 196.

[8]) Ibid. 1873, № 80.

пансіонѣ г-жи Филипсъ, гдѣ по окончаніи курса и сдачи экзамена въ университетѣ, была оставлена преподавательницей. Въ маѣ 1871-го года, она уѣхала въ Цюрихъ, гдѣ, въ 1872 году, вмѣстѣ съ эмигрантами – Эльпидинымъ и Озеровою, составила какъ-бы тріумвиратъ для вербованія русскихъ членовъ въ Интернаціоналъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1873-го года, ѣздила, вмѣстѣ съ эмигрантомъ Смирновымъ, въ Вѣну, для переговоровъ съ сербскими агитаторами, а въ 1873 году, послѣ вызова правительства, переѣхала въ Парижъ, гдѣ слушала лекціи медицинскаго факультета и получила докторскій дипломъ. Во Франціи, она тоже была въ близкихъ сношеніяхъ съ русскими анархистами и революціонерами, въ томъ числѣ и съ Лавровымъ, Софьею Гольдшмитъ, Карякиной и Луканиной; съ послѣдними она была арестована по подозрѣнію въ революціонныхъ происках Интернаціонала (см. Луканина Аделаида). Она же, во время пребыванія за границею, принимала, въ 1871-мъ году, участіе въ одномъ изъ соціально-демократическихъ конгрессовъ, происходившихъ въ Дрезденѣ [1]). Къ дѣлу пропаганды въ 1874—1877 гг. она привлекалась, но не была внесена въ число лицъ обвиняемыхъ. Въ 1878 году, получались неодобрительныя свѣдѣнія о ея жизни въ Петербургѣ. Въ слѣдующемъ году, ей было отказано держать повѣрочное испытаніе на степень доктора; тогда она вторично уѣхала въ Цюрихъ, гдѣ передала нигилисткѣ Крюковой свой паспортъ, сама же жила по другому. Въ томъ же году, она вторично ходатайствовала о разрѣшеніи повѣрочнаго испытанія, но безуспѣшно [2]).

Донецкій, Василій Федосѣевичъ, бывшій слушатель Петровской академіи, сынъ сельскаго священника; родился въ 1850-мъ году и первоначальное образованіе получилъ въ черкасскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ—въ воронежской семинаріи. Проживая въ 1871-мъ году въ Москвѣ, Донецкій посѣщалъ происходившія въ квартирѣ дворянина Валеріана Карпова собранія членовъ тайнаго общества «самообразованія и практической дѣятельности», при чемъ высказывалъ полное сочувствіе проводимымъ здѣсь антиправительственнымъ началамъ. Кромѣ того, онъ бывалъ на сходкахъ, устраиваемыхъ слушателями Петровской академіи: Пругавинымъ, Космовскимъ и нѣкоторыми другими, для обсужденія вопроса рабочаго класса, а также и средствъ для развитія въ народѣ

---

[1]) Дѣло № 50—1871 г. ч. I и II, по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 280—1877 г. л. 60—72, 3-й экспед. См. о ней же, ниже, стр. 129 и 142.

соціалистическихъ идей. Въ апрѣлѣ 1871 года, у Донецкаго произведенъ былъ обыскъ, при чемъ, однако, у него ничего предосудительнаго найдено не было. Затѣмъ онъ обязанъ былъ подпискою о невыѣздѣ изъ Москвы, но несмотря на это, ему удалось вскорѣ переѣхать въ Кіевъ, и проживать тамъ до января 1873 г. Впослѣдствіи, онъ выѣхалъ за границу, вопреки отказу со стороны правительства въ выдачѣ ему заграничнаго паспорта. Передъ отъѣздомъ изъ Россіи, Донецкій видѣлся часто съ извѣстными нигилистками, сестрами Александрою и Варварой Александровыми, и неоднократно говорилъ имъ о своемъ намѣреніи скрыться за границу, и притомъ съ какою-то особенною цѣлью. Побывавъ въ Вѣнѣ, Женевѣ, Лозаннѣ и Цюрихѣ [1]), Донецкій вернулся, въ ноябрѣ 1873-го года, въ Россію, но въ дорогѣ былъ арестованъ и подвергнутъ обыску, при которомъ у него, между прочимъ, были найдены: 211 экземпляровъ прокламацій «Къ русскимъ революціонерамъ», письмо, подписанное нѣкимъ Владиміровымъ (въ которомъ авторъ совѣтовалъ неизвѣстному лицу сойтись съ подателемъ онаго и заняться вмѣстѣ съ нимъ распространеніемъ революціонныхъ идей) фотографическія карточки нигилистокъ, Варвары Ваховской и Маріи Мачтетъ, съ которыми Донецкій познакомился въ Цюрихѣ, и заграничный паспортъ на имя дворянина Александра Осмоловскаго. Съ дороги, Донецкій былъ препровожденъ въ С.-Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Изъ показаній Донецкаго, между прочимъ обнаружилось, что онъ находился въ сношеніяхъ съ братьями Иваномъ и Владиміромъ Дебагорій-Мокріевичемъ. Преданный затѣмъ суду Правительствующаго Сената, Донецкій былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, на пять лѣтъ. Отбывъ опредѣленный срокъ въ ново-борисоглѣбской каторжной тюрьмѣ, онъ былъ предназначенъ къ отправкѣ въ Восточную Сибирь, но вслѣдствіе обнаружившагося умопомѣшательства, былъ помѣщенъ въ казанскую окружную лечебницу для душевно-больныхъ [2]).

***Донскова,** Фаустина Яковлевна, изъ гор. Уральска, дочь мѣстнаго протоіерея, род. въ 1857 году. Въ мартѣ 1872-го года, выѣхала изъ Петербурга въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи по медицинскому факультету и занималась

---

[1]) Швейцарская агентура—1874, № 170.

[2]) Дѣло № 65—1871 г., л. 87; № 153, 1872 г.; № 414, 1873 г., ч. 4-я, л. 202; № 494, 1873 г., по 3-й экспед.—См. о немъ тоже, выше, стр. 67.

разработкою народнической программы [1]). На вызовъ правительства, она не явилась.

Дризо, Саулъ, еврей, студентъ въ Цюрихѣ [2]).

Дубельтъ, студентъ въ Цюрихѣ, уроженецъ люблинской губерніи [3]).

Духовской, Михаилъ, бывшій студентъ московскаго университета, юридическаго факультета. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, пріѣхалъ въ 1872 году, въ Цюрихъ изъ Москвы, безъ паспорта. Былъ однимъ изъ основателей Славянскаго соціально-дѣмократическаго обществ [4]), и вообще игралъ довольно видную роль въ цюрихской эмиграціи [5]).

Евецкій, Ѳедоръ Орестовичъ, сынъ тайнаго совѣтника, бывшій студентъ с.-петербургскаго университета, проживалъ въ имѣніи матери своей (по второму мужу—Романовской), въ м. Судакъ, екатеринославской губерніи. Здѣсь, онъ, въ 1872-мъ году, приглашалъ въ имѣніе своей матери нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, поведеніе которыхъ вызвало необходимость учрежденія за ними наблюденія. Въ семействѣ Евецкихъ и Романовскихъ, былъ домашнимъ учителемъ привлекавшійся къ нечаевскому дѣлу, Викторъ Лунинъ, а въ школѣ, находившейся въ имѣніи Романовой, занималась обученіемъ, тоже прикосновенная къ нечаевскому дѣлу, мѣщанка Бѣляева [6]). Въ 1874 году, Евецкій былъ студентомъ въ Цюрихѣ [7]).

***Егорова**, Александра, дворянка; занималась сперва въ медико-хирургической академіи, у профессора Грубера, а затѣмъ, въ апрѣлѣ 1873 года, поступила въ цюрихскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ Россію, по вызову правительства, она не вернулась, и въ августѣ, 1873 г. переселилась въ Парижъ, гдѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ ходатайствовала [8]) о принятіи ея на медицинскій факультетъ (см. Гольдшмидтъ, Софья).

Жебунева, Зенеида, рожденная Глушкова, изъ Харькова, жена дворянина Николая Жебунева. Въ 1872 году, проживала вмѣстѣ съ мужемъ въ Цюрихѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ нимъ и его братьями, состояла членомъ кружка, стремившагося «путемъ поднятія уровня народнаго образованія

---

[1]) Показаніе Трудницкаго—въ процессѣ 193-хъ (дѣло № 144, 1874 г., ч. 7, л. 213.—О ней же, см. выше, стр. 52.

[2]) Швейцарская агентура—1874, №№ 158 и 177; 1873, № 133; 1870, № 15.

[3]) Ibid. 1872, № 76; 1874, №№ 177 и 200.

[4]) Ibid. 1872, №№ 38 и 53.

[5]) Дѣло № 84, 1872 г., л. 5, 10 и 11, по 3-й экспед.

[6]) Дѣло № 115, ч. 13—19, 1869 г., л. 223 и 224.

[7]) Швейцарская агентура—1874, №№ 158 и 163.

[8]) См. выше, стр. 89.

«и сельскаго хозяйства»,—измѣнить существующій въ Россіи экономическій строй; но по пріѣздѣ въ Россію, тѣ же лица присоединились къ одесскому кружку «анархистовъ», по программѣ Бакунина. Въ концѣ 1874 г., Жебунева, вмѣстѣ съ мужемъ, выѣхала за границу, гдѣ вновь вошла въ близкія сношенія съ революціонерами. Въ Парижѣ, въ 1878-мъ году, она намѣревалась устроить, вмѣстѣ съ Луканиной и Карякиной, вечеръ, сборъ съ котораго предназначался для *перепечатанія* прокламаціи, изданной по поводу убійства генералъ-адъютанта Мезенцова. Кромѣ того, у ней хранился протестъ Долгушина отъ имени государственныхъ преступниковъ, содержавшихся въ бѣлгородской тюрьмѣ, который предполагалось прочесть на предстоявшемъ съѣздѣ соціалистовъ въ Парижѣ, а также напечатать во французскихъ журналахъ, вмѣстѣ съ присланною ей изъ Румыніи брошюрою преступнаго содержанія, подъ заглавіемъ: «За живо погребенные». Въ сентябрѣ того же года, она была выслана, какъ членъ Интернаціонала, изъ предѣловъ Франціи [1]).

Жебуневъ, Владиміръ Александровичъ, изъ дворянъ Екатеринославской губерніи, сынъ штабсъ-ротмистра, родился въ 1848 году и воспитывался первоначально въ частномъ пансіонѣ Циммермана, въ Москвѣ, а затѣмъ во 2-й харьковской гимназіи, откуда вышелъ изъ седьмаго класса и поступилъ въ Петровскую академію, а потомъ былъ вольно-слушателемъ новороссійскаго университета. Женатъ на Маріи Блиновой. Братья, его—Николай и Сергѣй, двоюродный братъ Леонидъ, и жена брата Николая, тоже посвятили себя революціонной дѣятельности, а послѣдній даже сосланъ въ тобольскую губернію (см. это имя). Владиміръ Жебуневъ, вмѣстѣ съ двумя братьями своими, проживалъ, въ 1872 году, на дачѣ близъ Харькова, гдѣ у нихъ часто собиралась молодежь. Въ томъ же году, они выѣхали въ Цюрихъ, гдѣ братья Жебуневы сгруппировали около себя кружокъ русскихъ эмигрантовъ, поставившихъ себѣ задачей—достигнуть измѣненія существующаго въ Россіи экономическаго строя путемъ поднятія уровня народнаго образованія и развитія сельскаго хозяйства, получившій среди эмигрантовъ-революціонеровъ названіе—ордена «сенъ-жебунистовъ». Въ 1873 году, Владиміръ Жебуневъ вернулся изъ Цюриха въ

---

[1]) Обвинительный актъ по дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 гг. стр. 150 и слѣд.; дѣло 1874 года, № 144, ч. II, л. 308, и ч. III, л. 159; дѣло № 272, 1878 г. л. 37 по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 9—1873-го года, ч. I, л. 10; № 491—1873 года, л. 39; № 144—1874 года, ч. II, л. 219, 220, 221; ч. 17, т. II, л. 85, 86, 490; т. III, л. 48.

Россію и привлекался къ дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 гг., о чемъ будетъ сказано въ свое время [2]).

Жебуневъ, Леонидъ Николаевичъ, родился въ 1851 году, дворянинъ и помѣщикъ екатеринославской губерніи, бахмутскаго уѣзда. Начальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ родителей, а потомъ поступилъ въ Петровскую академію; имѣлъ двоюродныхъ братьевъ: Николая, Владиміра и Сергѣя Жебуневыхъ—дѣятелей соціально-революціонной партіи (см. эти имена). При производствѣ дознанія по нечаевскому дѣлу, у студента Малютина былъ произведенъ обыскъ, при чемъ обнаружено было, что Леонидъ Жебуневъ пріѣзжалъ въ Харьковъ, для сбора денегъ въ пользу исключенныхъ изъ с.-петербургскаго университета студентовъ. Въ 1872 году, находился онъ въ Цюрихѣ, гдѣ принадлежалъ къ ордену «сенъ-жебунистовъ», основанному Николаемъ Жебуневымъ (см. это имя). Въ 1873 году, вернувшись въ Россію, онъ поступилъ въ технологическій институтъ, откуда вышелъ черезъ годъ и поселился въ имѣніи матери, селѣ Маріинскомъ, бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Въ позднѣйшее время, привлекался къ дѣлу о пропагандѣ въ 1874—1877 годахъ, о чемъ будетъ сказано въ свое время [1]).

Жебуневъ, Николай Александровичъ, род. въ 1847 г., изъ дворянъ екатеринославской губерніи, сынъ умершаго отставнаго штабсъ-ротмистра, женатъ на Зенаидѣ Ивановой Глушковой, сестрѣ эмигранта Ивана Глушкова; помѣщикъ, имѣвшій, вмѣстѣ съ братьями, до 7.000 десятинъ земли, въ екатеринославскомъ и павлоградскомъ уѣздахъ [2]). Николай Жебуневъ, проживая съ братьями близъ Харькова, на дачѣ, собиралъ у себя много молодежи, вслѣдствіе чего за нимъ было учреждено негласное наблюденіе, еще до отъѣзда его въ Цюрихъ, въ 1872 году. Въ декабрѣ этого года, Николай Жебуневъ прислалъ своему брату Владиміру письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ ему весьма туманно, что знамя его—«формула прогресса». Проживая затѣмъ въ 1872-мъ году въ Цюрихѣ, братья Николай, Сергѣй и Владиміръ Жебуневы основали кружокъ, поставившій себѣ задачей достигнуть измѣненія существующаго въ Россіи экономическаго строя, путемъ поднятія уровня народнаго образованія и разви-

---

[1]) Дѣло № 9—1873 года, ч. I л, 10; № 144—1874 года, ч. II, л. 308; ч. III, л. 203, 205; ч. IV, л. 39; ч, VIII-я, л. 203.

[2]) Привлекавшихся къ дѣлу о преступной пропагандѣ, при чемъ Сергѣй сосланъ въ тобольскую губ., а Владиміръ, въ 1882-мъ году, въ Восточную Сибирь.

тія сельскаго хозяйства, получившій впослѣдствіи среди русскихъ эмигрантовъ—революціонеровъ, названіе ордена «сенъ-жебунистовъ»[1]). По пріѣздѣ въ Россію, братья Жебуневы измѣнили свои убѣжденія и примкнули къ одесскому революціонному кружку, преслѣдовавшему осуществленіе анархическихъ идеаловъ Бакунина, и поставившему себѣ задачей, вызвать путемъ распространенія соціально-революціонныхъ идей, народное возстаніе, которое должно было ниспровергнуть правительство и истребить духовенство, чиновниковъ и купечество. Лично, преступная дѣятельность Николая Жебунева состояла въ томъ, что онъ, устроивъ въ концѣ 1873 года, въ Одессѣ, кузницу, вмѣстѣ съ женою своею, распространялъ среди работавшихъ у него крестьянъ революціонныя идеи и книги преступнаго содержанія, а также посѣщалъ происходившія въ квартирѣ членовъ кружка, Макаревича и Франжоли, сходки, на которыхъ, между прочимъ, проводилась мысль о необходимости скорѣйшаго возстанія и вооруженнаго сопротивленія жандармамъ при арестахъ. Въ началѣ 1874-го года, онъ уже перевелъ свою кузницу въ с. Васильевку, въ 60-ти верстахъ отъ Одессы, и продолжалъ тамъ агитировать среди мѣстнаго населенія, но получивъ вскорѣ чрезъ одного изъ своихъ единомышленниковъ, Стенюшкина, извѣстіе о грозившемъ ему арестѣ, бѣжалъ съ женою за границу; вслѣдствіе чего, 10 февраля 1874 года, послѣдовало распоряженіе, бывшаго III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, о розысканіи и задержаніи Николая Жебунева. Позднѣе было обнаружено, что въ 1878-мъ году, онъ проживалъ въ г. Парижѣ, и за принадлежность къ интернаціональному обществу, въ сентябрѣ того же года, былъ высланъ изъ предѣловъ Франціи; дальнѣйшими же свѣдѣніями о немъ, почерпнутыми изъ источниковъ частной агентуры, было выяснено, что въ 1879-мъ году, онъ, подъ видомъ простаго рабочаго, проживалъ въ с. Лубянкѣ, павлоградскаго уѣзда, екатеринославской губерніи [2]).

Жебуневъ, Сергѣй Александровичъ, братъ предъидущаго, род. въ 1848-мъ году, воспитывался въ Москвѣ, въ пансіонѣ Циммермана, а затѣмъ перемѣщенъ былъ во 2-ю

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 101. Кружокъ этотъ оказывалъ особенно дурное вліяніе на студентокъ (ibid).

[2]) Дѣло № 9—1873 года, ч. I, л. 10; № 491—1873 г. л. 38; № 144—1874 года, ч. II, л. 308; ч. III, л. 100, 101; ч. V, 12, 13; ч. 16, т. II, л. 107. Письмо его къ брату Владиміру въ Одессу—въ Секретн. свѣд. 1872, № 381.—См. выше, выписку изъ него, стр. 36 и 62.

харьковскую гимназію, откуда, однако, скоро вышелъ, въ 1869 году, по собственному желанію, не окончивъ курса. Въ 1872 году, проживая близъ Харькова, Сергѣй Жебуневъ съ братьями обратили на себя вниманіе правительства устройствомъ у себя сходбищъ молодежи, чѣмъ и было вызвано учрежденіе за ними негласнаго наблюденія. Живя затѣмъ, въ 1872 и 1873-мъ годахъ, за границей, въ Цюрихѣ, Сергѣй Жебуневъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, сгруппировалъ около себя кружокъ русскихъ эмигрантовъ, поставившій себѣ задачей достигнуть измѣненія существующаго въ Россіи экономическаго строя путемъ поднятія уровня народнаго образованія и развитія сельскаго хозяйства, получившій среди эмигрантовъ революціоперовъ названіе ордена «сенъ-жебунистовъ». Въ 1873 году, онъ вернулся въ Россію. Въ позднѣйшее время, въ значительной степени привлекался къ дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 гг. и сосланъ въ тобольскую губернію, о чемъ будетъ сказано въ свое время [1]).

Жемановъ, Семенъ Яковлевичъ. Въ 1863-мъ году, состоялъ студентомъ казанскаго университета, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года, былъ арестованъ и привлеченъ къ дознанію по дѣлу о замышлявшемся возстаніи въ г. Казани, отправленъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Позднѣе, дѣло о немъ передано, по Высочайшему повелѣнію, для производства въ Особую Комиссію, учрежденную въ г. Казани, гдѣ въ декабрѣ, онъ былъ преданъ суду въ общемъ уголовномъ порядкѣ. По разсмотрѣніи о немъ дѣла, Государственный Совѣтъ, въ виду послѣдовавшаго, 17-го мая 1867-го года, Высочайшаго повелѣнія, по которому всѣ неоконченныя до того срока политическія дѣла подлежали прекращенію, 27-го іюня того же года, мнѣніемъ положилъ: повергнуть участь его, въ числѣ другихъ обвиняемыхъ, Монаршему милосердію, съ тѣмъ, чтобы, объявивъ ему опредѣленіе Правительствующаго Сената, которымъ онъ приговоренъ къ каторжной работѣ, освободить его отъ ареста и всякаго наказанія, съ отдачею подъ надзоръ полиціи. Опредѣленіе это не было приведено въ исполненіе, такъ какъ во время производства дѣла, онъ, въ ноябрѣ 1865 года, бѣжалъ изъ казанской тюрьмы за границу. Въ 1867 году, письмомъ изъ Женевы, онъ просилъ главнаго начальника 3-го Отдѣленія Собственной

---

1) Дѣло № 9—1873 г. ч. I л. 10; №491—1873 г. л. 32; № 144—1874 года, ч. II, л. 220, 221, 5, 19, 307, 309; ч. III. л. 113—115; ч. 140, л. 49; ч. 17, т. I, л. 320 и 430.

Его Императорскаго Величества Канцеляріи ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о разрѣшеніи ему возвратиться на родину, но просьба эта признана преждевременною и оставлена была безъ послѣдствій. Въ Швейцаріи, Женевѣ и Цюрихѣ, онъ участвовалъ въ общей дѣятельности эмиграціи, былъ въ засѣданіи русскихъ эмигрантовъ 7-го мая 1870 года [1]), помогалъ своими средствами Нечаеву, лѣтомъ 1871 года [2]), вербовалъ пріѣзжихъ русскихъ въ лагерь соціалистовъ [3]), написалъ поэму «Стенька-Разинъ» [4]), былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Утинымъ [5]), обѣщалъ 2.000 рублей за убійство русскихъ агентовъ [6]), и пр. Позднѣе, онъ прибылъ (въ ноябрѣ 1880 года) въ Парижъ, и въ 1881 году, проживалъ тамъ, работая въ типографіи Поля Дюпона, подъ именемъ Эллинова, участвуя также лично въ органѣ Рошфора «L'Intransigeant». Кромѣ того, были получены свѣдѣнія, что въ означенное время, Жемановъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными представителями русской соціально-революціонной эмиграціи и принималъ участіе въ изготовленіи возмутительныхъ прокламацій, предназначавшихся къ отправленію въ Россію [7]).

Жуковскій, Брониславъ, бывшій студентъ кіевскаго университета, украинофилъ, хотѣвшій издавать, въ 1873 году, въ Швейцаріи малороссійскую революціонную газету [8]).

Жуковскій, Николай Васильевичъ, дворянинъ оренбургской губерніи, губернскій секретарь, братъ присяжнаго повѣреннаго. Воспитывался въ московскомъ университетѣ, потомъ (1857) состоялъ на службѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, при князѣ М. А. Оболенскомъ, исполняя его порученія по архиву, въ качествѣ секретаря. Въ 1862 году, былъ привлеченъ (вмѣстѣ съ двумя братьями—Владиміромъ, судебнымъ слѣдователемъ г. Уфы, и Василіемъ—не служащимъ дворяниномъ) къ дознанію о печатаніи возмути-

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 27.

[2]) Ibid. 1871, № 57.

[3]) Ibid. № 1872, № 70.

[4]) Ibid. 1873, № 139.

[5]) Ibid. 1873, № 152.

[6]) Ibid. 1874, № 197. Тоже 1873, №№ 147, 128, 120; 1874, № 195.

[7]) Дѣло № 28 ч. 85—1863 года; № 276—1880 года, стр. 234; № 73—1881 г. стр. 4 и 5; Слѣдств. Комм. № 94.—См. тоже о немъ выше, стр. 7 и 37.

[8]) Швейцарская агентура—1873, № 126; См. тоже о немъ, ниже, стр. 142.

тельныхъ сочиненій студентомъ Баллодомъ, но во время производства слѣдствія, скрылся за границу. Въ № 144-мъ «Колокола» за 1862 годъ, помѣстилъ онъ объявленіе о своемъ бѣгствѣ изъ Россіи. Живя въ Женевѣ, принималъ участіе въ изданіи газеты «Работникъ». Въ 1874-мъ году былъ вызываемъ правительствомъ въ Россію, но на вызовъ не явился, вслѣдствіи чего, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, за ослушаніе противъ правительства, состоявшее въ невозвращеніи изъ за границы, несмотря на сдѣланный ему лично вызовъ, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ изгнанію навсегда изъ предѣловъ государства [1]). Въ Швейцаріи, Жуковскій дѣятельно участвовалъ во всѣхъ затѣяхъ эмигрантовъ. Въ 1870-мъ году, состоялъ секретаремъ при эмигранткѣ и нигилисткѣ княжнѣ Зоѣ Оболенской [2]); 7-го мая 1870 года, онъ участвовалъ въ Женевѣ, въ собраніи эмигрантовъ, состоявшемся по приглашенію 12-ти цюрихскихъ студентовъ, для составленія протеста швейцарскому правительству, въ томъ смыслѣ, что политическіе преступники не подлежатъ выдачѣ, и что русское правительство, въ свою пользу, можетъ только клевстать на эмигрантовъ, не имѣя на то доказательствъ. На сходкѣ присутствовали, кромѣ Жуковскаго съ женой, бывшая жена Огарева, Озеровъ, Эльпидинъ, Гулевичъ, Мечниковъ, Огаревъ, Лопатинъ, эмигрантъ Романовъ (изъ Казани), Семенъ Серебренниковъ, эмигрантъ Жемановъ (бывшій студентъ казанскаго университета) и Нечаевъ. Въ петиціи указано, для примѣра, преслѣдованіе Нечаева, какъ уголовнаго преступника, и заявлено, что если онъ и будетъ схваченъ въ Швейцаріи, то чтобъ его судили на мѣстѣ, а никакъ не отдавали бы въ руки русскаго правительства. Сношенія Жуковскаго съ Нечаевымъ и Бакунинымъ были весьма близки; въ апрѣлѣ 1870-го года, они даже проживали вмѣстѣ [3]), въ Женевѣ. Въ 1871-мъ году, 8-го декабря, Жуковскій участвовалъ въ общемъ засѣданіи цюрихскаго Славянскаго отдѣла Интернаціонала и сообщилъ, присутствующимъ, будто въ гор. Одессѣ, Калугѣ и Житомірѣ, образовались уже русскіе отдѣлы Интернаціонала [4]).

---

[1]) Дѣла № 230, ч. 176, 1862 г., по 1-й экспед. и Слѣдств. Комм. №№ 16, 39 и 74.—См. тоже выше, стр. 68.

[2]) Швейцарская агентура—1870, №№ 23, 31, 33, 37; 1871, №№ 53, 79; 1872, №№ 41, 78.—См. тоже ниже, стр. 127.

[3]) Швейцарская агентура—1870, № 23; въ Женевѣ, въ rue de Carouge, 17.—См. тоже выше, стр. 5 и 7.

[4]) Ibid. 1871 № 104.

Въ ноябрѣ 1871-го года, Жуковскій удостоился быть представителемъ французскихъ и иностранныхъ эмигрантовъ на конгрессѣ Юрской секціи, въ гор. Сонвилье (Sonvillier, въ Jura Bernois [1]). Въ годовщину смерти парижскаго коммунара Домбровскаго, 2 іюня 1872 года, Жуковскій (вмѣстѣ съ Ралли, Нечаевымъ, Смирновымъ и Лавровою) говорилъ восторженную рѣчь на поминальномъ торжествѣ, среди поляковъ. Въ 1873-мъ году, онъ вошелъ въ составъ комитета бакунинскаго Интернаціонала [2]), и затѣмъ переѣхалъ въ Лозанну [3]), вмѣстѣ съ женою, которая, въ іюнѣ 1871-го года, ѣздила въ Россію [4]). Въ сентябрѣ 1873 года, у него въ Женевѣ останавливался таинственный московскій делегатъ (подъ псевдонимомъ—Соколовскій), прибывшій на большой конгрессъ Интернаціонала въ Женеву [5]). Нѣкоторыя свѣдѣнія о его заграничныхъ похожденіяхъ въ эмиграціи переданы эмигрантомъ Евгеніемъ Гижицкимъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1873 г. № 12 и 13.

*Завадская, Евгенія Флоріановна, позднѣе въ замужствѣ—Франжоли, родилась въ 1852-мъ году, въ Воронежѣ, дочь помѣщика валдайскаго уѣзда. Воспитывалась въ воронежской женской гимназіи, откуда вышла съ золотою медалью; затѣмъ, переселясь въ Петербургъ, вмѣстѣ съ сестрою Валентиною, она проживала на студенческихъ квартирахъ. Пріѣхала въ Цюрихъ въ 1872 году, и оставила его вслѣдствіе вызова правительства. Въ 1873 году, посвятила себя агитаторской дѣятельности и «хожденію въ народъ». Въ имѣніи Субботиныхъ, селѣ Бѣломѣстномъ, ново-оскольскаго уѣзда (курской губерніи), она приняла должность сельской учительницы, а затѣмъ скрылась, но задержана была на станціи Прохоровкѣ, курско-харьковской желѣзной дороги. Преданная суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, она, однако, была оправдана, по причинѣ неполноты юридическихъ доказательствъ. Позднѣе, оказалась прикосновенною къ дѣлу итальянской подданной Кафьяро, рожденной Кутузовой, пріѣзжавшей въ 1877 году, въ качествѣ эмиссара Интернаціонала, а также обличена была въ сборѣ денегъ на памятникъ Бакунину. Вслѣдствіе сего, она

---

[1]) Швейцарская агентура—1871, № 94, и газета: La Révolution Sociale, 1871, № 4, du 16 novembre.

[2]) Ibid. 1873, № 119.

[3]) Ibid. 1873, № 128.

[4]) Ibid. 1871, № 55.

[5]) Ibid. 1873, № 125.—См. тоже выше, стр. 4, 7 и 55.

была выслана въ гор. Сольвычегодскъ, гдѣ вступила въ бракъ съ политическимъ ссыльнымъ Франжоли, но и здѣсь не прекращала сношеній съ политическими преступниками. Въ февралѣ 1879 года, она, вмѣстѣ съ мужемъ, бѣжала изъ Сольвычегодска за границу, и лѣтомъ 1883 года, лишила себя жизни въ Женевѣ [1]).

Завадскій, бывшій студентъ медико-хирургической академіи, а впослѣдствіи—студентъ въ Цюрихѣ; здѣсь онъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Нечаеву [2]).

Зайцевъ. По свѣдѣніямъ агентурнымъ, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ организованнаго въ Цюрихѣ, въ 1872-мъ году, Славянскаго демократическаго обществв, цѣль котораго заключалась въ радикальномъ измѣненіи существующаго въ Россіи экономическаго и политическаго строя [3]). Въ 1872 году, онъ участвовалъ въ сходкахъ [4]) въ Женевѣ (на Traversière) и почитался энергическимъ пропагандистомъ [5]). Переѣхавъ въ Лондонъ, въ 1874 году, онъ уговаривалъ поляковъ не пользоваться милостями, даруемыми амнистіею 1874 года [6]).

Зелинскій, цюрихскій студентъ, кавказскій уроженецъ. [7]) Въ 1873 году, переѣхалъ въ Парижъ.

***Земянская**, Богумила, изъ Тифлиса. Въ 1872 году, въ Цюрихѣ, участвовала въ особомъ грузино-армянскомъ кружкѣ «Ярмо» (см. Гурамова) [8]). Послѣ вызова правительства, она переѣхала въ Женеву.

***Иванова**, Александра Ивановна, изъ Петербурга, дочь красноярскаго второй гильдіи купца, выѣхала въ Швейцарію въ апрѣлѣ 1872-го года. Вернулась въ сентябрѣ 1873-го года, по вызову правительства, хотя продолжала значиться въ университетскихъ спискахъ [9]).

***Идельсонъ**, Розалія Хаймовна, еврейка изъ Петербурга, рожденная Якершбергъ, домашняя учительница; пріѣхавъ въ Цюрихъ, стала вскорѣ играть видную роль въ

---

[1]) Дѣла—№ 215—1872 года, ч. 1, л. 38 и 132; № 144, т. I, ч. 2, 1874 года. л. 311; ч. 3, л. 406—407; ч. 8, л. 478 об. и 717; томъ II, л. 17, 82 и 86; ч. 339, л. 36 и 37.—Обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ, стр. 170—172; дѣло № 283, 1880 года, л. 64 и 67, и № 837 (197) С. О. л. 38.

[2]) Швейцарская агентура—1872, № 53.

[3]) Дѣло № 80—1872-го года, л. 9; см. тоже о немъ выше, стр. 66 и 83.

[4]) Швейцарская агентура—1872, № 15.

[5]) Ibid. 1872, № 30. См. тоже ниже, стр. 128.

[6]) Ibid. 1874, № 185. Еще о немъ—ibid. 1874, № 187; 1873, № 151; 1872, №№ 52, 64, 44, 40, 74 и 78, 29 и 20.

[7]) Ibid. 1873, №№ 99, 104, 118, 95.

[8]) Дѣло № 215—1872 г. л. 80 и 157, по 3-й эксп.

[9]) См. о ней же выше, стр. 52.

студенческой коммунѣ. Была въ связи съ дѣятельнымъ эмигрантомъ Смирновымъ, котораго укрывала у родныхъ своихъ и знакомыхъ въ Москвѣ, во время его тайнаго пріѣзда въ Россію, лѣтомъ 1873 года. Была тоже въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Ольгою Любатовичъ (съ которою жила вмѣстѣ въ Цюрихѣ) и Лавровымъ, порученія котораго исполняла, даже должна была сотрудничать въ основанномъ имъ журналѣ. Чрезъ ея же посредство, пересылались деньги русскимъ эмигрантамъ. Послѣ выѣзда Лаврова въ Парижъ, Идельсонъ переѣхала туда же съ Смирновымъ, и ѣздила въ Лондонъ, по дѣламъ Лаврова, а также помогала деньгами для изданія журнала «Впередъ», владѣя капиталомъ—до 30.000 руб. Въ 1879 году, она окончила курсъ медицинскихъ наукъ въ бернскомъ университетѣ, и вернувшись въ Петербургъ, продолжала служить посредницею въ сношеніяхъ дѣятелей революціонной партіи; она же пересылала деньги Вѣрѣ Засуличъ, въ Винтертуръ, близь Цюриха, на имя баронессы Шталь. Дважды обращалась она съ ходатайствомъ разрѣшить ей выдержать испытаніе на степень доктора, но въ этомъ ей было отказано какъ б. Третьимъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, такъ и департаментомъ полиціи [1]).

***Ильина**, Юлія Константиновна, рожд. Кольченко (см. это имя), изъ Екатеринославля, супруга студента, бывшаго, вмѣстѣ съ нею, въ Цюрихѣ. Въ 1872-мъ году, получила въ медико-хирургической академіи званіе акушерки, потомъ выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Въ бытность свою въ Швейцаріи, состояла членомъ «Славянскаго соціально-демократическаго общества» [2]). Пробывъ нѣкоторое время въ Бернѣ, вернулась въ Петербургъ, гдѣ ходатайствовала, въ октябрѣ 1877 года, о поступленіи на женскіе курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, а позднѣе—на акушерскіе курсы въ академіи, на что, однако не послѣдовало разрѣшенія, въ виду крайне неодобрительнаго ея поведенія въ бытность ея въ Швейцаріи.

***Исаева**, Любовь Егоровна, изъ Томска, дочь первой гильдіи купца (бывшаго крѣпостнымъ крестьяниномъ и главнымъ прикащикомъ у откупщика Базилевскаго) и Авдотьи Петровны, рожденной Коноваловой; родилась въ 1850 году. Выѣхала, въ апрѣлѣ 1872 года, въ Цюрихъ,

---

[1]) Дѣла: № 144 ч. 1—1874 года, л. 213; № 1314—1881 года, л. 76; № 493—1878 г. л. 33—38; № 80—1872 г. л. 55; № 215—1872 г. ч. II, л. 79 и 83; № 228—1873 г. л. 38.—См. о ней тоже выше, стр. 61, 63, 74, 77, 78, 93, и ниже, стр. 120 и 149.

[2]) См. выше, стр. 53.

вмѣстѣ съ вдовою умершаго врача, Крыловскаго, гдѣ она поступила на медицинскій факультетъ [1]).

Кадагидзе, Давидъ, изъ Тифлиса, студентъ въ Цюрихѣ, въ 1873 году [2]).

***Каминская**, Берта (Бетти) Авраамовна, еврейка, изъ Мелитополя, дочь небогатаго александровскаго купца, Авраама Каминскаго; родилась въ 1853 году, воспитывалась въ домѣ родителей, и уѣхала, съ ихъ согласія, въ 1871 году, въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ, а потомъ провела еще годъ въ бернскомъ университетѣ [3]). Была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ольгою и Вѣрою Любатовичъ, Владыкиной и самыми радикальными эмигрантами. Въ 1874-мъ году, вернулась въ Россію и желала поступить на курсы при медико-хирургической академіи, что ей, однако, не удалось. Привлекалась вмѣстѣ съ Бардиной, въ серьезной степени, къ дѣлу о пропагандѣ въ четырехъ губерніяхъ (дѣло о 50-ти), содержалась подъ стражею, потомъ была переведена въ больницу московскаго тюремнаго замка (гдѣ находилась на испытаніи, по случаю оказавшагося психическаго разстройства); наконецъ, отдана была на поруки отца, отъ котораго скрылась, чтобы начать новую пропаганду въ ярославской губерніи. Затѣмъ, она выѣхала за границу, проживала въ Монтрё, въ Швейцаріи и умерла весною 1877 г.

***Карякина**, студентка въ Цюрихѣ, старавшаяся, впослѣдствіи, перейти въ парижской университетъ [4]), вмѣстѣ съ Луканиною и друг. (см. Жебунева, Зенеида.)

Касаткинъ, Викторъ, родился въ 1831-мъ году, эмигрантъ, былъ женатъ на дочери московскаго купца Елисаветѣ Шиловой, сотрудникъ Герцена въ Лондонѣ, человѣкъ съ денежными средствами, переѣхавшій потомъ съ нимъ вмѣстѣ въ Швейцарію. Жена его горячо содѣйствовала ему въ его дѣятельности, и оставалась въ Женевѣ [5]) послѣ его смерти. Въ мартѣ 1870 года, онъ устраивалъ сходку въ Café Helvétique, въ Женевѣ, вмѣстѣ съ Трусовымъ [6]). Подробныя свѣдѣнія о немъ и характеристика, въ статьѣ Гиляцкаго, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1873, № 12, 13 и 14. Онъ умеръ въ 1871-мъ году въ Женевѣ [7]), а вдова

[1]) См. выше, стр. 52.

[2]) Швейцарская агентура—1874, №№ 113 и 177.

[3]) См. о ней выше, стр. 38 и 87.

[4]) См. тоже о ней выше, стр. 89, 94, 97, и ниже, 120.

[5]) Швейцарская агентура—1870, №№ 3, 7, 11, 29; 1871, № 79, 97; 1872, № 3 и 65; вербовала въ Цюрихѣ соціалистовъ (ibid. 1872, № 65).

[6]) Ibid. 1870, № 19. См. о немъ же выше, стр. 1 и 5.

[7]) Ibid. 1873, № 83.

его вышла за мужъ за предсѣдателя какого-то демократическаго общества, Марселя [1]).

Кашкадамовъ, эмигрантъ (вмѣстѣ съ женою) въ Женевѣ, бывшій пріятелемъ и пособникомъ Бакунина [2]).

***Кернеръ**, Любовь Григорьевна, дочь бѣднаго кишеневскаго еврея, мѣщанина Гершки Кернера, родилась въ 1853 году; воспитывалась въ симферопольской гимназіи, откуда вышла съ золотою медалью. Уѣхала затѣмъ въ Петербургъ со студентомъ Шоромъ, а оттуда, въ 1872-мъ году, въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ; послѣ же вызова правительства, перешла въ Бернъ, гдѣ получила степень доктора медицины и защитила диссертацію. Въ февралѣ 1877 года, ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право частной практики, что̀ и было ей разрѣшено [3]).

***Клейманъ**, Анна Лазаревна, еврейка, изъ Одессы, дочь купца, сестра Каролины Гольденбергъ (см. выше), воспитывалась въ одесской женской гимназіи. Вмѣстѣ съ двоюродными сестрами своими, Розаліею и Теолиндой Симановичъ, весною 1872-го года, выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ, выдержала докторскій экзаменъ и защитила диссертацію, въ январѣ 1874 года.

***Клейманъ**, Розалія, еврейка, сестра предыдущей, а также Каролины Гольденбергъ (см. выше), изъ Одессы, дѣвица, воспитывалась въ одесской женской гимназіи. Въ 1872 году, выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ, получая матеріальныя вспомоществованія отъ Пружанской, съ которою была въ близкихъ отношеніяхъ (см. это имя) [4]).

***Коваликъ**, Варвара Филипповна, изъ Малороссіи, сестра государственнаго преступника Сергѣя Коваликъ; одновременно съ Стамо, держала вступительный экзаменъ въ цюрихскій университетъ, осенью 1873 года, гдѣ посѣщалъ её братъ. Сестра же ея, Марья, привлеченная къ нѣсколькимъ политическимъ дѣламъ конца 1870-хъ годовъ, носила псевдонимъ Ольги Витаньевой и судилась подъ этимъ именемъ [5]).

***Колодѣева**, Екатерина, дѣвица, изъ Москвы, дочь помощника начальника 29-й пѣхотной дивизіи, генералъ-

---

[1]) Ibid. 1871, № 79.—О немъ же—ibid. 1872, №№ 74 и 78; 1874, № 190; 1871, № 84.

[2]) Швейцарская агентура—1870, №№ 29 и 30.

[3]) См. о ней выше, стр. 54.

[4]) Дѣло № 215—1872 г. л. 200, по 3 эксцед.

[5]) Дѣло № 795—1873 г. л. 68, 71 и 205.

маіора Хрисанфа Ивановича Колодѣева (изобрѣтателя «военной игры» для нижнихъ чиновъ). Воспитывалась въ могилевской женской гимназіи и намѣревалась слушать курсы въ московскомъ университетѣ; позднѣе, жила въ Алжирѣ. Испорчена была съ дѣтства ложнымъ воспитаніемъ, даннымъ ей отцомъ, уговорившимъ её отправиться въ Цюрихъ, для изученія медицины. Вернувшись въ 1873 году, въ Россію, она, по ходатайству главнаго военно-медицинскаго инспектора, съ разрѣшенія шефа жандармовъ, принята на второй классъ курса для образованія ученыхъ акушерокъ, при медико-хирургической академіи.

Колосовъ, эмигрантъ, переѣхавшій, въ 1871 году, въ Бельгію [1]).

***Кольченко**, Леонида, сестра Ильиной Юліи (см. это имя), дочь титулярнаго совѣтника, изъ Полтавы, дѣвица. Въ 1867-мъ году, кончила курсъ въ полтавской женской гимназіи, затѣмъ держала экзаменъ на званіе домашней учительницы. Вернулась въ Россію, по вызову правительства, въ сентябрѣ 1873 года, и поселилась въ полтавской губерніи и уѣздѣ, у своей матери (во второмъ бракѣ Потапенко), гдѣ открыла, въ январѣ 1874 г., школу въ с. Елисаветинѣ, въ которой сама была преподавательницею; но она была закрыта 5-го февраля, и ей вообще воспрещена педагогическая дѣятельность. На выборахъ, бывшихъ въ январѣ 1873-го года, въ цюрихской коммунѣ, на неё выпалъ жребій для активной дѣятельности въ Россіи. Она принадлежала къ партіи «лавровцевъ». Помогала кружку денежными средствами и послѣ возвращенія въ Россію. Въ Цюрихѣ, она посѣщала лекціи философскаго факультета [2]).

***Константиновичъ**, Софья Александровна, изъ Чернигова, съ 1875-го года, въ замужествѣ за дворяниномъ Николаемъ Максимовскимъ; родилась въ 1852-мъ году. Оставила Цюрихъ по вызову правительства и слушала акушерскіе курсы въ Вѣнѣ. Вернувшись въ Россію, принимала участіе въ дѣлѣ пропаганды 1874—1877 гг. Содѣйствовала революціонной демонстраціи на Торговой площади, при объявленіи, въ Петербургѣ, судебнаго приговора государственному преступнику Плотникову, вслѣдствіе чего была выслана въ костромскую губернію, откуда, за предосудительную переписку, переведена была въ г. Орловъ, вятской губерніи, а затѣмъ—въ г. Моги-

---

[1]) Швейцарская агентура—1871, №№ 14, 53 и 55.

[2]) См. о ней тоже, выше, стр. 52.

левъ, послѣ чего, въ мартѣ 1877 года, освобождена, вмѣстѣ съ мужемъ, отъ надзора [1]).

Коробовъ, эмигрантъ, открывшій, подъ фамиліею Звѣздакова, магазинъ русскихъ товаровъ, въ 1872 году, въ Женевѣ, въ которомъ сходились всѣ эмигранты, и гдѣ особенно часто любилъ засѣдать Огаревъ; но въ іюнѣ 1874 года, онъ продалъ его и переѣхалъ въ Парижъ. За послѣдніе годы, издавалъ въ Женевѣ брошюры и книги религіозно-мистическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ революціоннаго содержанія [2]).

Котовъ, Кузьма Ермолаевичъ, родился въ 1854 году, мѣщанинъ, купеческій сынъ, уроженецъ г. Екатеринослава, земельный собственникъ той же губерніи, воспитывался въ екатеринославской классической гимназіи на счетъ родителей, откуда вышелъ изъ VI-го класса. Въ 1872—1873 годахъ, былъ въ цюрихскомъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ. Возвратился въ Россію изъ Цюриха послѣ вызова правительствомъ студентокъ, и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ екатеринославскимъ губернаторомъ, оказалось что Котовъ—личность весьма подозрительная, тѣмъ болѣе, что будучи человѣкомъ состоятельнымъ и достаточно развитымъ, вращался преимущественно въ обществѣ крестьянъ, пилъ съ ними водку въ шинкахъ и велъ постоянныя бесѣды съ ними у себя на дому, внушая не соблюдать постовъ и не почитать святыхъ иконъ, потому что онѣ, не болѣе какъ роспись-санныя доски, и даже самъ сжегъ икону, которую мать Котова поставила на пчельникъ. Независимо того, Котовъ доказывалъ крестьянамъ возможность обходиться «безъ Царя, поповъ и властей», предлагалъ крестьянамъ брать его землю безъ платы, но съ тѣмъ, чтобы они потребовали того же и отъ прочихъ землевладѣльцевъ; вообще Котовъ, какъ человѣкъ ловкій и осторожный, велъ глухую пропаганду, неуловимую и не поддающуюся осязательнымъ доказательствамъ. Такъ какъ возбужденное противъ него преслѣдованіе,за неимѣніемъ юридическихъ данныхъ, признано возможнымъ разрѣшить административнымъ порядкомъ, то онъ, по распоряженію одесскаго временнаго генералъ-губернатора, въ сентябрѣ 1879-го года,былъ высланъ изъ екатеринославской губер-

---

[1]) Дѣло № 144—1874-го года, ч. III, л. 8; дѣло № 181—1875-го года по 3-й экспед.; дѣло № 11—1875 года, по 1-й экспед.

[2]) Швейцарская агентура—1872, №№ 33, 37, 41, 43, 74 и 78; 1873 г. №№ 104, 120, 147; 1874, №№ 183, 184 и 189.—См. о немъ же, выше, стр. 56.

нiи, въ г. Шенкурскъ, архангельской губернiи, срокомъ на два года [1]).

Крапоткинъ, князь Александръ Алексѣевичъ, родился въ 1841-мъ году; дворянинъ московской губ. [2]), женатъ на Лавровой. Начальное образованiе получилъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, по выходѣ откуда, поступилъ въ военно-юридическую академiю; здѣсь окончилъ курсъ, перешелъ въ статскую службу, служилъ въ телеграфномъ департаментѣ, отставной титулярный совѣтникъ. Въ 1872—1873 годахъ, былъ въ Цюрихѣ. Преступная его дѣятельность была обнаружена задержаннымъ въ Петербургѣ письмомъ, отправленнымъ въ Лондонъ и предназначеннымъ Лаврову. Дознанiе было прекращено производствомъ, и Крапоткинъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ, въ енисейскую губернiю. О послѣдующей судьбѣ его будетъ сказано въ свое время [3]).

***Крапоткина**, княгиня Вѣра, сестра Софьи Лавровой (см. это имя), жена предыдущаго. Въ 1871-мъ году, у ней былъ произведенъ обыскъ. Въ Цюрихѣ, она посѣщала лекцiи философскаго факультета [4]).

***Криволуцкая**, Любовь, дѣвица изъ Тамбова. Вернувшись изъ Цюриха, она принимала участiе въ дѣлѣ пропаганды 1874—1877-го года и потомъ розыскивалась [5]).

Криль, студентъ изъ Москвы; былъ женатъ на сестрѣ Петра Ткачева [6]).

***Крюкова**, цюрихская студентка, пріѣхавшая изъ Петербурга [7]), сотрудница Александрова, авторъ нѣсколькихъ революцiонныхъ брошюръ.

Кузьминъ, студентъ въ Цюрихѣ; помогалъ иногда денежными средствами эмигранту Александрову [8]).

***Кучнеръ**, Любовь, еврейка изъ Симферополя, цюрихская студентка.

---

[1]) Отчетъ Одесскаго Времени. Ген. Губ. 1879 г.; дѣло № 321—1879 года, л. 60 об., 10 об. и 139, и вѣдомость; см. о немъ же, ниже, стр. 116.

[2]) Отецъ его владѣлъ имѣнiями въ калужской губ, мещовскаго уѣзда, село Николаевское, д. Досова, Каменка и село Петровское.

[3]) Дѣло № 144, 1874-го года ч. 52, лл. 2, 5, 7, 32, 70, 33—38, 117, 154. См. о немъ тоже выше, стр. 50 и 92, и ниже, стр. 133.

[4]) Дѣло № 143, 1871 г. и № 215, 1872 года, по 3-й экспед.

[5]) Дѣло № 215, 1872-го года, л. 80, и показанiе Трудницкаго, въ процессѣ 193-хъ (дѣло № 144, ч. 3, 1874 г. л. 480, по 3-й экспед.).

[6]) Швейцарская агентура—1873, № 13; Секретныя свѣд. 1872, № 137. См. о немъ же, выше, стр. 21.

[7]) Дѣло № 215—1872 г., л. 81, по 3-й экспед. См. о ней выше, стр. 75 и 94.

[8]) Секретн. свѣд. 1873, № 357; Швейцарская агентура—1873, №№ 124 и 152. См. о немъ же, выше, стр. 75.

***Лаврова**, Софья Севастьяновна (иногда Николаевна), побочная дочь графа Муравьева-Амурскаго, жена отставнаго подполковника Николая Степановича Лаврова, жила отдѣльно отъ мужа, имѣла дочь Марью Николаевну, въ замужствѣ Слѣпцову. Сестры ея, Вѣра —за мужемъ за княземъ А. А. Крапоткинымъ (см. это имя), а вторая, Людмила,—за присяжнымъ повѣреннымъ Павлиновымъ; состояла въ родствѣ съ пропагандистомъ Чайковскимъ, жившимъ одно время у Павлиновой (у ней же проживала и изучала акушерское искуство Лаврова); затѣмъ, она въ іюнѣ 1870-го года, выбыла за границу въ Цюрихъ, гдѣ останавливалась у Крапоткиныхъ [1]). Въ Швейцаріи, она тотчасъ стала членомъ Интернаціонала—«болѣе ярымъ чѣмъ самъ Марксъ», состояла въ большомъ почетѣ у Утина, и собирала пожертвованія въ пользу бѣжавшихъ изъ Франціи коммунаровъ; но къ сентябрю мѣсяцу, она вернулась въ Петербургъ. Тогда же получено было свѣденіе, будто она снабжена паспортомъ Интернаціонала, за подписью Бакунина, а также имѣлись свѣдѣнія о крайне предосудительномъ участіи ея за границею въ дѣятельности эмиграціи и о принадлежности къ кружку бакунинцевъ. 2 іюня 1872-го года, она говорила восторженную рѣчь при поминальномъ торжествѣ въ годовщину смерти коммунара Брониславa Домбровскаго [2]); собирала деньги въ пользу эмиссара Леневскаго, посылавшагося Мѣрославскимъ въ Царство Польское, и прежде отправленія пріѣхавшаго въ Цюрихъ [3]); рекомендовала князя Петра Крапоткина, съ которымъ вступила въ Швейцаріи въ любовную связь, въ члены Славянской секціи Интернаціонала, [4]) и пр. По возвращеніи въ Россію, она содѣйствовала къ побѣгу князя П. А. Крапоткина, изъ арестанскаго отдѣленія Николаевскаго военнаго госпиталя, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1876 года, и тогда же, вмѣстѣ съ нимъ, одновременно скрылась. Въ октябрѣ 1876 г. проживала въ Царицынѣ, подъ фамиліей Павловой, въ званіи земской повивальной бабки, а впослѣдствіи фельдшерицы, въ ольховской сельской больницѣ. Въ сентябрѣ 1877-го года, состояла сестрою милосердія въ Николаевѣ. Въ 1878-мъ году, 15-го октября, она была задержана и взята подъ стражу, а 27 февраля 1879-го года, заключена въ Петропавловскую крѣпость; затѣмъ обвинялась по дѣлу 27-ми, въ содѣйствіи къ побѣгу князя Крапоткина. По всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, предположено

---

[1]) Секрети. свѣд. 1873, № 112.
[2]) Швейцарская—агентура 1872, № 36.
[3]) Ibid. 1873, № 81.
[4]) Ibid. 1872, № 22.

было рѣшить дѣло административнымъ порядкомъ и выслать ее въ Восточную Сибирь, но 15 апрѣля 1880-го года, по распоряженію Верховной Коммисіи, дѣло о ней было прекращено и она освобождена изъ подъ ареста; ей вмѣнено было въ наказаніе—содержаніе въ крѣпости, и она выслана въ вятскую губ. въ г. Уржумъ, съ воспрещеніемъ отлучки въ теченіи пяти лѣтъ, а въ сентябрѣ 1882-го г., она переведена въ г. Нолинскъ [1]).

***Лазебникова**, Любовь, изъ Ставрополя. Посѣщала въ Цюрихѣ лекціи философскаго факультета [2]).

Лакіеръ, Петръ, студентъ с.-петербургскаго университета, а потомъ—цюрихскаго, человѣкъ со средствами, помогавшій коммунѣ Александрова, послѣ выѣзда студентокъ изъ Цюриха [3]).

***Ландсбергъ**, Анастасія, изъ Кишинева, дѣвица. Прибывъ въ Цюрихъ, поступила въ кружокъ крайнихъ радикаловъ студенческой коммуны и состояла членомъ «Славянскаго соціально-демократическаго общества».

***Лащенова**, Евдокія, изъ гор. Уральска, дочь эсаула уральскаго казачьяго войска, воспитывалась въ уральскомъ дѣвичьемъ училищѣ. По возвращеніи изъ Цюриха, по вызову правительства, ходатайствовала о принятіи въ число слушательницъ акушерскихъ курсовъ, на что послѣдовало разрѣшеніе [4]).

Лебедевъ, Владиміръ Ивановичъ, родился въ 1849 г., изъ дворянъ новгородской губ., бывшій студентъ с.-петербургскаго университета. Въ 1869 году, за участіе въ происходившихъ между студентами петербургскаго университета, технологическаго института и медико-хирургической академіи безпорядкахъ, онъ былъ исключенъ изъ университета и высланъ въ Новгородъ, подъ надзоръ полиціи, гдѣ занимался въ земской управѣ, а также адвокатурою. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ, въ 1870 году, изъ Новгорода, поведеніе его оказалось весьма неодобрительнымъ; лѣтомъ 1870 года, у него бывали часто сборища студентовъ; поселившись въ слободѣ за городомъ, онъ тоже началъ сближаться съ мѣщанами, и отношенія свои довелъ до того, что его звали тамъ не иначе какъ «Володькой»; въ обращеніи его, было видно желаніе под-

---

[1]) Дѣла по 3-й экспед. 1871, № 143; 1873, № 491; 1874, № 144, ч. 16, т. III, л. 119, ч. 68 и 63; ч. 135, л. 115; 1878 года, № 442, ч. X, л. 141 и 289 об. ч. I, л. 15, 16, 23, 146; ч. II, л. 323; ч. IV, л. 47 об.; № 332, ч. I, л. 157; 1879 года, № 296, л. 24 и 289; 1880, № 375, л. 81.—О ней же см. выше, стр. 27, 103 и 110.

[2]) Дѣло № 215—1872 г., л. 79, по 3-й экспед.

[3]) Швейцарская агентура—1873, №№ 113 и 124; 1874 №№ 158 и 170. О немъ же, см. выше, стр. 75, и ниже, стр. 147.

[4]) О ней, см. выше, стр. 52.

дѣлаться къ средѣ простаго народа. Онъ называлъ себя «піонеромъ» какого то дѣла, при чемъ пояснялъ: «наше «дѣло маленькое, мы должны рыться, какъ кроты; мы мо- «жемъ и попасться; но едва-ли будутъ извѣстны пра- «вительству главныя пружины, которыя руководятъ «всѣмъ». Въ іюлѣ 1872 года, онъ скрылся изъ Новгорода, но въ сентябрѣ добровольно явился къ начальнику варшавскаго губернскаго жандармскаго управленія и просилъ отправить его въ Петербургъ для снятія съ него допроса. Изъ даннаго Лебедевымъ показанія, видно было, что скрывшись изъ Новгорода, онъ уѣхалъ въ Женеву съ паспортомъ студента с.-петербургскаго университета Любимова, который онъ затѣмъ передалъ эмигранту Смирнову, для пересылки его Любимову обратно. По пріѣздѣ въ Женеву Лебедевъ, видѣлся съ эмигрантами—Эльпидинымъ, Жуковскимъ, Мечниковымъ и другими, и обращался къ нимъ съ просьбою доставить ему работу, но получивъ въ этомъ отказъ, рѣшился возвратиться въ Россію, для чего явился къ русскому консулу въ Бернѣ, который выдалъ ему свидѣтельство на обратный проѣздъ и снабдилъ его даже деньгами. Въ виду такого чистосердечнаго раскаянія, Лебедевъ, не бывши подвергнутъ преслѣдованію въ судебномъ порядкѣ, былъ высланъ на жительство въ г. Сольгаличъ, костромской губ., съ учрежденіемъ тамъ за нимъ строгаго надзора. Здѣсь состоялъ онъ два года въ должности секретаря съѣзда мировыхъ судей. Въ декабрѣ 1874 г., онъ освобожденъ былъ даже отъ надзора и ему предоставлено было право проживать повсемѣстно. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ даже отъ костромскаго окружнаго суда свидѣтельство на ходатайство по частнымъ дѣламъ [1]).

***Леонтьева**, Надежда, дѣвица, изъ Курска. Въ Цюрихѣ слушала лекціи по философскому факультету.

Линёвъ, Александръ Логиновичъ, дворянинъ, сынъ отставнаго штабсъ-ротмистра; былъ студентомъ с.петербургскаго университета при закрытіи его въ 1861 году. Въ 1862 году, находясь за границею, посѣщалъ гейдельбергскую читальню, въ дѣлахъ которой принималъ самое дѣятельное участіе, былъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ и Огаревымъ и принялъ на себя распространеніе налитографированныхъ имъ же самимъ—адреса

---

[1]) Дѣла № 44, 1872 г. ч. I л. 92 и ч. 5 л. 225; № 175—1872 г. л. 9, 13, 14, 22, 100, 153 и 157.—См. о немъ же, выше стр. 85 и ниже,—142 и 150.

Герцена (о конституціи въ Россіи) и писемъ Огарева; предлагалъ одного изъ членовъ читальни, Новицкаго, въ редакторы предполагавшагося анти-правительственнаго журнала, а въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ Александрѣ, изъ Гейдельберга, помѣстилъ оскорбительное выраженіе объ Особѣ Государя Императора. Въ 1866 году, онъ содержалъ книжную торговлю въ С.-Петербургѣ на имя своей сестры. Въ томъ же году, привлекался къ дѣламъ, производившимся Слѣдственною Коммисіею по обвиненію нѣкоторыхъ молодыхъ людей въ устройствѣ, въ Гейдельбергѣ, читальни съ цѣлью преступной пропаганды, а также по каракозовскому дѣлу, содержался въ Петропавловской крѣпости, и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 9-го октября 1866-го года, высланъ въ г. Тотьму, вологодской губерніи, подъ надзоръ полиціи на пять лѣтъ, съ воспрещеніемъ затѣмъ въѣзда въ столицы и выѣзда за границу. Вслѣдствіе оказаннаго имъ вреднаго вліянія на мѣстное общество, въ іюнѣ 1869 г. перемѣщенъ въ г. Нолинскъ, вятской губерніи, а въ февралѣ 1871 года, получилъ разрѣшеніе переселиться въ новгородскую губернію, къ отцу своему, въ г. Устюжну, съ оставленіемъ подъ надзоромъ. Въ 1872-мъ году, проживая въ Новгородѣ, Линевъ былъ близко знакомъ съ высланною туда, также подъ надзоръ полиціи, Александрою Дементьевою и посѣщалъ устраивавшіеся ею, для чтенія соціалистическихъ сочиненій, литературные вечера, на которыхъ, между прочими, бывали: Лебедевъ, Любимовъ, Чайковскій, Павелъ Франтовъ, Флеровскій и другія неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи лица. Въ августѣ того же года, онъ, по Высочайшему повелѣнію, освобожденъ отъ надзора. Въ 1873 году, бѣжалъ за границу и прибылъ въ Цюрихъ, гдѣ поступилъ на политехникумъ. По показанію государственнаго преступника Степана Ширяева, Линевъ, въ 1877 году, находился въ Парижѣ. Въ октябрѣ 1881-го года, онъ проживалъ въ Лондонѣ, гдѣ слылъ за хорошаго механика и химика [1]).

***Литвинова** Елисавета, жена чиновника медицинскаго департамента, въ С.-Петербургѣ, род. въ 1847 году. Выѣхала въ Цюрихъ въ маѣ 1872 г.

Лобовъ, Александръ Александровичъ, изъ дворянъ тамбовской губерніи, род. въ 1843 году, воспитывался въ

---

[1]) Дѣло № 222—1866 г., по 1-й эксп.; Слѣд.; Ком. № 311; дѣло № 175—1871 г. л. 18; дѣло № 668—1879 года по 3-й эксп. ч. III, л. 61 об.; №[78]/1—1881 г. л. 10.—См. о немъ же, выше, стр. 61, 63 и 88.

михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, затѣмъ въ горномъ институтѣ; былъ затѣмъ прикомандированъ къ оружейной коммисіи въ С.-Петербургѣ и числился младшимъ артиллерійскимъ пріемщикомъ на Уральскихъ горныхъ заводахъ [1]). Въ 1869 году, во время практическихъ занятій горнаго института, ѣздилъ въ Царство Польское, въ Австрію и Пруссію, для осмотра стале-литейныхъ заводовъ и напечаталъ отчетъ о своей поѣздкѣ, въ Горномъ Журналѣ (1870 г. № 1). Познакомившись съ нѣкоторыми эмигрантами за границею, онъ вернулся въ Петербургъ, сошелся съ тогдашними извѣстными пропагандистами — Бобарыковыми, Енкуватовыми, Негрескулъ, Гончаровымъ, Натансономъ, Конради, Берви, Печаткинымъ, Лыткинымъ, Петромъ Топорковымъ, Кошкинымъ, Сомовымъ и другими и одновременно съ ними устраивалъ какое-то общество «для низпроверженія Императорской «партіи». Въ концѣ 1872 года, Лобовъ опять отправился за границу, проживалъ въ Вѣнѣ (гдѣ занимался анатоміей) Парижѣ и Монпелье, затѣмъ переѣхалъ уже въ Цюрихъ, откуда на короткое время ѣздилъ опять въ Парижъ и Вѣну, гдѣ видѣлся съ эмигрантомъ Бучинскимъ [2]), а также Арономъ Чудновскимъ, прикосновеннымъ къ дѣлу Гончарова. Эмигранты разсчитывали на Лобова для устройства сношеній съ Россіею и распространенія изданій революціонной печати, между прочимъ и журнала Лаврова, «Впередъ», на успѣхъ котораго, въ то время, эмиграція возлагала большія надежды. На имя Лобова, обладавшаго небольшими денежными средствами [3]), русская коммуна купила въ Цюрихѣ собственный домъ, у швейцарца Гефели, на Flunternstrasse, № 3, въ которомъ помѣщалась библіотека, кухмистерская, читались лекціи [4]), жилъ, одно время, Лавровъ, Вѣра Филиппова съ мужемъ, Туманова, Субботина [5]), и др. Лобовъ былъ членомъ нечаевскаго общества (въ августѣ 1873 г.), и считался въ немъ первымъ лицомъ, послѣ предсѣдателя его, Яницкаго. Онъ затѣвалъ, однако, завести самостоятельный журналъ и

---

[1]) Секретн. свѣд. 1873, № 93.

[2]) Бучинскій получалъ корреспонденцію Лобова, адресуемую въ Вѣну, на имя книгопродавца Синтаса (Sintis)—Секретн. свѣд. 1873, № 93. Онъ же стоялъ во главѣ украйнофильскаго общества *Сичь*, которому весьма сочувствовалъ Лобовъ.

[3]) До 8000 р. капитала и недвижимость въ 20000 руб. (Секретн. свѣд. 1873, № 93, и письмо студентки Пантелѣевой, отъ 28-го мая 1873 г.).

[4]) См. выше, стр. 57—58.

[5]) Швейцарск. агент.—1873, № 105.

съ этою цѣлью, думалъ ѣхать «на Балканы», но вмѣсто того, вернулся, въ 1873 году, въ Петербургъ, гдѣ женился на акушеркѣ Маріѣ Семеновой. Въ Петербургъ же отправлены были къ нему, съ порученіемъ отъ Лаврова и «лавровцевъ»,—Чернышевъ и Котовъ [1]). Лобовъ былъ арестованъ 11 октября 1873 г. и заключенъ въ крѣпость. Арестъ его произвелъ панику между эмигрантами въ Швейцаріи [2]); но во время дознанія, Лобовъ упорно отрицалъ всякое участіе въ замыслахъ революціонеровъ и даже сочувственное съ ними общеніе, и пояснилъ, что далъ на покупку дома всего 25 франковъ [3]). Изъ показанія его видно было, однако, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Россію нѣкто Гольбейнъ, который былъ не кто иной, какъ польскій агитаторъ Врублевскій, бывшій генералъ парижской коммуны [4]). Произведеннымъ дознаніемъ не было добыто достаточныхъ данныхъ для преданія Лобова суду, и дальнѣйшее преслѣдованіе его въ судебномъ порядкѣ прекращено; но съ января 1874 года, онъ былъ уволенъ отъ службы и посланъ, подъ надзоръ полиціи,—въ Воронежъ. Въ 1874 году, онъ привлекался къ дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 г., однако судимъ не былъ. Въ 1876 году, ему разрѣшено было отправиться въ Сербію, съ освобожденіемъ отъ надзора [5]).

Лопатинъ, Германъ Александровичъ, кандидатъ с.-петербургскаго университета, сынъ управляющаго ставропольскою казенною палатою, д. ст. сов. Александра Никоновича и Софьи Ивановны Лопатиныхъ, род. въ 1846 году. Въ 1865 году, онъ состоялъ подъ слѣдствіемъ, за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, а въ маѣ 1866-го года, былъ арестованъ по дѣлу Каракозова, содержался два мѣсяца въ крѣпости, но затѣмъ былъ освобожденъ. Въ февралѣ 1868 года, Лопатинъ былъ привлеченъ къ дѣлу, производившемуся въ Высочайше утвержденной Слѣдственной Коммисіи, о намѣреніи, вмѣстѣ съ дворяниномъ Волховскимъ, основать тайное общество подъ названіемъ «рублеваго», а также о составленіи программы:

---

[1]) Письмо къ нему Котова,—въ Секретн. свѣд. 1873, № 93.

[2]) Швейцарская агентура—1874, № 159; 1873, №№ 135 и 137.

[3]) Домъ этотъ, для покупки котораго (за 40000 фр.) дано было всего 3000 фр. задатка, былъ вскорѣ проданъ, что дало поводъ Яницкому, осмѣять цюрихскія затѣи студентокъ и Лобова въ большихъ, весьма злыхъ карикатурахъ, а также самого Лаврова. Яницкій былъ террористъ—«бакунинецъ» и ненавидѣлъ «лавровцевъ».

[4]) Дѣло № 492, 1873 года, л. 90; Швейцарская агентура—1874, № 196.

[5]) Дѣло № 492, 1873 г., по 3-й экспед.; Секретн. свѣд. 1873, № 93. См. выше, стр. 57, 58, 62, 63, 77, 92, и ниже, 136, 138, 139, 145 и 147.

«Вопросъ молодого по колѣнія». По рѣшеніи Коммисіи, Лопатинъ высланъ былъ, въ концѣ 1868 года, изъ С.-Петербурга, въ Ставрополь, подъ надзоръ отца и мѣстныхъ властей, съ предоставленіемъ права поступить на государственную службу, вслѣдствіе чего онъ и поступилъ на должность чиновника особыхъ порученій ставропольскаго губернатора и завѣдывалъ одновременно мѣстною общественною библіотекою. При производствѣ нечаевскаго дѣла, у одного изъ арестованныхъ, дворянина Михаила Негрескула, было найдено письмо Лопатина, съ планомъ побѣга за границу, при посредствѣ чужихъ документовъ, и кромѣ того, имъ давались свѣдѣнія, полезныя вообще для соучастниковъ нечаевскаго дѣла. Вслѣдствіе этого письма, Лопатинъ вновь былъ арестованъ, въ концѣ 1869 года, но въ январѣ 1870 года, бѣжалъ (*первый*, побѣгъ) со ставропольской гауптвахты, съ паспортомъ отставного офицера Спирмонта, въ Петербургъ, а потомъ, чрезъ Вѣну и Берлинъ, въ Парижъ, гдѣ сошелся съ Лавровымъ и досталъ себѣ паспортъ турецкаго подданнаго Сакича. Затѣмъ, прибылъ въ началѣ мая 1870 года, въ Женеву, гдѣ участвовалъ, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями эмиграціи, на засѣданіи 7-го мая 1870 г., гдѣ постановлено было подать протестъ швейцарскому правительству относительно охраненія правъ русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи, тоже по поводу ожидавшейся выдачи Нечаева [1]). Позднѣе, вращаясь въ кругу самыхъ крупныхъ революціонныхъ дѣятелей за границею, между которыми даже пользовался авторитетомъ, онъ отправился въ Лондонъ [2]). Съ паспортомъ того же Сакича, онъ, однако, въ декабрѣ 1870 года, вернулся въ Петербургъ, досталъ себѣ паспортъ на имя почетнаго гражданина Любавина, и имѣя порученіе освободить Чернышевскаго, отправился съ этою цѣлью въ Иркутскъ, куда прибылъ 5 января 1871 года; но онъ былъ тамъ узнанъ и арестованъ 1 февраля 1871 года. Такъ какъ Лопатинъ не оказался прикосновеннымъ ни къ одному изъ политическихъ дѣлъ, то онъ былъ преданъ суду—за проживательство по чужому виду; уликъ же относительно намѣренія освободить Чернышевскаго, слѣдствіемъ не обнаружено. По рѣшенію верхоленскаго окружнаго суда, онъ былъ приговоренъ всего къ штрафу въ сто руб. Содержась подъ стражею въ жандармской казармѣ, Лопатинъ,

---

[1]) См. выше, стр. 7—8; Швейцарская агентура—1870, № 27.

[2]) Дѣла по 3 экспед.—№ 205, 1874 года, лл. 11, 34, 35, 36, 38, 41 об. и 42; № 115, 1869 г. ч. 24, л. 24, 27 и 154.

однако, бѣжалъ (его *второй* побѣгъ), но былъ пойманъ и заключенъ въ тюрьму, а послѣ суда, былъ выпущенъ, съ отдачею въ Иркутскѣ подъ надзоръ полиціи [1]). Позднѣе, 16 августа 1872 года, онъ снова бѣжалъ (*третій* побѣгъ), дошелъ до Томска, гдѣ 16 сентября 1872 г. былъ пойманъ, и опять посаженъ въ иркутскую тюрьму. Въ 1873-мъ году, 10 іюля, будучи потребованъ въ зданіе суда, для допроса, онъ вновь бѣжалъ (*четвертый* побѣгъ) и скрывался сначала въ якутскихъ лѣсахъ, потомъ достигъ Петербурга, познакомился здѣсь съ вдовою поручика Зенеидою Апсеитовою [2]), и отправился въ Парижъ, по паспорту чужого лица, а оттуда въ Лондонъ; затѣмъ, въ первой половинѣ ноября, пріѣхалъ въ Цюрихъ къ Лаврову, и съ появленіемъ его, въ эмиграціи опять зашла рѣчь объ основаніи общества для освобожденія Чернышевскаго [3]). Проживая во Франціи, Англіи и Швейцаріи, онъ былъ близко знакомъ съ большинствомъ русскихъ эмигрантовъ и анархистовъ, но знакомство это имѣло болѣе дѣловой характеръ, такъ какъ онъ не принадлежалъ ни къ одному изъ анархическихъ кружковъ. Онъ искалъ болѣе литературной работы въ революціонномъ лагерѣ, и ничего активнаго не предпринималъ, хотя въ разныхъ соціалистическихъ изданіяхъ, встрѣчались иногда статьи за его подписью. Въ 1874 году, онъ вызывался правительствомъ въ Россію, но на вызовъ не явился. Изъ за границы, онъ тайно пріѣзжалъ въ Россію, въ 1875 году, въ Петербургъ, на мѣсяцъ, желая отыскать и взять съ собою литературную работу, такъ какъ письменныя сношенія съ Россіею эмигрантовъ были крайне затруднены. Переѣхавъ границу безъ паспорта, съ контрабантистами, подъ именемъ отставнаго коллежскаго секретаря Аѳанасія Григорьева Севастьянова (фамилія, которую тоже носила Апсеитова), онъ съ тѣми же контрабандистами переѣхалъ обратно границу. Въ 1876-мъ году, онъ еще разъ тайно пріѣзжалъ въ Россію, желая повидаться съ матерью, но списавшись только съ нею, уѣхалъ обратно. Въ 1877 году, Лопатинъ явился неожиданно въ Симферополѣ, къ знакомому своему по Парижу—Старцеву, потомъ былъ въ Крыму и Одессѣ, вмѣстѣ съ нимъ; они были даже въ Москвѣ, гдѣ Старцевъ досталъ ему заграничный паспортъ, съ которымъ онъ возвратился опять за границу.

---

[1]) Его письмо изъ Иркутска, отъ 31 августа 1872 года,—въ Секрети. свѣд. 1872, № 270.

[2]) На которой потомъ женился (подъ фамиліею Бартъ), въ Англіи, по тамошнимъ законамъ (см. выше, это имя).

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 139.

14 марта 1877 г., выѣхалъ онъ вновь изъ Парижа въ Петербургъ, для свиданія съ женою, и тогда, 23 марта, былъ арестованъ и содержался въ Петропавловской крѣпости. Онъ показалъ, что получалъ дважды приглашеніе принять участіе въ подпольномъ изданіи: «Земля и Воля», на выгодныхъ условіяхъ, но что онъ отъ этого отказался. По всеподданнѣйшему докладу, 9 апрѣля 1880 года, министра юстиціи, Высочайше повелѣно—выслать Лопатина на жительство въ г. Ташкентъ, съ отдачею его на поручательство зятя его, Глинки-Янчевскаго, съ денежнымъ залогомъ въ 10.000 руб. Здѣсь онъ изъявилъ желаніе вновь поступить на государственную службу. Затѣмъ, въ 1881 году, онъ былъ переведенъ на жительство въ вологодскую губернію, подъ надзоръ полиціи, на три года [1]). Дальнѣйшія его дѣянія будутъ въ своемъ мѣстѣ подробно изложены [2]).

***Луканина**, Аделаида Николаевна, рожденная Рыкачева (мать ея—рожденная Альбини), изъ Петербурга, родилась въ 1843 г. въ новгородской губерніи, привлекалась къ нечаевскому дѣлу, по которому содержалась даже нѣсколько дней въ Петропавловской крѣпости; жена бывшаго студента с.-петербургскаго университета, Юлія Луканина, съ которымъ впослѣдствіи разошлась. Въ 1870 году, слушала лекціи въ медико-хирургической академіи, гдѣ была вмѣстѣ съ Юліей Бобарыковою—центромъ кружка, параллельнаго кружку Натансона и Попича [3]). Вопреки распоряженію военнаго министра, она занималась, совмѣстно съ студентами, анатоміею и химіею, и печатала даже статьи въ «Химическомъ Журналѣ и парижскихъ «Bulletins de l' Académie des sciences» Выѣхала въ Цюрихъ въ мартѣ 1872 г. и поступила на медицинскій факультетъ. Въ Швейцаріи, она принадлежала къ партіи «бакунинцевъ», и служила даже посред-

---

[1]) Дѣла—№ 100 (по 1-й экспед.), 1866 года, ч. 55, л. 4, 17 об. 44 об.; ч. 38 и слѣд.; Слѣдств. Комм. IV, 222, л. 80, и № 480, л. 1, 2 и 48 об.; 1869 года (3 экспед.), № 115, ч. 24, л. 24, 27 и 154; 1874, № 144, ч. 269. л. 242; 1878г. № 442, л. 10; 1879 года, № 43 (дѣла Спбургск. Времени. Генер.-Губерн.); № 94, ч. 1, л. 6 об.; № 167, ч.. 2, л. 31; 1879 года, № 73, ч. 1, л. 247; Верховн. Распоряд. Комм. 1880 года, № 121 (29); № 206, ч. 4, л. 203 и об. (по 3-йэкспед.). См. о немъ же, выше, стр. 7, 68, 76, 77 и 102.

[2]) По рѣшенію с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, 26 мая—4 іюня 1887 г., Лопатинъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ замѣнить её ссылкою въ каторжныя работы безъ срока («Правительственный Вѣстникъ», 1887 г., отъ 17 іюня).

[3]) Дѣло № 120, ч. I—1870 г. л. 12, по 3-й экспед.

ницею въ сношеніяхъ Нечаева и Огарева съ Россіею; позднѣе, вмѣстѣ съ другими, стала во главѣ одного женскаго общества, которое устраивалъ Бакунинъ. Послѣ вызова правительства, перешла, въ 1875-мъ году, въ филадельфійскую медицинскую коллегію (въ Соединенныхъ Штатахъ), гдѣ выдержала экзаменъ и защитила диссертацію на степень доктора, въ мартѣ 1876-го года. Въ ноябрѣ 1876 года, просила она о допущеніи ея къ испытанію на право частной врачебно-акушерской практики, для разрѣшенія чего потребованы отъ нея доказательства, что она оставила цюрихскій университетъ въ назначенный правительствомъ срокъ, т. е. до 1-го января 1874 г. Позднѣе, она поселилась въ Парижѣ [1]), гдѣ занималась литературною работою для «Вѣстника Европы» и другихъ журналовъ. Въ 1878-мъ году, она ходатайствовала о разрѣшеніи пріѣхать въ Россію, такъ какъ она жила долгое время безъ паспорта; при возвращеніи же въ Россію, желала получить отдѣльный видъ на жительство отъ мужа и быть избавленною отъ штрафа за просрочку паспорта. Въ этомъ дѣлѣ принималъ большое участіе писатель Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ письмѣ его къ шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту Дрентельну [2]), онъ мимоходомъ упомянулъ о какомъ то арестѣ Луканиной въ Парижѣ, вслѣдствіе недоразумѣнія; но свѣдѣнія эти оказались невѣрными, ибо посолъ нашъ въ Парижѣ, князь Орловъ, сообщилъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, полученныхъ отъ парижской префектуры, что Луканина была арестована 7-го сентября 1878-го года, вмѣстѣ съ жившими съ нею,—Гольштейнъ и Каракиною, по подозрѣнію въ устройствѣ соціалистическаго конгресса въ Парижѣ [3]), и что при обыскѣ у нихъ, найдены разныя брошюры и газеты соціалистической пар-

---

[1]) Въ 1878 году, она устраивала, вмѣстѣ съ Жебуневою и Каракиною, вечеръ, сборъ съ котораго предназначался на *перепечатку* и распространеніе прокламацій по поводу убійства генералъ-адъютанта Мезенцева (см. выше, стр. 97—Жебунева, Зенеида).

[2]) Дѣло № 215 ч. II—1872 г. л. 177.

[3]) Участіе русскихъ женщинъ въ парижскихъ соціалистическихъ безпорядкахъ встрѣчалось еще прежде. Въ самый разгаръ коммуны 1871 г., энергическимъ дѣятелемъ ея была одна русская, г-жа *Дмитріева*—псевдонимъ дѣвицы *Гончаровой*, сестра владѣльца маіоратнаго имѣнія Гончаровыхъ въ калужской губерніи («Полотняные заводы») Ей пришлось бы погибнуть въ коммунѣ, если бы не участіе и помощь дяди ея, сенатора второй имперіи, барона Дантеса, женатаго на ея родной теткѣ (сестрѣ жены поэта Пушкина.

тіи, а также переписка съ многими членами Интернаціонала; у нихъ же найдена была печать съ надписью: «Caisse de secours aux détenus socialistes russes», а также паспортъ на чужое имя. Французская судебная власть, не находя, однако, достаточныхъ данныхъ для обвиненія Луканиной и ея сожительницъ въ образованіи тайнаго общества во Франціи, освободила ихъ отъ ареста и надзора. Луканина осталась, по прежнему, заграничной эмигранткой, вслѣдствіе чего потомъ розыскивалась [1]).

Лугининъ, Владиміръ Федоровичъ, сынъ подполковника генеральнаго штаба, землевладѣльца ветлужскаго уѣзда, костромской губ., родился въ 1837 году, отставной поручикъ гвардейской конной артиллеріи. Въ мартѣ 1862 года, отправился за границу и поселился въ Гейдельбергѣ, завелъ знакомство съ русскими эмигрантами, ѣздилъ въ Лондонъ, сблизился здѣсь съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ, съ которыми, по возвращеніи въ Гейдельбергъ, велъ переписку. Въ февралѣ 1863-го года, вновь ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ ежедневно посѣщалъ Герцена, а въ 1865—1866 годахъ, проживалъ въ Парижѣ. При производствѣ въ 1866 г. слѣдствія по дѣлу о событіи 4-го апрѣля, обнаружилось, что Лугининъ былъ однимъ изъ первоначальныхъ основателей и главныхъ дѣятелей читальни, основанной въ Гейдельбергѣ для соціально-революціонной пропаганды въ Россіи, и поддерживая непосредственныя сношенія съ лондонскими эмигрантами, принималъ участіе въ распространеніи адреса Герцена и въ собираніи противуправительственныхъ подписокъ. По Высочайше утвержденному, въ октябрѣ 1866 г. заключенію Слѣдственной Коммиссіи, по возвращеніи въ Россію, онъ подлежалъ полицейскому надзору, а въ случаѣ проявленія вреднаго образа мыслей, высылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ; но въ маѣ 1867 г., по просьбѣ отца, онъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію и жить въ отцовскомъ имѣніи, подъ надзоромъ полиціи. Въ августѣ того же года, онъ прибылъ изъ за границы въ С.-Петербургъ, а въ октябрѣ, получилъ разрѣшеніе провести зиму, до 1-го мая 1868-го года, на южномъ берегу Крыма, и въ маѣ 1869-го года, поселился въ имѣніи отца. 24-го сентября того же года, ему Всемилостивѣйше разрѣшено было отправиться на островъ Мадеру, для излеченія болѣзни. Въ 1869-мъ году, возвратясь изъ за границы, онъ опять поселился въ имѣніи своего отца, и 26-го іюля того же года, Всемилостивѣйше освобожденъ отъ

[1]) О ней же, см. выше, стр. 52, 89, 94 и 97.

надзора, съ разрѣшеніемъ жительства въ С.-Петербургѣ [1]). Подробности о его похожденіяхъ за границею, находятся въ статьѣ Е. Гижицкаго, о русскихъ эмигрантахъ [2]).

***Любатовичъ**, Вѣра Спиридоновна, дѣвица, изъ Москвы, дочь отставнаго инженера московскаго межеваго института, позднѣе—въ замужствѣ за государственнымъ преступникомъ Викторомъ Осташкинымъ; родилась въ 1855 г. воспитывалась во 2-й московской женской гимназіи, но курса не окончила. Въ маѣ 1871-го года, выѣхала въ Цюрихъ, съ сестрою Ольгою Любатовичъ (и по ея же настоянію), гдѣ поступила на медицинскій факультетъ и примкнула къ самому радикальному кружку эмигрантовъ; она же помогала эмигранту Александрову въ наборѣ брошюры—«Отщепенцы» [3]). Вернувшись потомъ въ Россію была арестована въ Вержболовѣ, 16 октября 1874 г., но затѣмъ освобождена. Съ этого времени, она уже стала виднымъ дѣятелемъ пропаганды 1874—1877 гг., о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Особое Присутствіе Правительствующаго Сената приговорило ее къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 6-ть лѣтъ, но Государь Императоръ Всемилостивѣйше замѣнилъ это наказаніе—ссылкою въ не столь отдаленныя мѣста Сибири. Въ 1877 году, она была выслана въ г. Тару, тобольской губерніи, гдѣ, въ 1880 году, вышла за мужъ за государственнаго преступника Осташкина; но и отсюда, за вредное вліяніе на крестьянъ, открытое и дерзкое неповиновеніе мѣстнымъ властямъ, она, вмѣстѣ съ мужемъ, переведена въ казачинскую волость, енисейской губерніи, а въ 1882-мъ году, въ г. Минусинскъ [4]).

***Любатовичъ**, Ольга Спиридоновна, сестра предыдущей, родилась въ Москвѣ, въ 1853 году. Въ маѣ 1871 г., выѣхала, вмѣстѣ съ сестрой Вѣрою, въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ и примкнула къ кружку крайнихъ анархистовъ, живя совмѣстно съ Бети Каминской (см. это имя). Вернувшись въ Россію, она поселилась въ Москвѣ и посвятила себя дѣятельности пропаганды 1874 – 1877 гг., за что, приговоромъ Общаго

---

[1]) Дѣло 1-й экспед. № 180, 1865 года, л. 2, 3, 68 об.; № 222—1866 г. л. 53 и 54.

[2]) Швейцарская агентура—1873, № 83; Московск. Вѣдом. 1873, № 13.

[3]) См. дѣло № 84, ч. I—1872 г. л. 78.

[4]) Дѣло № 144, части 3, 6 и 127—1874 года, и № 486, 1880 года. О ней же, см. выше, стр. 106.

Присутствія Правительствующаго Сената, была присуждена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ, на девять лѣтъ; но наказаніе это Всемилостивѣйше замѣнено ссылкою на поселеніе не въ столь отдаленныя мѣста Сибири. Она была поселена въ г. Ялуторовскѣ, тобольской губ., но за неприличное поведеніе и оскорбленіе мѣстнаго исправника въ общемъ присутствіи полицейскаго управленія, она, по рѣшенію тобольскаго окружнаго суда, была присуждена *къ наказанію 22 ударами плетей;* но между тѣмъ, она скрылась, 22 іюля, и бѣжала за границу, въ Женеву, откуда, въ 1879 году, пріѣзжала въ Петербургъ, подъ фамиліею Хитрово и была арестована. 25 декабря она опять бѣжала изъ тюрьмы за границу; въ маѣ 1881 года, опять появилась подъ Петербургомъ, проживая на Охтѣ; 13 ноября 1881 г. она была задержана въ Москвѣ подъ именемъ Святской, и по Высочайшему повелѣнію 17 ноября 1882 г., была выслана въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири, безъ примѣненія къ ней тѣлеснаго наказанія [1]).

Мамонтова, дѣвица, эмигрантка; въ 1870-мъ году, принадлежала, въ Женевѣ, къ партіи «Народнаго Дѣла» [2]).

Мауреръ, русскій студентъ въ Цюрихѣ, близкій человѣкъ къ Лобову [3]).

Мацневъ, русскій эмигрантъ, сторонникъ польской партіи, принималъ участіе въ проэктѣ Боссака о соединеніи русскихъ революціонныхъ силъ съ польскими, въ 1871 году. Былъ офицеромъ штаба у него же, въ 1863 г., и жилъ въ Женевѣ. Позднѣе сблизился съ Бакунинымъ Нечаевымъ, Пальцевымъ и Бажановымъ [4]).

***Мачтетъ**, Марія Александровна, родилась въ 1848-мъ году, въ гор. Каменцѣ-Подольскомъ, сестра политическаго ссыльнаго Григорія Мачтетъ (бывшаго учителя каменецкаго городскаго училища), воспитанница мѣстной женской гимназіи, въ которой послѣ была классною дамою; выѣхала въ Цюрихъ въ сентябрѣ 1872 года, вмѣстѣ съ братомъ Григоріемъ, гдѣ посѣщала философскій фа-

---

[1]) Дѣло № 84, 1871 года ч. 1 и 2; № 144, 1874 года части 3, 4, 5, 17 (т. I и III); № 214—1874 г.; № 305, 1880 года; № 922 и 373, 1881 года; № 3321—1882 г.; Обзоръ важн. дознаній, вып. II, стр. 3 сл.; вып. V стр. 50 и сл.—Послѣднее извѣстіе о ней въ заграничной прессѣ,—см. газету «Figaro», 1887, № 199, 18 іюля, стр. 2. См. о ней тоже, выше, стр. 75, 89 и 106, и ниже, 145.

[2]) Швейцарск. аген. 1870, № 28 и 29.

[3]) Дѣло № 492, 1872 г. л. 19, по 3-й экспед.

[4]) Швейц. агент. 1871, № 46. См. о ней, тоже выше, стр. 16.

культетъ. Она вернулась въ Россію вслѣдствіе вызова правительства, 31-го іюня 1873-го года, но оставалась въ сношеніяхъ съ каменецъ-подольскимъ кружкомъ соціалистовъ и пропагандисткою Ваховскою [1]).

Мерабовъ Рувимъ, студентъ въ Цюрихѣ, въ 1873—1874 годахъ, изъ Тифлиса [2]).

Мечниковъ, Левъ Ильичъ, поступилъ въ 1850-мъ году въ училище правовѣденія, которое оставилъ черезъ два года, по болѣзни; затѣмъ онъ отправился въ Харьковъ, и окончилъ воспитаніе въ тамошнемъ университетѣ. Позднѣе, уѣхалъ съ матерью за границу, въ Италію, гдѣ сблизился съ Гарибальди, былъ его адъютантомъ, и участвовалъ въ войнѣ за объединеніе Италіи. По окончаніи войны, поѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ завелъ близкія сношенія съ Герценомъ, Бакунинымъ, Нечаевымъ, и друг. Въ 1868 г. онъ проживалъ въ Женевѣ, гдѣ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Эльпидинымъ, по печатанію на русскомъ языкѣ разныхъ пасквилей и изданію листковъ революціоннаго направленія: «Подпольное Слово», «Современность» и «L' Actualité». Въ концѣ того же года, онъ ѣздилъ въ Мадритъ съ поздравленіемъ испанской юнты отъ «Молодой Россіи», и затѣмъ переѣхалъ въ Барселону, откуда посылалъ корреспонденціи въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Въ 1871 году, ему было разрѣшено прибыть въ Россію, съ отдачей его на поруки брату, Ивану Мечникову, бывшему, въ то время, старшимъ предсѣдателемъ кіевской соединенной палаты. Въ 1872-мъ году, онъ опять былъ въ Швейцаріи, гдѣ вращался среди русскихъ студентовъ и одно время читалъ тамъ лекціи. Въ 1873-мъ году, онъ читалъ, въ Женевѣ публичныя лекціи о соціальныхъ наукахъ. Въ 1874 году былъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ кавказцемъ Николадзе и другими анархистами [3]).

Мокріевичъ-Дебогорій. Владиміръ, дворянинъ подольской губерніи, литинскаго уѣзда. О дѣятельности этого виднаго впослѣдствіи соціалиста, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Пріѣхавъ въ Цюрихъ, въ концѣ октября 1874 года, онъ жилъ въ гостинницѣ, подъ фамиліею «Рейтгоферъ», имѣя фальшивый паспортъ на имя «Черняка», изъ Кіева. Въ одномъ собраніи русскихъ и поляковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ до такой степени дико и бѣ-

[1]) Дѣла: № 215 ч. I—1872 года, л. 109 и ч. II. л. 44 об., 45 и 47; № 498— 873 года, л. 293; № 144 ч. 168—1874 года л. 31 об.—по 3-й эксп.—О ней же, см. выше, стр. 95.

[2]) Швейцарская агентура—1873, № 113; 1874, № 177.

[3]) Дѣло № 79—1872 года, л. 10 об.; № 11—1872 года, л. 8 об. и № 87—1881 г. О немъ же, выше, стр. 7, 102, 113, 128 и ниже, 151.

шено пропангандировалъ о необходимости цареубійства въ Россіи, что слушатели разошлись, боясь отвѣтственности передъ полиціею. Онъ занимался печатаніемъ прокламацій, вмѣстѣ съ Александровымъ; остальное же время пребыванія въ Швейцаріи, былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, принадлежа къ обоимъ лагерямъ—русскому и польскому [1]).

Мордвиновъ, одно время—студентъ цюрихскаго университета, членъ Интернаціонала, пріятель Утина; предсѣдательствовалъ въ славянской секціи, осенью 1871 г., въ отсутствіи Крыловскаго, и ѣздилъ къ Мѣрославскому, въ Тульчу. Не былъ собственно эмигрантомъ, но виднымъ соціалистомъ, въ Цюрихѣ, въ 1871—1872 годахъ [2]); былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Оболенской, дочери княгини Зои Сергѣевны (свѣденія о которой, см. ниже). Умеръ въ 1878 году.

***Надѣйдина**, Варвара, дѣвица, прибыла въ Швейцарію изъ Тифлиса. Послѣ вызова правительства, осталась въ Цюрихѣ [3]).

***Нахимова** Ольга, дѣвица, въ послѣдствіи (въ декабрѣ 1871 г.) за мужемъ за польскимъ эмигрантомъ Хилевкимъ, племянница извѣстнаго русскаго адмирала. Жила въ Женевѣ въ кругу самыхъ красныхъ революціонеровъ, затѣмъ она ополячилась, перешла въ католичество, носила польскія революціонныя украшенія (кресты, орлы, и проч.). Занималась наборомъ революціонныхъ брошюръ въ женевской и цюрихской типографіяхъ. Въ 1871 году, съ Цѣхановскимъ и Озмидовымъ, ѣздила въ Дунайскія княжества. Была членомъ женскаго общества «Помощь» между цюрихскими студентками [4]).

***Нацвалова**, Пелагея, дѣвица, прибывшая въ Цюрихъ изъ Тифлиса [5]); была одною изъ учредительницъ грузинскаго общества «Ярмо».

***Нестерова**, Марья Ивановна, въ замужствѣ—Гольштейнъ (см. это имя).

***Николадзе**, Екатерина, изъ Тифлиса, посѣщала въ Цюрихѣ лекціи философскаго факультета и участвовала въ грузинскомъ обществѣ «Ярмо» (см. Гурамова Ольга). Послѣ вызова правительства, переѣхала въ Женеву [6]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1874, № 197. О немъ, см. тоже выше, стр. 67, 95 и ниже, 155.

[2]) Швейцарская агентура—1871, №№ 67, 71, 77, 78, 89 и 90; 1872, №№ 3, 4, 18 и 24.—О немъ, см. тоже выше, стр. 13.

[3]) Дѣло № 215, 1872 г., ч. I, л. 80.

[4]) Швейцарская агентура—1872 года, №№ 3, 4, 6, 10, 16, 18 и 23; 1871, №№ 2, 67, 77, 78, 89 и 90.

[5]) О ней, см. тоже выше, стр. 93 и 52.

[6]) О ней, см. тоже выше, стр. 93.

*Николадзе, Ольга, сестра предыдущей; посѣщала въ Цюрихѣ лекціи философскаго факультета, а также участвовала въ составѣ общества «Ярмо». Послѣ вызова правительства, переѣхала въ Женеву.

Николадзе, Николай Яковлевичъ, уроженецъ кутаисской губ., потійскій гражданинъ, бывшій студентъ с.-петербургскаго университета, позднѣе редакторъ издававшейся въ Тифлисѣ, на русскомъ языкѣ, газеты «Обзоръ». Въ 1861 году, Николадзе принималъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Въ 1864-мъ году, онъ уѣхалъ за границу, гдѣ въ 1866 году, напечаталъ въ Женевѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Правительство и молодое поколѣніе», составленную по поводу злодѣйскаго покушенія 4-го апрѣля 1866 года. Въ 1868 году, Николадзе, вмѣстѣ съ Эльпидинымъ, печаталъ листки революціоннаго содержанія, подъ заглавіемъ «Подпольное Слово» и «Современность», вслѣдствіе чего, по возвращеніи его въ Россію, за нимъ учрежденъ былъ строгій полицейскій надзоръ, и просьба его относительно разрѣшенія ему издавать въ Тифлисѣ газету «Обзоръ», была отклонена. Въ 1872 году, Николадзе ходатайствовалъ объ освобожденіи его отъ полицейскаго надзора, такъ какъ ему необходимо было часто выѣзжать изъ Тифлиса, какъ по своимъ собственнымъ коммерческимъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, опекуномъ коихъ онъ состоялъ. Ходатайство это было удовлетворено въ смыслѣ, не только разрѣшенія Николадзе свободнаго выѣзда изъ Тифлиса, но и путешествія за границу; отъ полицейскаго же надзора онъ не былъ освобожденъ, такъ какъ кутаисскій губернаторъ аттестовалъ его неодобрительно. При возвращеніи Николадзе изъ за границы, въ 1873 г., въ багажѣ его былъ найденъ литографскій станокъ и два пуда книгъ преимущественно соціалистическаго содержанія, изъ которыхъ многія были запрещенныя, а также три протокола засѣданій цюрихскаго грузинскаго общества «Ярмо». Вслѣдствіе сего, въ августѣ 1873-го года, ему снова было воспрещено выѣзжать изъ назначеннаго для него мѣста жительства, но въ октябрѣ, въ виду крайней необходимости выѣхать за границу по дѣламъ, Николадзе былъ выданъ заграничный паспортъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что если онъ за границей будетъ имѣть сношенія съ эмигрантами, то по возвращеніи въ Россію, будетъ водворенъ на родинѣ. По возвращеніи изъ за границы, Николадзе подвергнутъ былъ строгому осмотру въ Вержболовѣ и Поти, но подозрительнаго при немъ ничего не оказалось. Въ 1875 году,

онъ проживалъ въ Кутаисѣ, гдѣ былъ избранъ даже въ гласные городской думы. По словамъ заявителя, дворянина Егора Іосселіани, раскрывшаго кавказскій революціонный кружокъ, образовавшійся въ томъ же году, Николадзе былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ, но дознаніемъ не было доказано прямого участія его въ этомъ дѣлѣ, почему онъ и не привлекался къ суду. Въ 1877-мъ году, во время турецкой кампаніи, Николадзе былъ корреспондентомъ на театрѣ войны и находился при корпусѣ графа Лорисъ-Меликова, по ходатайству котораго, былъ освобожденъ отъ надзора полиціи. Въ 1878 году, Николадзе разрѣшено было издавать газету «Обзоръ», при чемъ за дѣятельностью его учреждено было негласное наблюденіе. Издавая газету, Николадзе велъ её совершенно въ анти-правительственномъ направленіи, что и вызвало распоряженіе о ея прекращеніи. За произнесенную имъ въ засѣданіи тифлисской городской думы рѣчь, съ крайне рѣзкими выраженіями объ администраціи, а также за вредное вообще направленіе издаваемой имъ же газеты «Обзоръ», онъ былъ высланъ, въ 1880 году, въ г. Ставрополь, гдѣ учрежденъ за нимъ полицейскій надзоръ [1]).

Нѣмчиновъ, Василій, студентъ въ Цюрихѣ, принадлежавшій къ нечаевскому обществу [2]).

Оболенская, княгиня, Зоя Сергѣевна, супруга генералъ-лейтенанта, бывшаго московскаго губернатора, князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго († 1881), дочь генералъ-адъютанта, графа Сергія Павловича Сумарокова. Съ конца 1860-хъ годовъ, стала открытою нигилисткою, а потомъ и эмигранткою въ Швейцаріи, жила постоянно въ обществѣ русскихъ и швейцарскихъ анархистовъ, состоя въ близкихъ отношеніяхъ къ Брониславу Жуковскому (своему секретарю) и польскому эмигранту Мрочковскому, за котораго нынѣ вышла за мужъ; была тоже близка къ Бонгару и Бакунину (ѣздила къ нему въ Локарно, въ 1869-мъ году); потомъ жила во Франціи, Неаполѣ и Флоренціи, часто мѣняя мѣстожительства [3]). Подозрѣвалась весьма сильно въ участіи по дѣлу о фальшивыхъ русскихъ деньгахъ.

***Обухова**, Екатерина, родилась въ 1856-мъ году, дочь коллежскаго секретаря Николая Ивановича Обухова (отъ перваго брака), помѣщика вольскаго уѣзда (с. Ери-

---

[1]) Дѣло № 79—1872 года, по 3-й экспедиціи; № 144, 1874 г. ч. 153 т. I-й л. 29; и № 80—1880 г. л. 48 и 58. О немъ же, см. выше стр. 124, и ниже, 129.

[2]) Швейцарская агентура—1873, № 105.

[3]) Швейцарская агентура—1870, №№ 1, 2, 6, 7, 15, 18 и 29; 1871, №№ 55, 56, 79 и 100; 1872, № 2, 18, 37 и 41. О ней же, см. выше, стр. 102, и ниже, стр. 150.

клы), саратовской губерніи. Держала экзаменъ изъ русскаго языка при саратовской мужской гимназіи, для полученія званія домашней учительницы, но затѣмъ отправилась въ Цюрихъ, въ маѣ 1872-го года, съ согласія своего отца, и тамъ поступила на медицинскій факультетъ. Была выбрана секретаремъ «Общества вспомоществованія бѣднымъ студенткамъ» за границею, и подписалась въ этомъ званіи, на листкѣ общества «Помощь», присланномъ Вѣрою Филиппо:ою своей матери, въ Казань (см. **Филиппова, Вѣра**). Послѣ вызова правительства, окончила курсъ естественныхъ наукъ въ Женевѣ. Вернувшись въ Россію, поступила ученицею фельдшерской школы при общинѣ Св. Георгія, но привлекалась затѣмъ къ дознаніямъ по дѣламъ Курбатова, Савича и другихъ, и по дѣлу «Общества друзей», которому по Высочайшему повелѣнію, не было дано дальнѣйшаго хода [1]).

***Ограповичъ**, дѣвица, прибыла въ Цюрихъ изъ С.-Петербурга [2]).

Озерова, Ольга, сестра предыдущаго, первоначально сдѣлалась нигилисткой подъ руководствомъ Гаршиной, еще въ Россіи [3]). Въ 1869-мъ году, прибыла въ Швейцарію, и участвовала въ засѣданіи русской эмиграціи, 7-го мая 1870, на которомъ рѣшено было подать протестъ швейцарскому правительству относительно обезпеченія правъ русскихъ эмигрантовъ [4]). Позднѣе, она принадлежала къ обществу «нечаевщихъ», вмѣстѣ съ Эльпидинымъ и Дмитріевой, вербовавшихъ новыхъ членовъ для русскихъ революціонныхъ кружковъ въ Швейцаріи. Съ Утинымъ, Зайцевымъ и Николадзе, засѣдала она, въ 1872 году, часто въ соціалистической кухмистерской—Marmite Sociale, (12, rue du Rhône), въ Женевѣ [5])—гдѣ входила въ близкіе сношенія съ парижскими коммунарами [6]).

Озеровъ, бывшій уланскій офицеръ, участвовавшій въ польскомъ возстаніи [7]). Въ началѣ мая 1870 г., вмѣстѣ съ Лопатинымъ, прибылъ изъ Парижа въ Женеву [8]). Здѣсь онъ участвовалъ въ засѣданіи русскихъ эмигрантовъ 7 мая 1870 года, на которомъ рѣшено было по-

---

[1]) Дѣла № 215—1872 года, ч. I, л. 19 и 66; ч. 2, л. 9; № 353, 1878 года, л. 81 и 88; № 144, ч. 269—1874-го года, лит. Б., л. 169—по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 215, 1872 г., ч. I, л. 78.

[3]) Швейцарская агентура—1872, № 52.

[4]) Ibid. 1870, № 27.

[5]) Ibid. 1872, № 52.

[6]) Ibid. 1872, № 74. О ней же, см. выше, стр. 7, 36 и 93.

[7]) Швейцарская агентура—1870, № 26.

[8]) Ibid. 1870, № 27.

дать протестъ швейцарскому правительству, ходатайствуя объ огражденіи интересовъ русскихъ эмигрантовъ и невыдачѣ Нечаева [1]). Онъ пріобрѣлъ скоро довѣріе Бакунина и всѣ бумаги о сношеніяхъ его съ Россіею, хранились у него. Онъ же ѣздилъ на конгрессъ (бакунинской) Юрской секціи, въ Невшателѣ, 7 мая 1872 г., вмѣстѣ съ Гольштейномъ и Ралли [2]). Вмѣстѣ съ Мечниковымъ онъ завелъ, въ Женевѣ, нѣчто въ родѣ бюро или канцеляріи для вербованія русскихъ эмигрантовъ и соціалистовъ и доставленія имъ справокъ [3]); вмѣстѣ съ сербомъ Ракичемъ, онъ принималъ участіе въ проэктѣ карлистовъ, дѣлать во Флоренціи фальшивыя испанскія ассигнаціи [4]); вмѣстѣ съ Турскимъ, онъ былъ тоже въ сношеніяхъ съ начальникомъ соціалистической банды въ Галиціи, Коперницкимъ [5]); при покушеніи же Ралли на жизнь Стемпковскаго [6]), въ Бернѣ, Озеровъ былъ его соучастникомъ, но успѣлъ скрыться до обыска и ареста [7]). Въ декабрѣ 1873 г., онъ ѣздилъ въ Константинополь [8]). На похоронахъ Бакунина (1876), когда членъ кавказскаго революціоннаго кружка, Джорджадзе, предложилъ примиреніе и соединеніе партіи Бакунина съ общей «интернаціональной лигой», подъ предводительствомъ Маркса, несмотря на то, что послѣдовало всеобщее согласіе, только одинъ Озеровъ, оставаясь вѣрнымъ памяти учителя Бакунина, не согласился на это [9]).

Озиндовъ, эмигрантъ, державшійся ближе къ польскому лагерю [10]).

***Окунькова**, Зенеида Николаевна, изъ Москвы, дочь коллежскаго совѣтника, родилась въ 1850-мъ году. Въ 1870 году, поступила въ цюрихскій университетъ, гдѣ принадлежала къ кружку бакунинцевъ. Въ 1872 году, вернулась въ Россію, съ порученіями отъ Бакунина, проживала въ Москвѣ и въ орловской губ., въ имѣніи матери, поддерживала сношенія съ эмигрантами, и привлечена была къ дознанію о сношеніяхъ съ ними московскихъ кружковъ. Въ ноябрѣ 1872 года, Окуньковой разрѣшено было выѣхать за границу, съ условіемъ, *чтобы она не возвращалась обратно въ Россію—въ теченіи*

---

[1]) См. выше, стр. 7—8.
[2]) Швейцарская агентура—1872, № 31.
[3]) Ibid. 1872, № 70.
[4]) Ibib. 1873, № 141.
[5]) Ibid. 1873, № 146.
[6]) См. выше, стр. 50—51.
[7]) Ibid. 1873, № 80.
[8]) Ibid. 1873, № 148.
[9]) Дѣло 1876 г., № 28, л. 24 об., по 3-й экспед. См. о немъ тоже, выше, стр. 5, 12, 68, 91, 102 и 132.
[10]) См. о немъ выше, стр. 39 и 125.

трехъ лѣтъ. Она поѣхала въ Цюрихъ, однако скоро его оставила и переѣхала въ Парижъ, гдѣ, въ 1877-мъ году, получила, въ тамошнемъ университетѣ, степень доктора медицины. Въ Россію, ей разрѣшено было пріѣхать на время, въ 1875 году, по ходатайству нашего посла, князя Орлова, а позднѣе, въ виду одобрительнаго о ней отзыва, она освобождена отъ надзора полиціи [1]).

***Оспицкая**, Ольга Васильевна, дочь учителя гимназіи въ Кишиневѣ, род. въ 1850 г. Въ 1871 году, поступила въ цюрихскій университетъ, по желанію отца, прежде на медицинскій, а потомъ на философскій факультетъ.

Пальцевъ, эмигрантъ, состоялъ членомъ Интернаціонала; пріѣзжалъ, въ началѣ 1872 года, въ Россію и проживалъ нѣкоторое время въ г. Волочискѣ, гдѣ служилъ посредникомъ при пересылкѣ изъ за границы въ Россію корреспонденціи преступнаго содержанія. Добывъ себѣ затѣмъ паспортъ, онъ объѣздилъ всѣ западныя губерніи, былъ также въ Ярославлѣ и Костромѣ, выдавая себя всюдѣ за члена транспортнаго общества «Двигатель», и въ маѣ того же года, намѣревался уѣхать обратно за границу. Въ 1875 году, Пальцевъ состоялъ членомъ Славянской секціи и жилъ въ Лозаннѣ [2]).

***Пантелѣева**, Серафима Васильевна, замужняя женщина, род. въ 1838 году. Выѣхала изъ С.-Петербурга въ Цюрихъ въ апрѣлѣ 1872 года, и слушала тамъ курсы на медицинскомъ факультетѣ. Послѣ вызова правительства, осталась въ Цюрихѣ.

***Паперъ**, Марья, изъ Екатеринославля, дѣвица, мѣщанка, еврейка, воспитывалась въ мѣстной женской гимназіи. Выѣхала въ Цюрихъ въ началѣ 1872 года, гдѣ слушала лекціи медицинскаго факультета.

***Переяславцева**, Софья, дѣвица, изъ Воронежа. Слушала въ Цюрихѣ лекціи по философскому факультету. Послѣ вызова правительства, оставалась еще въ Цюрихѣ и завѣдывала русскою библіотекою, вмѣстѣ съ эмигрантами Кравцовымъ, Якобсономъ и Амчеславскимъ.

***Попова**, Александра Григорьевна, дочь эсаула астраханскаго казачьяго войска. Послѣ вызова правительства, перешла изъ цюрихскаго университета въ бернскій, гдѣ получила докторскій дипломъ и защитила диссертацію. Въ сентябрѣ 1877 года, ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право частной врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено [3]).

---

[1]) Дѣло № 84, ч. I, 1879 года л. 64 и 114, и ч. II.—См. о ней же, выше, стр. 52.

[2]) Дѣло № 50, ч. I—1871 года, по 3-й экспед. л. 243 и № 35—1875 г. л. 8.—См. тоже о ней же, выше, стр. 66 и 123.

[3]) См. о ней же, выше, стр. 53.

***Потоцкая**, Марья Платоновна, дѣвица, дочь коллежскаго совѣтника, родилась въ 1851-мъ году, воспитанница полтавской женской гимназіи, потомъ жила у родителей, въ кобелякскомъ уѣздѣ; позднѣе переѣхала въ Петербургъ, пробыла годъ при Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи, откуда отправилась, въ 1871-мъ году, въ Цюрихъ, гдѣ принадлежала къ кружку «бакунистокъ» [1]). Вернувшись въ Петербургъ, она выдержала экзаменъ на званіе акушерки въ медико-хирургической академіи. Въ 1874—1878 годахъ, привлекалась въ сильной степени къ дознанію по дѣлу о пропагандѣ, была даже арестована 14-го іюня 1874 года, но позднѣе, однако, оправдана по суду. Вмѣстѣ съ 44-мя другими лицами процесса 193-хъ, подвергнута особому надзору полиціи. Въ 1879 году, проживала въ г. Ардатовѣ, нижегородской губерніи.

***Пригаро**, Марья, изъ Кишинева, дочь сосланнаго въ Сибирь, въ 1857-мъ году, съ лишеніемъ правъ состоянія, черниговскаго землевладѣльца,—за разбитіе, въ порывѣ гнѣва, зеркала въ присутственномъ мѣстѣ и прощеннаго въ 1872 году (между тѣмъ, жена его Александра Петровна, вышла замужъ за судебнаго пристава Короткевича). Весною 1872 года, уѣхала въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ [2]).

***Пружанская**, Марья Орестовна, изъ Петербурга, рожденная Эвецкая, жена студента медико-хирургической академіи, Іосифа Харитоновича Пружанскаго (уроженца минской губерніи), привлекалась еще прежде къ политическимъ дѣламъ; родилась въ 1849-мъ году. Въ ноябрѣ 1871 года, выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ, имѣя денежныя средства, помогала Клейманъ и Яковлевой. Окончила курсъ медицинскихъ наукъ, и послѣ экзамена на степень доктора хирургіи и акушерства, защитила тамъ же диссертацію, $^{8}/_{20}$ декабря 1873-го года, при чемъ удостоена особаго почета со стороны профессора—терапевта, Бирмера. 30-го декабря, она прибыла въ Петербургъ, и въ январѣ 1874 года, ходатайствовала, вмѣстѣ съ Яковлевою, подвергнуть себя испытанію (colloquium) въ медицинскомъ совѣтѣ, съ разрѣшеніемъ затѣмъ врачебно-акушерской практики. По соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ, разрѣшеніе это было дано (см. Яковлева, Пульхерія) [3]).

***Путята**, Раиса Васильевна, рожденная Шлыкова,

---

[1]) Дѣло № 215 ч. I—1872 года, л. 13 и 218; № 491—1873-го года, л. 5, по 3-й экспед.

[2]) Выше (стр. 29—30) приведенъ отрывокъ изъ письма ея, о цюрихской жизни.

[3]) Дѣло № 215, 1872 г., ч. I и II; о ней же, см. выше, стр. 52 и 107.

изъ Москвы, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, помѣщика одоевскаго уѣзда, тульской губерніи, жена актера тульскаго театра. Бросивъ мужа, выѣхала въ Цюрихъ, въ октябрѣ 1872 г., и поступила на медицинскій факультетъ. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій университетъ. Въ Цюрихѣ, она принадлежала къ кружку крайнихъ революціонеровъ. Въ 1875-мъ году, привлекалась къ дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 гг. [1]).

Пушкаринъ. Въ 1872-мъ году, будучи эмигрантомъ въ Цюрихѣ, былъ въ числѣ пяти представителей совѣта Славянскаго соціально-демократическаго общества (совѣтъ этотъ состоялъ изъ трехъ членовъ, кассира и секретаря) [2]).

Ралли (тоже «Рулёвъ» или «Раловъ», въ эмиграціи), Зенфирій, сынъ бессарабскаго помѣщика. Въ 1869 году, былъ исключенъ изъ списковъ медико-хирургической академіи, за участіе въ безпорядкахъ, и высланъ административнымъ порядкомъ на родину, въ бессарабскую губернію. Изъ бумагъ, захваченныхъ у Томиловой, оказалось, что Ралли состоялъ въ сношеніяхъ съ Нечаевымъ, Орловымъ и друг., вслѣдствіе чего онъ былъ вызванъ назадъ изъ Бессарабіи и привлеченъ къ дѣлу Томиловой, при чемъ онъ далъ откровенныя показанія о своихъ связяхъ и знакомствахъ. Тогда онъ былъ отданъ на поруки князю Мурузи, а затѣмъ, въ августѣ 1871 года, бѣжалъ за границу, по паспорту Бабанова, чрезъ могилевскую губернію [3]). Прибывъ прямо въ Швейцарію, онъ записался въ цюрихскій университетъ, и здѣсь, среди русскихъ эмигрантовъ, сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ. Послѣ отпечатанія Эльпидинымъ сочиненій Чернышевскаго, онъ хлопоталъ о пересылкѣ 1000 экз. въ Россію [4]); вошелъ въ самыя близкія сношенія съ Нечаевымъ [5]), который довѣрялъ ему всего болѣе, за его будто энергію и отвагу [6]); ѣздилъ, съ Гольштейномъ и Озеровымъ, на конгресъ Юрской секціи Интернаціонала въ Невшатель [7]); говорилъ рѣчь на поминкахъ генерала парижской коммуны, Домбровскаго [8]), въ Цюрихѣ (2 іюня 1872), и былъ однимъ изъ

---

[1]) Дѣло № 215 ч. II—1872, л. 95—96; № 144 ч. 14—1874 г. л. 45, 78 и 127 и ч. 127 т. I л. 28 и 196. О ней же, см. выше, стр. 85.
[2]) Дѣло 1872 г. № 80, л. 19, по 3-й экспед.—Швейцарская агентура, 1872, № 6.
[3]) Швейцарская агентура—1872, № 140. Паспортомъ этимъ пользовались еще позднѣе Нечаевъ и Смирновъ, при разъѣздахъ своихъ за границею.
[4]) Секретн. свѣд. 1872, № 327—шифрованное письмо отъ 10-го ноября, изъ Одессы.
[5]) Швейцарская агентура—1872, № 19.
[6]) Ibid. 1874, № 169.
[7]) Ibid. 1872, № 31.
[8]) Ibid. 1872, № 36.

основателей «Славянскаго соціально-демократическаго «общества», въ іюнѣ 1872-го года [1]), а позднѣе, въ январѣ 1873 года—«Славянскаго соціалистическаго общества» [2]). Послѣ ареста Нечаева, онъ поспѣшно возвратился изъ Вѣны въ Цюрихъ [3]), снабдилъ лицъ, искавшихъ отбить Нечаева у полиціи, револьверами, и вмѣстѣ съ другими, подписалъ рѣзкій протестъ: «An das Schweizerische Volk» [4]). Въ октябрѣ 1872 года, онъ ѣдетъ съ Эльпидинымъ по революціоннымъ дѣламъ въ Вѣну [5]), а въ мартѣ 1873 года, онъ совершаетъ, въ Бернѣ, смѣлое покушеніе на жизнь агента Стемпковскаго [6]). При обыскѣ его квартиры въ Цюрихѣ, нашли у него тѣ 16 револьверовъ, которыми онъ снабжалъ освободителей Нечаева; эти 16 револьверовъ навели на подозрѣніе: не участвовалъ ли Ралли въ убійствѣ своей тетки Батезатъ, случившемся въ ночь съ 23 на 24 января 1873 года, въ с. Ожевѣ, хотинскаго уѣзда, вмѣстѣ съ грабежемъ у ней денегъ, 16-ю замаскированными разбойниками [7])? Ралли арестовали въ Бернѣ, но потомъ выпустили его, съ залогомъ 4000 фр., внесенныхъ русскими и польскими эмигрантами (членомъ польскаго славянскаго комитета, Янковскимъ, кн. Кропоткинымъ и братьями Сулеевыми) [8]); тогда онъ поѣхалъ въ Локарно совѣщаться съ Бакунинымъ, откуда вернулся въ Цюрихъ, гдѣ участвовалъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ избіеніи до полусмерти Валеріана Смирнова [9]). Лѣтомъ ѣздилъ онъ въ Вѣну, гдѣ, въ довольно краткій срокъ, успѣлъ основать террористическій кружокъ подъ начальствомъ Гольдберга и Гарнцаревича [10]); изъ Вѣны же, привезъ въ Цюрихъ нѣсколько тысячъ франковъ для бакунинской секціи [11]). Онъ дѣлалъ частыя поѣздки изъ Швейцаріи [12]), бывалъ въ Сербіи, въ Бѣлградѣ, гдѣ жилъ у серба Джурича [13]), а въ началѣ августа того же года, отправился въ Сербію, съ Эльсницемъ и его женою, на свадьбу студентки Хардиной [14]). Его давнею мечтою было основаться въ славянскихъ земляхъ; онъ даже намѣ-

---

[1]) Ibid. Дѣло № 80, 1872 г.
[2]) Швейцарская агентура—1873, № 81.
[3]) Секретн. свѣд. 1872, № 385; Швейцарская агентура, 1873, № 80.
[4]) См. выше, стр. 44.
[5]) Швейцарская агентура—1872, № 72 и 73.
[6]) См. выше, стр. 50—51.
[7]) Дѣло № 226, 1873 г., по 3-й экспед.; Швейцарская агентура—1873, № 80.
[8]) Швейцарская агентура—1873, № 80 и 164.
[9]) Ibid. 1873, № 101; Секретн. свѣд. 1873, № 116 и 93.
[10]) Швейцарская агентура—1873, № 80.
[11]) Ibid. 1873, № 81.
[12]) Ibid. 1873, № 138.
[13]) Ibid. 1873, № 119.
[14]) Ibid. 1873, № 105.

ревался купить тамъ недвижимость, вмѣстѣ съ Эльсницомъ и Гольштейномъ [1]). Сношенія съ Россіею онъ установилъ чрезъ какого то агента въ тѣхъ же Придунайскихъ княжествахъ—Рекціуша [2]), куда ѣздилъ онъ еще ранѣе, въ 1874-мъ году, вмѣстѣ съ Ваховскимъ и Паули [3]). Послѣ распоряженія правительства о цюрихскихъ студенткахъ, онъ перешелъ, вмѣстѣ съ другими, въ Бернъ, гдѣ считался вольнымъ слушателемъ въ 1873—1874-мъ академическомъ году [4]). Извѣстная прокламація: «Къ русскимъ революціонерамъ», привезенная въ Россію Донецкимъ (см. это имя), въ духѣ бакунинскихъ теорій, была произведеніемъ Ралли, и имъ же напечатана, въ Женевѣ. Въ 1874 году, онъ вызывался правительствомъ въ Россію, но на вызовъ не явился. Въ это самое время, онъ агитировалъ во Франціи, и тамошнее правительство изъявило, въ томъ же году, полную готовность, выдать его Россіи, въ случаѣ поимки въ предѣлахъ Франціи [5]). Позднѣе, въ 1876-мъ году, при обыскѣ въ Кёнигсбергѣ у студентовъ тамошняго университета,—Гурвича (Гиревскаго) изъ г. Ошмянъ, виленской губерніи и Якова Аполлонова Финкельштейна, изъ гор. Кальваріи, варшавской губерніи, найдено было много бумагъ соціально-революціоннаго содержанія, которыя обнаружили сношенія ихъ съ женевскими агитаторами, и въ особенности съ Ралли. Въ концѣ 1875 года, онъ находился въ Яссахъ, у опекуна своего Александра Михайловича Ралли; былъ въ Кишиневѣ, гдѣ распорядился пересылкою тюковъ съ газетою «Работникъ» и возвратился въ Женеву. Въ 1879 году, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ итальянскимъ вице-консуломъ, проживалъ въ Бухарестѣ и Яссахъ, въ сношеніяхъ съ итальянскими агитаторами [6]), ибо въ 1880 году, русскіе соціалисты довольно уже прочно устроились въ Румыніи, съ цѣлью съ одной стороны вызвать движеніе въ Княжествахъ, а съ другой—устроить ближайшія сношенія съ Россіею. Въ октябрѣ 1879 г., происходилъ уже въ Яссахъ конгрессъ соціалистовъ, на который коммунаръ Руссель приглашалъ Ралли и др., вызвавшихся перенести сѣмя русскаго нигилизма на румынскую почву, дабы устроить тамъ «Новую Швейцарію». Въ іюлѣ 1880 года,

---

[1]) Ibid. 1873, № 141.

[2]) Вѣроятно псевдонимъ. Швейцарская агентура—1874, № 185.

[3]) Ibid. 1874, №№ 196 и 197.

[4]) Ibid. 1874, № 198.

[5]) Ibid. 1874, № 165; дѣло № 491, 1873 г., л. 40.

[6]) Дѣло № 143, ч. 1, 1879 года, л. 199 об.; № 487, 1878 года, л. 49, по 3-й экспед.

въ Унгенахъ, былъ задержанъ тюкъ съ 147 брошюрами революціоннаго содержанія, принадлежность котораго Ралли болѣе чѣмъ вѣроятна. Въ послѣднее время, онъ редактируетъ, въ Бухарестѣ, вполнѣ враждебную Россіи, *оффиціозную* газету «Telegraful», подъ псевдонимомъ—**Арбори** [1]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1881-го года, Ралли опять проживалъ въ Швейцаріи, въ тѣсной связи съ Турскимъ и другими революціонерами [2]). На вызовъ правительства, въ 1874 году, онъ не явился.

***Рашевская**, Александра Григорьевна, изъ Чернигова, позднѣе въ замужествѣ за мировымъ судьею черниговской губерніи, Ѳедоромъ Варзеромъ [3]). Въ 1872—1873 г. посѣщала цюрихскій университетъ, а потомъ парижскій. Въ Цюрихѣ, она принадлежала къ крайнимъ кружкамъ революціонеровъ. Вернувшись въ Россію, въ сентябрѣ 1876 года, ходатайствовала о допущеніи ея къ экзамену, для поступленія въ число женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ госпиталѣ. Впослѣдствіи, принимала значительное участіе въ дѣлѣ пропаганды 1874—1877 г. Харьковскій генералъ-губернаторъ графъ Лорисъ-Меликовъ призналъ, однако, возможнымъ прекратить дознаніе по этому дѣлу въ черниговской губерніи, и она отдана была только подъ негласный надзоръ [4]). Въ 1873 году, она выбыла за границу, и затѣмъ розыскивалась.

***Ретутенко**, Леокадія, изъ Одессы, дѣвица [5]); содѣйствовала вмѣстѣ съ Матильдою Эйтнеръ (см. это имя) печатанію бакунинскаго изданія: «Bulletins de la Fédération Jurassienne».

***Розенштейнъ**, Анна Моисеевна, изъ Симферополя дѣвица, еврейка, родилась въ 1854 году, въ первомъ бракѣ за бывшимъ студентомъ Петромъ Маркеловичемъ Макаревичъ [6]), во второмъ—за итальянскимъ подданнымъ Коста,

---

[1]) Дѣла—№ 377, 1872-го года, л. 153 и 154 (объ Арборѣ); № 624 1880 года № 222, 1880 года л. 36; № 487, 1878 года л. 49; № 143, ч. 1, л. 199 и об.; 1879 года № 239; 1878, ч. 2, л. 38; № 112; 1869 года ч. 3, л. 256—261; ч. 4, л. 122 и 155.

[2]) Дѣло № 73 (7) 1880 года л. 11.—О немъ же, см. выше, стр. 39, 42, 43, 45, 50, 53, 58, 67, 68, 81, 83, 86, 91, 92, 103, 128, и ниже, стр. 143, 144, 147 и 155.

[3]) Сестра Рашевской, была за мужемъ за эмигрантомъ Касперомъ Турскимъ.

[4]) Дѣло № 493, 1873 года; № 144, 1874 года, ч. 3 и 4; № 807, 1879 г., по 3-й экспед.

[5]) Дѣло № 215, ч. 1, л. 79—1872 г. по 3-й экспед.

[6]) Сосланнаго на жительство въ тобольскую губ. (въ г. Тюкалинскъ).

дочь потомственнаго почетнаго гражданина. Первоначальное воспитаніе получила въ симферопольской женской гимназіи, которую кончила съ золотою медалью. Съ согласія родителей, отправилась, въ сентябрѣ 1872 г., въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи по философскому отдѣленію. Здѣсь она принадлежала къ крайнимъ революціоннымъ кружкамъ и сошлась съ Жебуневыми, Александровымъ и др., принадлежа къ обществу носившему названіе ордена «сенъ-жебунистовъ». Вернувшись въ Россію, зимою 1873 года, проживала нѣкоторое время въ Одессѣ и Елисаветградѣ. Макаревичъ привлекалась затѣмъ къ многочисленнымъ политическимъ дознаніямъ и была дѣятельнымъ агентомъ пропаганды 1874—1877 гг., о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ (между прочимъ и къ дѣлу о покушеніи на жизнь Николая Гориновича). Въ апрѣлѣ 1877 года, она выѣхала за границу, съ паспортомъ сестры своей Александры Косачъ, жила болѣе въ Парижѣ, подъ фамиліей Кулешовой, но по случаю сношеній съ интернаціоналами и коммунарами, Макаревичъ, въ маѣ 1878-го года, была арестована, выслана изъ Парижа и переѣхала въ Швейцарію.

***Розенштейнъ**, Марья Яковлевна, купеческая жена, еврейка, изъ Симферополя, родилась въ 1846 году, воспитывалась въ одесской гимназіи. Разойдясь съ мужемъ, уѣхала, въ 1872 году, въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи по философскому факультету.

Романовичъ, студентъ цюрихскаго университета; въ декабрѣ 1873 года, онъ перешелъ въ парижскій [1]).

Романовъ, изъ Казани, эмигрантъ въ Женевѣ, участникъ засѣданія русской эмиграціи, 7 мая 1870 г. [2]).

Савельевъ, Семенъ, студентъ въ Цюрихѣ; состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Лобову [3]).

Сажинъ (онъ же носилъ фамилію—«Россъ») Михаилъ Петровичъ, сынъ купца, уроженецъ костромской губерніи, галичскаго уѣзда, домашній учитель, род. въ 1846 г. Воспитывался сначала въ буинскомъ уѣздномъ училищѣ, а въ 1863-мъ году, поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ оказывалъ весьма вредное вліяніе на товарищей, завѣдывалъ денежною кассою студентовъ, и за участіе въ безпорядкахъ въ институтѣ, былъ высланъ въ гор. Во-

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 148.

[2]) Ibid. 1870, № 27; 1871, № 92; см. выше, стр. 7 и 102.

[3]) Ibid. 1873, №№ 133 и 357; Секретн. свѣд. 1873, № 104; дѣло № 492, 1873 г. л. 19, по 3-й экспед.

логду; затѣмъ, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи ему повсемѣстнаго права жительства въ Имперіи, раскаиваясь въ своихъ поступкахъ, но ходатайство это удовлетворено не было; равномѣрно не было разрѣшено ему ходатайство о пріѣздѣ въ С.-Петербургъ для окончанія своего образованія, за поручительствомъ генерала Вахтина. 17 іюня 1869 года, Сажинъ бѣжалъ изъ г. Кадникова (вологодской губ.) въ Америку, гдѣ скитался подъ псевдонимомъ «Доброва» и «Росса»; здѣсь пытался онъ основать русскую коммуну и центръ для эмиграціи, въ университетскомъ городѣ, съ привлеченіемъ туда и русскихъ профессоровъ. Потомъ переѣхалъ въ Англію, оттуда направился въ Германію и Парижъ, гдѣ участвовалъ въ коммунѣ 1871 года; затѣмъ былъ въ Герцеговинѣ, гдѣ участвовалъ въ стычкахъ съ турками. Переѣхавъ въ Швейцарію, онъ сталъ самымъ энергическимъ «нечаевцемъ» [1]), и участвовалъ въ «Обществѣ мстителей за Нечаева» [2]). Пока Лавровъ находился въ Цюрихѣ, Сажинъ былъ его адептомъ [3]), позднѣе же перешелъ къ Бакунину, при которомъ остался и послѣ вызова студентокъ и распаденія цюрихской коммуны [4]). Онъ участвовалъ въ избіеніи эмигранта Смирнова, изъ за дѣла о русской библіотекѣ, но на другой день, на улицѣ былъ избитъ пятью студентками, отъ которыхъ оборонялся даже револьверомъ [5]). Въ 1874 году, онъ вызывался правительствомъ, но на вызовъ не явился. Позднѣе, онъ былъ въ сношеніяхъ съ «лермонтовцами» въ Петербургѣ, для устройства тайнаго провоза въ Россію произведеній революціонной печати. Рабиновичъ (членъ «лермонтовскаго» кружка) розыскалъ Сажина въ Берлинѣ, откуда они вмѣстѣ отправились въ пограничный городокъ Шервиндъ, къ контрабандисту Эдельштейну, которому поручили перевести чрезъ границу тюки съ книгами: «Государственность и анархія» Бакунина и «Историческое развитіе Интер-«національ»;при этомъ Сажинъ называлъ себя Іойне Бойда. Перевозка удалась и книги дошли къ «лермонтовцамъ» и «чайковцамъ». Кромѣ того, онъ доставилъ транспорты книгъ таганрогскому кружку, и одно время, самъ жилъ въ м. Волочискѣ. 24 мая 1876 года, онъ былъ задержанъ въ м. Радзивиловѣ при тайномъ переходѣ границы съ указомъ объ отставкѣ штабъ-капитана Зміевича. Пре-

[1]) Секрети. свѣд. 1872, № 365.
[2]) Швейцарская агентура—1873, № 80; 1872, № 30.
[3]) Ibid. 1873, № 101.
[4]) Секрети. свѣд. 1873, № 606.
[5]) Секрети. свѣд. 1873, № 181; Швейцарская агентура—1873, № 101.

данный суду Правительствующаго Сената по обвиненію въ распространеніи революціонныхъ сочиненій и въ участіи въ противузаконномъ сообществѣ, онъ, 28-го января 1878 года, былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на пять лѣтъ. Онъ содержался затѣмъ въ борисоглѣбской каторжной тюрьмѣ, а съ 9 мая 1881 г., впредь до ссылки—въ виленской политической тюрьмѣ. По окончаніи срока работъ, (31 января 1881 года), Сажинъ былъ поселенъ въ гор. Керенскѣ, въ Восточной Сибири [1]).

***Сарапова**, Марія, дѣвица, изъ Тифлиса [2]), цюрихская студентка.

***Святловская**, Раиса Самуиловна, рожденная Френкель, еврейка, изъ Петербурга, родилась въ 1853 году, была домашнею учительницею и привлекалась къ дѣлу Нечаева. Вышла замужъ за студента медико-хирургической академіи, Владиміра Святловскаго, выѣхавшаго, въ мартѣ 1872 года, одновременно съ нею, въ Цюрихъ, гдѣ онъ, въ 1874 году её покинулъ и началъ путешествовать со студенткою Маріею Валицкою, подругою его жены, съ которою и вернулся въ Россію. Послѣ вызова правительства, Святловская перешла въ бернскій университетъ, гдѣ окончила курсъ, получила степень доктора медицины и защитила диссертацію, а въ мартѣ 1876 года, ходатайствовала о допущеніи ея къ испытанію на право врачебной практики, что и было разрѣшено. Во время послѣдней войны, Святловская принимала дѣятельное участіе по Обществу Краснаго Креста. Портретъ ея былъ помѣщенъ въ нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ 1877 года [3]).

***Сеземанъ**, Лидія, дѣвица, прибыла въ Цюрихъ изъ Выборга, слушала лекціи по философскому факультету. Послѣ вызова правительства, осталась въ Цюрихѣ, гдѣ принадлежала къ радикальнымъ кружкамъ русской коммуны [4]).

Семеновъ, род. въ 1853 г., былъ эмигрантомъ въ Женевѣ, сторонникъ Лобова, Гольштейновъ и Бонгара [5]).

Серебренниковъ, Борисъ, пріятель Смирнова еще въ Москвѣ, прибылъ въ Швейцарію, въ половинѣ 1871 года,

---

[1]) Дѣла № 272, 1878 года л. 103; № 144, 1874 года, ч. 17, т. I, л. 67; ч, 259, 356, 415 и 450: ч. 14, т. I, л. 62; тамъ же, ч. 13, л. 180; № 144, ч. 9, л., 415—422; № [illegible], л. 46, 47, 48, 49, 51—52.—См. о немъ же, стр. 36, 50, 51, 55, 65, 68, 86, 92 и 143.

[2]) Дѣло № 215 ч. I—1872 года.

[3]) Дѣло № 215, 1872 г., ч. 4; см. тоже стр. 81, 83 и 143.

[4]) Дѣло № 215, 1872, ч. I, л. 81.

[5]) Швейцарская агентура—1871, №№ 90 и 91. Секрети. свѣд. 1873, № 93.

изъ Константинополя, ѣздилъ потомъ въ Брюссель и Лондонъ, а зимою 1873—1874 г., отправился съ порученіями революціонеровъ въ Италію и Испанію [1]), съ паспортомъ Стефана Тальботъ, затѣмъ въ Парижъ, съ паспортомъ на имя Тревизора, присланнымъ изъ Дунайскихъ княжествъ [2]). Ближе всѣхъ стоялъ онъ къ Турскому, котораго зналъ еще въ Константинополѣ, а послѣ отъѣзда его изъ Швейцаріи, жилъ въ Невшателѣ, у сербскаго соціалиста Андреевича. Принадлежалъ къ крайнымъ «нечаевцамъ» [3]).

Серебренниковъ, Владиміръ, бывшій студентъ медико-хирургической академіи; былъ исключенъ изъ нея въ 1869 году и высланъ въ Ригу, откуда бѣжалъ за границу, прежде—въ Лондонъ (гдѣ помогалъ Нечаеву въ изданіи журнала «Община»), а потомъ—въ Швейцарію. Въ маѣ 1873 г., онъ задержанъ былъ въ сувалкской губерніи, привезенъ въ Петербургъ, и давалъ показанія по дѣлу Лобова [4]).

Серебренниковъ, Семенъ Ивановичъ, уроженецъ Сибири, содержатель типографіи въ Петербургѣ, пользовавшейся поддержкою нигилистическихъ кружковъ (она была позднѣе продана привлекавшейся къ нечаевскому дѣлу, с.-петербургской мѣщанкѣ Александрѣ Дмитріевнѣ Дементьевой) состоялъ членомъ «общества пропаганды путемъ печати» [5]). Въ 1869 году, въ апрѣлѣ, онъ находился въ Швейцаріи [6]), гдѣ принималъ участіе въ дѣятельности русскихъ эмигрантовъ и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Нечаевымъ и его обществомъ «Народной Расправы». Въ 1870-мъ году, Серебренниковъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ въ комитетъ этого общества, при чемъ долженъ былъ именовать себя Серебрянниковъ, съ ударенiемъ на *я*, что послужило бы признакомъ того, что онѣ дѣйствительно посланный отъ Нечаева [7]). Въ 1870 году, 7 мая, онъ участвовалъ въ засѣданіи эмигрантовъ, по случаю протеста швейцарскому правительству, съ требованіемъ оградить русскую эмигра-

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 139 и 145.

[2]) Ibid. 1873, № 141.

[3]) Ibid, 1873, № 147 (отношенія его къ «нечаевцу» Кержковскому) и № 150 (къ Матильдѣ Эйгнеръ).

[4]) Дѣло 1870 г. № 51, ч. 2, л. 105; №492, 1873 года, л. 80, 83; Секретн. свѣд. 1873, № 93;

[5]) Дѣло № 120, 1870, ч. 1, л. 4.

[6]) Швейцарская агентура—1870, № 8.

[7]) Ibid.

цію [1]); потомъ снаряжалъ Бонгара и Дартуза бывшихъ сибирскихъ каторжниковъ, чрезъ Галицію, въ Россію, съ порученіемъ Интернаціонала [2]). Въ томъ же году, по ошибкѣ цюрихской полиціи, былъ арестованъ на улицѣ, при выходѣ отъ Огарева, вмѣсто Нечаева [3]), вслѣдствіе чего просидѣлъ 12 дней подъ арестомъ [4]), но не получилъ требуемыхъ имъ 11.000 фр. вознагражденія [5]). Арестъ этотъ запиралъ ему двери Россіи, обнаруживъ близкія отношенія къ Нечаеву [6]). Отношенія эти были даже такъ близки, что только ему одному былъ извѣстенъ тотъ таинственный «архивецъ», который Нечаевъ имѣлъ въ Парижѣ [7]). Въ Цюрихѣ, онъ для видимости, чтобы маскировать свое пособничество Нечаеву, записался на лекціи политехники [8]). На интернаціональномъ конгрессѣ учителей и наставниковъ въ Женевѣ (въ Palais Electoral), онъ говорилъ рѣчь въ качествѣ представителя Сибири [9]). Въ 1873 году, онъ переселился въ Парижъ, гдѣ, вмѣстѣ съ Компанскимъ, стоялъ во главѣ парижской секціи Славянскаго соціально-демократическаго общества [10]) и вскорѣ затѣялъ, вмѣстѣ съ Турскимъ, по порученію какого-то Общества «Всесвѣтной соціальной революціи», отправиться въ Россію, для совершенія цареубійства. Въ 1874 г. онъ вызывался правительствомъ, но на вызовъ его не явился. Въ томъ же году, онъ былъ арестованъ въ Пруссіи и выданъ русскому правительству [11]).

***Симоновичъ**, Розалія Павловна, изъ Одессы, еврейка, дочь купца Файльшана Симоновичъ. Воспитывалась въ одесской женской гимназіи, двоюродная сестра Анны Клейманъ (см. это имя), съ которою и выѣхала, въ маѣ 1872 года въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ, состояла членомъ «Славянской секціи» Интернаціонала, но послѣ вызова правительства, держала, въ декабрѣ 1873 г., (но не выдержала)—докторскій экзаменъ; потомъ она перешла въ бернскій университетъ, гдѣ окон-

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 27.
[2]) Ibid. 1870, № 34; дѣло № 85, 1870, л. 12.
[3]) Подробнѣе, см. выше, стр. 8—9.
[4]) Швейцарская агентура—1870, №№ 27 и 29; 1873, № 145.
[5]) Ibid. 1871, № 53; 1873, № 83, Московск. Вѣд. 1873 № 12, стр. 4—5.
[6]) Ibid. № 1871, № 57.
[7]) Ibid. 1872, № 60; 1873, № 145. Въ 1873 году, Нечаевъ ѣздилъ по Германіи съ русскимъ паспортомъ Серебренникова.
[8]) Ibid. 1873, № 145.
[9]) Швейцарская агентура—1872, № 55.
[10]) Ibid. 1873, №№ 80 и 97.
[11]) Ibid. 1874, №№ 188 и 190. См. о немъ же, выше, стр. 7, 9, 39, 43, 53, 68, и ниже—154 и 158.

чила курсъ. Вернувшись въ Россію она, въ январѣ 1875 г., ходатайствовала о дозволеніи ей врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено [1]).

***Симоновичъ**, Теолинда Павловна (сестра предыдущей), воспитывалась въ одесской женской гимназіи, и вмѣстѣ съ Клейманъ, выѣхала въ Цюрихъ, въ маѣ 1872 года, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ.

***Синклеръ** (Saint-Clair), Юлія Егоровна, дочь инженера путей сообщенія. Пріѣхала въ Цюрихъ изъ Ярославля, слушала лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Послѣ вызова правительства, осталась въ Цюрихѣ, но вернулась въ Ярославль въ іюнѣ 1876 года, подъ фамиліею своего мужа, Эгли, швейцарскаго подданнаго, бывшаго тоже студентомъ цюрихскаго университета.

***Смецкая**, студентка въ Цюрихѣ, дѣятельность которой была, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, крайне предосудительною [2]).

Скворцова, бывшая членомъ Интернаціонала (марксисткою), въ декабрѣ 1873 г. [3]).

Смирновъ, Валеріанъ Николаевичъ, сынъ надворнаго совѣтника, б. студентъ медицинскаго факультета московскаго университета, изъ котораго онъ былъ исключенъ послѣ такъ называемой «полунинской исторіи». Вскорѣ послѣ исключенія, познакомился онъ съ Нечаевымъ у Прыжова. Тутъ рѣшено было ввести въ университетѣ туже подпольную организацію, какъ и въ Петровской академіи, вслѣдствіе чего была устроена сходка студентовъ-медиковъ, на которой присутствовали депутаты Петровской академіи. Послѣ этого, Смирновъ былъ высланъ на жительство во владимірскую губернію, но въ февралѣ 1870 года, вытребованъ въ Москву по прикосновенности къ нечаевскому дѣлу, и при обыскѣ, у него найдены письма, доказывавшія принадлежность его къ организаціи нечаевскаго общества [4]); но до суда, онъ былъ освобожденъ изъ подъ стражи и отданъ на поруки отцу, съ залогомъ въ 1000 руб.; получивъ же повѣстку суда о явкѣ къ нечаевскому дѣлу, въ іюнѣ 1871-го года, бѣжалъ за границу [5]), вмѣстѣ съ Эльснидемъ, чрезъ могилевскую губернію. Потомъ чрезъ Волочискъ, перебрались въ Галицію, гдѣ были задержаны за безписьменность [6]).

---

[1]) Дѣло № 215 - 1872 г., ч. II; тоже см. выше, 54 и 107.
[2]) См. выше, стр. 27.
[3]) Швейцарская агентура—1873, № 150. См. тоже выше, стр. 54.
[4]) Дѣло № 115, 1869 г., ч. 6, л. 159 об. и 91—93, по 3 эксп.
[5]) Дѣло № 115, ч. 16, л. 4, 1869 года, по 3-й экспед; Секретн. свѣд. 1872, №№ 137 и 385.
[6]) Швейцарская агентура—1871, № 89; 1872, № 36.

Въ повозкѣ ихъ сломалась ось, и затѣмъ австрійскіе жандармы доставили ихъ въ ближайшее мѣстечко, гдѣ ихъ содержали два дня подъ арестомъ, но потомъ выпустили, и они прибыли благополучно въ Цюрихъ. Здѣсь Смирновъ проявилъ довольно выдающуюся дѣятельность, при основаніи Славянской секціи Интернаціонала, по образованію Славянскаго соціально-демократическаго общества, устройству отдѣловъ его въ Германіи, и т. п. [1]), заступивъ въ мартѣ 1872 года, мѣсто самого Нечаева въ основанномъ имъ обществѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же велъ дѣятельныя сношенія съ Россіею. По дѣламъ лавровскаго журнала «Впередъ», онъ тоже сносился съ Чайковскимъ, Лыткинымъ и Сердюковымъ, вызывалъ эмигрантовъ спасать «дѣло» и русскую типографію, которая, при управленіи ея Александровымъ, была вся въ долгахъ [2]); наконецъ, самъ, весною 1872 года, отправился въ Москву, съ паспортомъ Бибикова, гдѣ проживалъ у родныхъ цюрихской студентки, Розаліи Идельсонъ [3]), и въ маѣ мѣсяцѣ, вернулся въ Швейцарію. 2 іюня 1872-го года, онъ говорилъ рѣчь на поминкахъ смерти генерала парижской коммуны, Ярослава Домбровскаго [4]), и въ сентябрѣ, участвовалъ въ общемъ печатномъ протестѣ противъ Стемпковскаго [5]). Послѣ выдачи Нечаева, онъ вошелъ въ составъ общества «мстителей» за него (мартъ 1873 г.), и былъ членомъ тайнаго при немъ террористическаго трибунала: Salut Public [6]); былъ тоже въ сношеніяхъ съ украинофильскимъ, галицкимъ революціоннымъ обществомъ *Сичь*, съ агитаторами Чудновскимъ, Брониславомъ Жуковскимъ и Сигизмундомъ Добжанскимъ, во время пріѣздовъ ихъ въ Швейцарію [7]). Самъ онъ ѣздилъ съ студенткой Дмитріевой, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1873-го года, въ Вѣну, а оттуда въ австрійскую Сербію, для свиданія съ сербскимъ радикаломъ Марковичемъ [8]), вѣроятно съ паспортомъ Владиміра Лебедева, который послѣдній оставилъ ему, уѣзжая въ Россію. Вернувшись на нѣсколько дней въ Цюрихъ, онъ вновь отправился въ Дунайскія княжества, откуда вернулся въ сентябрѣ [9]), и затѣмъ переѣхалъ, вмѣстѣ съ другими, въ Бернъ [10]). По-

---

[1]) Дѣло 1872, № 71, ч. I, л. 37 об.; 1872 г. № 80; 1872, № 175, л. 70—по 3 эксп.; Швейц. агент. 1872, №№ 30 и 22; 1873, № 81.
[2]) Секретн. свѣд. 1872, № 137.
[3]) Швейцарская агентура—1872, № 36 и 40.
[4]) Ibid. 1872, № 36.
[5]) Ibid. 1872, № 42.
[6]) Ibid. 1873, №№ 80 и 81; Секретн. свѣд. 1873, № 322.
[7]) Швейцарская агентура—1873, № 126.
[8]) Секретн. свѣд. 1873, № 322.
[9]) Швейцарская агентура—1873, № 123.
[10]) Ibid. 1873, № 105.

слѣ ареста Нечаева, онъ не перешелъ къ Бакунину, но сдѣлался сторонникомъ Лаврова, который довѣрялъ ему, и одно время, только одного его пускалъ въ типографію журнала «Впередъ»[1]). Бакунина онъ не считалъ «серьезнымъ революціонеромъ, но вѣтреннымъ старикомъ, мало знающимъ, мало работающимъ, но все таки стоящимъ головой выше другихъ дѣятелей на пользу отечества»[2]). Въ изданіи «Впередъ» принималъ онъ живое участіе и помогалъ Лаврову[3]). По лавровской же программѣ, онъ задумывалъ издавать самъ новый революціонный журналъ, на народномъ русскомъ языкѣ. Смирновъ былъ не только наиболѣе способнымъ и энергическимъ дѣятелемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вліятельно пропагандировавшимъ идею о народнической программѣ и необходимости «хожденія въ народъ»[4]). Уѣзжая, въ февралѣ 1874-го года, изъ Цюриха, Лавровъ оставилъ ему инструкціи и наблюденіе за окончаніемъ печатанія «Впередъ», и звалъ къ себѣ въ Лондонъ, куда вслѣдъ за нимъ онъ позднѣе отправился[5]). Выдающееся его положеніе среди эмиграціи имѣло однако печальныя для него послѣдствія, ибо изъ за споровъ между «бакунинцами» и «лавровцами»—за преобладающее вліяніе въ русской библіотекѣ, «бакунинцы», 26 марта 1873 г. сдѣлали на него, въ его квартирѣ, нападеніе, а именно Ваховскій, Сажинъ, Гольштейнъ, Соколовъ, Ралли и Святловскій, и сильно его избили[6]), о чемъ уже говорено выше[7]). Въ 1874 году, правительство вызывало его обратно въ Россію, но онъ на вызовъ не явился. Въ позднѣйшее время, Смирновъ проживалъ болѣе всего въ Лондонѣ, но часто пріѣзжалъ въ Парижъ[8]). Въ 1882-мъ году, онъ былъ избранъ (въ февралѣ мѣсяцѣ) русскими эмигрантами въ Швейцаріи, для поѣздки въ Россію, съ цѣлью совершенія политическихъ убійствъ, для чего его должны были снабдить американскимъ паспортомъ[9]).

Соколовъ, Николай Васильевичъ, отставной подполковникъ генеральнаго штаба. Въ 1869 году, напечаталъ

---

[1]) Секретн. свѣд. 1873, № 332.

[2]) Ibid. 1873, № 97.

[3]) Швейцарская агентура—1873, №№ 118 и 125.

[4]) Секретн. свѣд. 1872, № 137.

[5]) Швейцарская агентура—1874, №№ 162, 167 и 171.

[6]) Дѣло № 491, 1873 г., л. 16; № 492, 1873 г., л. 48 об.; Швейцарская агент. 1873, № 101; Секретн. свѣденія, 1873, №№ 93, 97 (письмо Пантелѣевой), 181 (письмо Берладской), и 104.

[7]) См. выше стр. 58.

[8]) Дѣло № 276, 1880 г. по 3 эксп.

[9]) Дѣло № 73, ч. 7, 1881 года, л. 52.—См. о немъ, тоже, выше, стр. 21, 42. 50—53, 56, 57. 61, 63, 64, 68, 75, 82, 83, 90, 92, 94, 103, 105, 113, 134, 137, и ниже, 144.

брошюру «Отщепенцы», заключавшую въ себѣ порицаніе православной вѣры и возбужденіе къ неповиновенію власти, а также отрицаніе права собственности,— за что онъ былъ преданъ суду с.-петербургской судебной палаты, и присужденъ къ заключенію въ Петропавловскую крѣпость, на годъ и 4 мѣсяца [1]). Вслѣдствіе предосудительнаго поведенія подъ арестомъ, онъ, по окончаніи срока заключенія, былъ высланъ въ г. Красный-Яръ, астраханской губерніи, откуда просилъ разрѣшить ему переселиться въ Сѣверо-Американскіе Штаты, въ чемъ ему было отказано. 14 октября 1872-го года, онъ бѣжалъ изъ Краснаго-Яра, за границу [2]), и поселился въ Женевѣ. Тутъ пріобрѣлъ онъ вскорѣ извѣстное положеніе среди эмиграціи, и напечаталъ новое изданіе «Отщепенцевъ», которое проникло въ Россію [3]). Въ 1873 году, онъ проживалъ въ Цюрихѣ, гдѣ участвовалъ, 26 марта, въ избіеніи Валеріана Смирнова [4]), и полиція приказала ему оставить городъ. Въ 1874 году, его вызывало въ Россію правительство, но на вызовъ онъ не явился. Въ 1877 году, онъ проживалъ въ Англіи, занимаясь устройствомъ сношеній анархистовъ съ Россіею [5]). Въ 1878 году, къ нему пріѣзжали изъ Испаніи карлистскіе делегаты, съ предложеніемъ принять командованіе бригадою въ инсуррекціонныхъ войскахъ, противъ короля Альфонса. Въ августѣ 1881-го года, онъ проживалъ въ Парижѣ, гдѣ зимою, съ 1881 на 1882 г. считался весьма виднымъ членомъ русскаго террористическаго кружка [6]).

***Стамо**, Марья, прибыла въ Цюрихъ изъ гор. Кишинева, осенью 1873 г., и слушала лекціи по философскому отдѣленію [7]).

Старцевъ, эмигрантъ въ Цюрихѣ, Женевѣ [8]) и Парижѣ.

***Степанова**, Марья, изъ Вязьмы, дочь священника. Въ Цюрихѣ, принадлежала къ кружку «бакунинцевъ» и слушала лекціи по медицинскому факультету. Жила въ одномъ домѣ, вмѣстѣ съ агитаторами—Гольштейномъ и Ралли. Вернувшись по вызову правительства, она, въ январѣ 1875 года, ходатайствовала у попечителя с.-пе-

---

[1]) Дѣло № 441, 1878 года, л. 2—3.

[2]) Кажется, черезъ Сибирь; см. Швейц. агент. 1872, № 28.

[3]) Секретн. свѣд. 1872, № 137.

[4]) См. выше, стр. 58 и 143; Швейц. агент. 1873, № 101; Секретн. свѣд. 1873, №№ 93 и 181.

[5]) Дѣло № 14, ч. 1, 1879 г., л. 12.

[6]) Дѣло № 73, ч. 7, 1881 года, л. 4; № 276, 1880-го года; № 364, 1881 г. См. тоже о немъ, выше, стр. 54, 58, 68 и 143, и ниже, стр. 149 и 153.

[7]) Дѣло № 215, 1872, ч. 1, л. 79 и 200; см. о ней выше, стр. 107.

[8]) См. о немъ выше, стр. 27 и 118.

тербургскаго учебнаго округа о выдачѣ ей свидѣтельства на право начальнаго обученія въ частныхъ домахъ [1]).

Степановъ, эмигрантъ, бѣжавшій изъ Россіи черезъ м. Гусятинъ и Галицію, прибылъ въ Цюрихъ, въ мартѣ 1873 года [2]).

Струковъ, прибылъ въ Цюрихъ въ декабрѣ 1873 года. Сошелся съ Лавровымъ и участвовалъ въ наборѣ второй книги журнала «Впередъ». Лавровъ приглашалъ его съ собою въ Лондонъ, въ январѣ 1874 г. [1]).

***Субботина**, Евгенія Дмитріевна, родилась въ 1854-мъ году, дочь штабсъ-капитана, дворянка елецкаго уѣзда, орловской губерніи (села Подъергольскаго), сестра Марьи и Надежды Субботиныхъ, осужденныхъ по политическимъ преступленіямъ. Первоначально воспитывалась въ 1-й московской женской гимназіи, но позднѣе переѣхала въ Цюрихъ (гдѣ посѣщала лекціи медицинскаго отдѣленія), ѣздила въ Вѣну, гдѣ тоже слушала лекціи медицины, записавшись одновременно на двухъ университетахъ (въ іюлѣ 1873 г.); позднѣе же, переѣхала въ Женеву. Вернувшись по вызову правительства въ Москву, начала дѣятельно заниматься пропагандою, была арестована въ 1875-мъ году, привлечена къ дознанію, судима по дѣлу о пропагандѣ въ четырехъ губерніяхъ (дѣло 50-ти), и приговорена къ лишенію особыхъ правъ и къ ссылкѣ на житье въ иркутскую губернію. Здѣсь поселена она была въ селѣ Тункинскомъ, иркутскаго округа, но послѣ попытки къ бѣгству, переведена, въ 1879 году, въ г. Верхоленскъ.

***Субботина**, Марья Дмитріевна, родилась въ 1856-мъ году, сестра предыдущей, воспитывалась въ первой московской женской гимназіи, откуда, по окончаніи курса, выѣхала за границу, въ 1872 году, и слушала лекціи въ цюрихскомъ университетѣ (на философскомъ отдѣленіи); была членомъ бакунинскаго «Соціально-демократическаго общества» и вообще стояла близко къ кружку главныхъ революціонеровъ, будучи въ тѣсной связи съ эмигрантомъ Лобовымъ. Послѣ вызова правительства, перешла въ парижскій университетъ; затѣмъ, вернувшись въ Россію, она дѣятельно предалась дѣлу пропаганды, вмѣстѣ съ Лидіею Фигнеръ и Ольгою Любатович, а также въ имѣніи матери своей, селѣ Бѣломѣстномъ, курской губерніи, ново-оскольскаго уѣзда. 30-го ноября

---

[1]) Швейцарская агентура—1874, №№ 152, 154 и 156. См. тоже выше, стр. 63.

[1]) Секрети. свѣд. 1873, № 179.

[2]) Швейцарск. агент. 1873, № 80.

1876 года, она была предана суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената (дѣло о 50-ти), и приговоромъ 14-го марта 1877 года, лишена всѣхъ особенныхъ правъ, со ссылкою на житье въ томскую губернію. Государь Императоръ Всемилостивѣйше смягчилъ это наказаніе—высылкою ея въ самарскую губернію. Она была поселена въ г. Новоузенскѣ, гдѣ продолжала сношенія съ дѣятелями пропаганды и тамъ же, 8-го февраля 1878 г., умерла.

***Субботина**, Надежда Дмитріевна, сестра предыдущихъ, родилась въ 1857 году, въ замужствѣ за государственнымъ преступникомъ Мокіевскимъ-Зубокъ, воспитывалась первоначально въ 1-й московской женской гимназіи, но курса не окончила. Въ 1872 году, отправилась, вмѣстѣ съ обѣими сестрами въ цюрихскій университетъ, гдѣ слушала лекціи по философскому факультету. По вызову правительства, вернулась въ Россію, въ 1874 году, и поселилась въ тетюшскомъ уѣздѣ, казанской губерніи, вблизи Лидіи Фигнеръ, семейство которой имѣло тамъ небольшое имѣніе. Образъ жизни ея здѣсь и поведеніе обратили на себя вниманіе мѣстнаго начальства, и она переѣхала въ Орелъ, вмѣстѣ съ Фигнеръ, въ сентябрѣ 1874 года; потомъ жила въ имѣніи матери, откуда пропагандировала въ елецкомъ и ливенскомъ уѣздахъ. 23-го сентября того же года, она была арестована, вмѣстѣ съ Фигнеръ, и заключена въ елецкій тюремный замокъ. Въ цѣляхъ своихъ и дѣятельности по пропагандѣ, она созналась на допросахъ, но по Высочайшему повелѣнію 19-го февраля 1876 года, Всемилостивѣйше была освобождена отъ преслѣдованія. Еще прежде помилованія, она, будучи выпущена изъ подъ стражи, отправилась въ Одессу, гдѣ сдѣлалась участницею въ дѣятельности мѣстныхъ революціонерныхъ силъ, и была въ близкихъ сношеніяхъ съ Гесси Гельфманъ (цареубійцею). Затѣмъ она судилась по дѣлу о пропагандѣ (дѣло 50-ти) и была приговорена, 14-го марта 1877 г., къ ссылкѣ на житье въ томскую губернію, безъ лишенія, по несовершеннолѣтію, правъ и преимуществъ. Въ сентябрѣ 1877 года, она была поселена въ гор. Нарымѣ, а по болѣзненному состоянію, черезъ годъ, переведена въ г. Каинскъ, а въ іюлѣ 1880 года — въ Томскъ [1]).

Сулѣевы—два брата, члены «Общества мстителей «за Нечаева». Бѣжали изъ Россіи весною 1873-го года Внесли 4000 франковъ залога за Ралли послѣ устроен-

[1]) О ней см. выше, стр. 103 и 115.

наго имъ нападенія на Степняковскаго [1]). Были членами Славянской секціи Интернаціонала [2]).

Сумбатовъ, Александръ, изъ Закавказья, студентъ въ Цюрихѣ; одинъ изъ основателей политическаго грузинскаго общества «Ярмо» [3]).

Сурынинъ, эмигрантъ въ Цюрихѣ, приближенный Нечаева [4]).

***Суслова**, Надежда; см. **Эрисманъ-Суслова**.

Сухинъ, Николай, полтавскій уроженецъ, студентъ въ Цюрихѣ (1873—1874), перешедшій потомъ въ Мюнхенъ, членъ нечаевскаго общества, въ которомъ имѣлъ столкновеніе съ Лакіеромъ; состоялъ корреспондентомъ Лобова [5]).

***Сушина**, Надежда, изъ Казани, дѣвица, посѣщала курсы анатоміи еще въ казанскомъ университетѣ. Въ маѣ 1872-го года, выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ поступила на философское отдѣленіе. Состояла наборщицею при изданіи Лавровымъ журнала «Впередъ», но отказалась ѣхать за нимъ въ Лондонъ. Весною 1874 г. вернулась въ Россію [6]).

***Терещенко**, Матрена, дѣвица, изъ Харькова; слушала въ Цюрихѣ лекціи по медицинскому факультету.

***Тищенко**, Вѣра, дѣвица, изъ Тифлиса; слушала въ Цюрихѣ лекціи по философскому отдѣленію.

Ткачевъ, Петръ Никитичъ, дворянинъ, род. 1853 г., уроженецъ псковской губерніи, великолуцкаго уѣзда. Свѣдѣнія о политическомъ дѣлѣ, по которому онъ былъ преданъ суду с.-петербургской судебной палаты, изложены выше [7]). По отбытіи срока тюремнаго заключенія, онъ былъ водворенъ на жительство въ Великихъ-Лукахъ, подъ надзоръ полиціи. Тамъ женился онъ на мѣщанкѣ Александрѣ Дементьевой, и затѣмъ воспользовавшись даннымъ ему разрѣшеніемъ—отлучаться изъ города въ имѣніе своей матери, 18 августа 1873-го года, бѣжалъ за границу. Побѣгъ былъ обставленъ всевозможными предосторожностями и обнаружился лишь тогда, когда онъ прислалъ, изъ Кёнигсберга, женѣ своей, а также мировому судьѣ Непенину, письма съ извѣстіемъ, что онъ навсегда оставилъ Россію [1]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, онъ пріѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ былъ радушно принятъ

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 80.

[2]) См. тоже о немъ выше, стр. 50 и 133.

[3]) См. выше, стр. 93 (Гурамова, Ольга).

[4]) Швейцарск. агент. 1870, № 29; 1871, №№ 95 и 99.

[5]) Ibid. 1873, №№ 105, 117, 124, 134 и 136; Секретныя свѣд. 1873, №№ 93 и 357.

[6]) О ней см. выше, стр. 61.

[7]) См. т. I, настоящаго изслѣдованія,—стр. 260, 261, 682 и 1196 (въ рукописи).

Лавровымъ [2]), и оставался послѣ его отъѣзда, занимаясь окончаніемъ 2-й книжки «Впередъ» [3]), а въ мартѣ, выѣхалъ къ Лаврову, въ Лондонъ [4]). Въ 1874 году, его вызывали въ Россію, но онъ не явился на зовъ правительства. Весною 1875 года, онъ былъ въ Женевѣ, и выдавалъ себя за делегата, уполномоченнаго отъ существовавшаго будто тогда въ Россіи «тайнаго комитета», и уѣхалъ въ этомъ званіи въ Лондонъ [5]). Въ 1875-мъ году, онъ началъ издавать газету и журналъ «Набатъ» (вмѣстѣ съ П. Гренко и Турскимъ), въ числѣ 1500 экз. Позднѣе имъ изданы: «Анархія мысли» (1875), «Капиталъ и трудъ», Лассаля (1875), «О сущности конституціи», Лассаля, «Гласный «Совѣтъ Центральному Комитету», Лассаля, «Матеріа«лизмъ и идеализмъ въ политикѣ» (1878), «Община и «государство» Чернышевскаго (1878), и «Интернаціоналъ «и революція» (переводъ съ франц. Женева, 8°,1876). Въ 1878 году, вмѣстѣ съ Людвикомъ Родали, бывшимъ генераломъ парижской коммуны,—Врублевскимъ, и эмигрантами—Григорьевымъ и Турскимъ, Ткачевъ былъ однимъ изъ вожаковъ нигилистическаго «отдѣла дѣйствія» тождественнаго, по направленію, съ тайнымъ интернаціональнымъ «союзомъ политическихъ убійствъ», выдѣлившимся изъ русскаго «союза освобожденія» и польскаго революціоннаго «союза Огинскаго». Газета «Набатъ» восхваляла Геделя, Нобилинга и ихъ послѣдователей, оправдывала покушенія и политическія убійства. Въ 1879-мъ году, когда ожидалось прибытіе Государя Императора въ Эмсъ, русскіе соціалисты, проживавшіе въ Женевѣ, имѣя во главѣ Ткачева, посылали въ Эмсъ сына эмигранта Тицъ, съ цѣлью ознакомиться точно съ мѣстными условіями; средства на поѣздку даны были Ткачевымъ. Въ 1880 и 1881 гг., онъ проживалъ въ Парижѣ, гдѣ состоялъ сотрудникомъ революціоннаго журнала: «Ni Dieu, ni Maitre» [6]).

***Томашевичъ**, Анна, дочь подполковника, начальника жандармскаго управленія ломжинскаго и мазовецкаго уѣзда, родилась въ 1853 году, католичка, воспитывалась въ варшавскомъ частномъ пансіонѣ. Выѣхала въ Цю-

---

[2]) Дѣло № 109, 1869 года, ч. 3, л. 39, 45, 62 и 68, по 3 экспед. Въ 1875 году, разрѣшено женѣ его ѣхать къ нему, съ тѣмъ, чтобы она болѣе въ Россію не возвращалась.

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 154.

[4]) Швейцарская агентура—1874, № 156.

[5]) Ibid 1874, №№, 174, 171, 167 и 158. Въ журналѣ «Впередъ» была помѣщена статья его: «Отвѣтъ Ткачева Лаврову», вышедшая тоже отдѣльными оттисками.

[6]) Дѣло № 35, 1875, л. 9, по 3-й экспед.

[6]) Дѣло № 276, 1880 года, л. 233; № 73, ч. 7, 1881 года, л. 3; № 194. 1880 г.; № 14, 1879 года, ч. 1, л. 78 и 79 об.; № 262, 1878 г. л. 20 и 21.—См. о немъ, тоже выше, стр. 63, 68, 86, и ниже, 155.

рихъ въ сентябрѣ 1871 году, гдѣ изучала медицину, а послѣ вызова правительства, осталась тамъ же; позднѣе, въ 1877 году, получила дипломъ доктора медицины, хирургіи и акушерства. Въ 1878-мъ году, подполковникъ Томашевичъ ходатайствовалъ о допущеніи его дочери къ медицинскому экзамену при медико-хирургической академіи, въ видѣ милости, такъ какъ дочь его не явилась по вызову въ срокъ. Шефъ-жандармовъ, 12-го октября 1879 года, изъявилъ на это согласіе. Затѣмъ, выдержавъ испытаніе, Томашевичъ поселилась въ Варшавѣ, гдѣ и практикуетъ въ настоящее время.

***Топоркова**, Анна Григорьевна, изъ Москвы, родилась въ 1853-мъ году, дочь цѣховаго, позднѣе—въ замужествѣ за инженеръ-технологомъ Горевымъ; воспитывалась въ 1-й московской женской гимназіи, гдѣ получила званіе домашней учительницы. Въ Цюрихѣ, слушала курсъ медицинскихъ наукъ, состояла членомъ «Славянской секціи» Интернаціонала. Послѣ вызова правительства, оставила Цюрихъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1873-го года, но переѣхала въ Бернъ. Была членомъ «Славянскаго отдѣла» Интернаціонала, состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ эмигрантами—Смирновымъ и Розаліей Идельсонъ. Вернувшись въ Россію, ходатайствовала, въ октябрѣ 1874 г., о поступленіи на акушерскіе курсы медико-хирургической академіи, на что не послѣдовало согласія шефа-жандармовъ. Въ послѣдствіи, Топоркова принимала дѣятельное участіе въ пропагандѣ, была арестована 9-го августа 1875 года, въ с. Ивановѣ-Вознесенскомъ, и по дѣлу о 50-ти, приговорена Особымъ Присутствіемъ Сената, въ 1877 году, къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 4 года. Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго ходатайства сестры ея, Софьи, Государь Императоръ Всемилостивѣйше разрѣшилъ освободить ее изъ заключенія, съ отдачею подъ строгій надзоръ полиціи. Она избрала тогда мѣстомъ жительства Петербургъ, но въ 1880-мъ году, признано нужнымъ обязать её подпискою о нежительствѣ въ столицахъ и городахъ: Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Варшавѣ. Въ мартѣ 1880 г., находилась въ московскомъ тюремномъ замкѣ и, по распоряженію главнаго начальника Верховной Распорядительной Коммисіи, предназначалась къ высылкѣ въ Восточную Сибирь [1]).

Трусовъ, Антонъ, братъ отставнаго коллежскаго совѣтника Болеслава Трусова [2]). Свою революціонную карь-

[1]) См. о ней же, выше, стр. 50 и 54.

[2]) Судившагося по каракозовскому дѣлу и присужденнаго къ содержанію въ крѣпости, въ теченіи 8 мѣсяцевъ (см. т. I, л. 1423, настоящаго изслѣдованія, въ рукописи). См. о немъ же выше, стр. 21.

еру началъ онъ личнымъ участіемъ въ польскомъ мятежѣ 1863-го года [1]); затѣмъ бѣжалъ, и съ 1869 года, поселился въ Швейцаріи [2]). Въ Парижѣ, вмѣстѣ съ Нечаевымъ, онъ посѣщалъ политехническую школу; принадлежность его къ «нечаевцамъ», подтвердилась нахожденіемъ его адреса въ бумагахъ Александровской [3]). Въ январѣ мѣсяцѣ 1870, онъ сопровождалъ послѣднюю изъ Швейцаріи до русской границы, и самъ намѣревался пробраться въ Россію [4]). Въ Швейцаріи, состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Нечаевымъ и Бонгаромъ [5]), занимался изданіемъ «Народнаго Дѣла», органа бакунинцевъ [6]), и поручилъ Владиміру Лебедеву—собирать матеріалы для этого изданія въ Россіи [7]). Одно время, онъ былъ секретаремъ Славянской секціи Интернаціонала [8]). Въ Женевѣ онъ, вмѣстѣ съ Касаткинымъ, въ мартѣ 1870-го г., устраивалъ сходки въ Café Helvétique, rue des Grottes [9]), сносился съ княгинею Зоею Сергѣевною Оболенскою, рожд. Сумароковою [10]), записался въ массонскую ложу [11]), участвовалъ въ банкетѣ 200 соціалистовъ въ Женевѣ, 18 января 1870-го года, въ Hôtel Victoria [12]); писалъ осенью 1871 года, какую-то прокламацію, подъ заглавіемъ: «La Potence» («Висѣлица»), съ польскимъ переводомъ [13]); принималъ участіе въ проэктѣ изданія польскимъ эмигрантомъ Мрочковскимъ [14]) польской революціонной газеты «Praca» («Работа»); но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опасался обыска швейцарской полиціи [15]). Съ Нечаевымъ, въ Швейцаріи, произошла у него размолвка, такъ что послѣдній не сталъ довѣрять ему, и запретилъ давать на руки его (нечаевскія) прокламаціи [16]), можетъ

---

[1]) По показанію Гринберга, задержаннаго, въ 1881-мъ году, въ Бѣлградѣ.

[2]) Дѣло № 239,—1878 г., ч. 1, л. 39.

[3]) Дѣло № 115,—1869 г., ч. 24, л. 188.

[4]) Ibid. л. 187.

[5]) Дѣло № 85, 1870 г., л. 13.

[6]) Швейцарская агентура—1870, № 6.

[7]) Дѣло № 175, 1872 г., л. 22 об.

[8]) Дѣло № 356, 1873 г., л. 4.

[9]) Швейцарская агентура—1870, № 19.

[10]) Ibid. 1870, №№ 1, 2 и 15.—Онъ ѣздилъ къ ней въ Тононъ (Thonon), гдѣ она скрывалась одно время.

[11]) Ibid. 1870, № 6.

[12]) Ibid. 1870, № 3.

[13]) Ibid. 1871, № 91.

[14]) Постояннымъ спутникомъ княгини З. С. Оболенской, за котораго она недавно вышла за мужъ (см. выше, стр. 127).

[15]) Швейцарская агентура—1870, № 6.

[16]) Ibid. 1870, № 11.

быть за то, что въ «Народномъ Дѣлѣ», Трусовъ однажды неодобрительно о немъ отозвался [1]). Во время агитаціи по поводу обыска у Утина [2]), Трусовъ изготовилъ, вмѣстѣ съ Эльпидинымъ и Мечниковымъ, обличительную брошюру противъ швейцарскаго правительства [3]). Въ апрѣлѣ 1870 года, онъ состоялъ главнымъ сотрудникомъ Бакунина по организаціи особой Славянской секціи (бакунинской) Интернаціонала, писалъ и разсылалъ воззванія къ славянскимъ народамъ, съ протестами противъ имперіализма во Франціи [4]), а позднѣе, осенью 1872 года, посылалъ въ Россію прокламаціи отъ бакунинскаго Соціально-демократическаго общества [5]); корреспондировалъ съ Мѣрославскимъ [6]), вербовалъ соціалистовъ въ Цюрихѣ [7]), ѣздилъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1872 г., въ Вѣну по дѣламъ Нечаева [8]), приготовлялъ къ печати (при содѣйствіи книгопродавца Georg'a) книгу: «Biographies «des martyrs pour la liberté» [9]); въ маѣ 1873 года, снялъ съ однимъ товарищемъ Café Helvétique, въ Женевѣ, для удобства сборищъ русскихъ революціонеровъ [10]); состоялъ, наконецъ, въ тѣсной дружбѣ съ самымъ ярымъ членомъ Интернаціонала, Арманомъ Гёгъ (Armand Goegg) [11]). Въ 1874-мъ году, Трусовъ вызывался правительствомъ изъ за границы, но на вызовъ онъ не явился. Въ 1881 году, онъ находился въ Парижѣ, гдѣ содержалъ русскую типографію, въ которой, въ августѣ 1881-го г., печаталъ журналъ «Общее Дѣло» [12]). За послѣднее время, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, типографія его находится въ Женевѣ, при чемъ она, имѣя запасъ шрифта, занимается только наборомъ произведеній революціонной печати, а затѣмъ наборъ этотъ разсылается его единомышленникамъ для оттиска [13]).

*Туманова, Екатерина Борисовна, дѣвица, армянка, прибыла въ Цюрихъ изъ Одессы, гдѣ слушала лекціи по медицинскому факультету. Послѣ вызова правительства, перешла въ парижской университетъ [14]).

---

[1]) Ibid. 1870, № 2.
[2]) См. выше, стр. 19.
[3]) Ibid. 1872, № 11.
[4]) Секретн. свѣд. 1872, № 416.
[5]) Швейцарская агентура—1872, № 70.
[6]) Ibid. 1872, № 24.
[7]) Ibid. 1872, № 70.
[8]) Ibid. 1872, № 16.
[9]) Ibid. 1871, № 85.
[10]) Ibid. 1873, № 104.
[11]) Ibid. 1873, № 120.
[12]) Дѣло № 73 (7), 1881 г., л. 5.
[13]) Дѣло 1878 г. № 239, ч. 1, л. 39, по 3-й экспед. См. о немъ тоже, выше, стр. 4, 5, 8 и 68.
[14]) Дѣло № 215—1872, ч. 1, л. 79 и 185. См. о ней же, выше, стр. 50, 52 и 115.

***Туманова**, Репсимія Борисовна, сестра предыдущей, армянка, изъ Одессы, дочь штабсъ—ротмистра, помѣщика ѳеодосійскаго уѣзда. Въ Цюрихѣ, посѣщала лекціи по философскому отдѣленію; принадлежала къ самымъ радикальнымъ кружкамъ эмиграціи, между прочимъ, къ обществу «мстителей за Нечаева» (вмѣстѣ съ Хардиною и др.). Послѣ вызова правительства, осталась въ Цюрихѣ, но въ концѣ 1875 года, вернулась въ Россію, и какъ ослушница приказаній правительства, была лишена права на полученіе какой либо должности. Въ 1876 году, переѣхала въ Москву. Въ 1879 году, участвовала въ попыткѣ освободить нѣкоторыхъ политическихъ преступниковъ (въ томъ числѣ Мышкина) изъ ново-бѣлгородской тюрьмы, при чемъ она дѣйствовала по порученію Сердюковой и Перовской, за что временнымъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ была выслана въ Восточную Сибирь, въ тункинскій округъ. Въ томъ же году, она ходатайствовала о вступленіи въ бракъ съ политическимъ преступникомъ Кардашевымъ и о разрѣшеніи переписки съ нимъ, въ чемъ ей было отказано. Въ 1880 г. проживала въ Иркутскѣ, а 20 января 1882 года, умерла въ Тункѣ, иркутской губ. [1]). Оставила послѣ себя письменныя «Воспоминанія».

Тумановъ, родной братъ обоихъ предыдущихъ, студентъ въ Цюрихѣ, въ 1873—1874 г. [2]).

Турскій, Касперъ, бывшій студентъ харьковскаго университета [3]), род. въ 1847 г.; первоначально воспитывался въ Одессѣ, въ пансіонѣ Касри, католикъ, полякъ, сынъ помѣщика тираспольскаго уѣзда, херсонской губерніи Будучи еще въ пансіонѣ, съ товарищемъ своимъ, Каньскимъ, намѣревался бѣжать, и во время польскаго мятежа, поступить въ одну изъ шаекъ, для чего ими были добыты деньги, паспорты и револьверы. Попытка эта не удалась, онъ былъ отданъ на попеченіе родителей, жившихъ въ Харьковѣ, гдѣ и поступилъ въ университетъ. Находясь подъ надзоромъ полиціи, онъ, въ 1867-мъ году, самовольно отправился въ Одессу, вслѣдствіе чего высланъ былъ, подъ надзоръ полиціи, въ архангельскую губернію, откуда онъ бѣжалъ, въ 1869 году, за границу,

---

[1]) См. «Календарь Народной Воли», на 1883 г., подъ 20 января.

[2]) Швейцарская агентура—1873, №№ 80, 121, 131, 133, 143.

[3]) Младшій братъ его, тоже студентъ харьковскаго университета, былъ замѣшанъ, въ 1872 году, по одному политическому дѣлу. Онъ былъ корреспондентомъ его по пропагандѣ въ Россіи (Швейцарская агентура—1872, № 40).

во Францію, чрезъ Константинополь [1]). Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ участвовалъ въ коммунѣ 1871-го года, въ составѣ польскихъ ея дѣятелей, въ качествѣ адъютанта полковника Евгенія Компанекаго [2]), съ которымъ онъ навсегда остался въ близкихъ отношеніяхъ, принадлежа къ краснымъ польскимъ радикаламъ. Турскій подалъ, въ Парижѣ, проэктъ убійства Владислава Чарторыжскаго и главныхъ членовъ бѣлой партіи. Большинство польскихъ радикаловъ не согласилось, однако, на этотъ проэктъ, заявивъ, что это было бы доказательствомъ тяжкой неблагодарности относительно Франціи, за гостепріимство ея полякамъ; но несмотря на этотъ протестъ, Турскій устроилъ, съ этою цѣлью, какой-то тайный польскій трибуналъ, который, однако, ничего не сдѣлалъ, такъ какъ коммуна вскорѣ была подавлена, и самъ Турскій бѣжалъ тотчасъ послѣ ея паденія, въ Швейцарію. Но всѣ бумаги этого «трибунала» достались въ руки Чарторыжскаго и имъ переданы гр. Платеру, для храненія въ Рапперсвилѣ, въ его польскомъ музеѣ [3]). Въ Парижѣ, Турскій, вмѣстѣ съ Нечаевымъ, одно время посѣщалъ политехническую школу. Послѣ коммуны, онъ былъ приговоренъ къ смерти, но ему удалось опять тайно поселиться подъ Парижемъ и участвовать въ редакціи газеты Révolution Sociale; онъ намѣревался тоже издавать подъ Берлиномъ тайную газету—«Sturmglocke», въ какомъ нибудь казенномъ помѣщеніи, дабы не быть заподозрѣннымъ [4]). Пріѣхавъ въ Швейцарію, онъ поселился въ Цюрихѣ, гдѣ на него, вмѣстѣ съ Смирновымъ, какъ людей опытныхъ въ революціонномъ дѣлѣ, было возложено порученіе образовать въ Германіи секцію Славянскаго соціально-демократическаго общества [5]), однимъ изъ основателей котораго онъ состоялъ [6]), былъ также и членомъ его совѣта [7]); онъ же писалъ и уставъ его [8]). Въ 1871 году, онъ записался въ Цюрихѣ на политехникумъ [9]) только для видимости, чтобы скрыть слишкомъ рѣзкую революціонную свою дѣятельность. Россію онъ ненавидѣлъ съ двоякой точки зрѣнія—русскаго анархиста

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 28, и 1873, № 145.
[2]) Ibid. 1874, №№ 189 и 196.
[3]) Ibid. 1872, № 28.
[4]) Дѣло № 239, 1878 г., т. 1, л. 37 об. и т. 2, л. 61.
[5]) Швейцарская агентура—1872, № 30.
[6]) Ibid. 1872 № 36.
[7]) Ibid. 1872, № 28.
[8]) Ibid. 1872, № 36—черновой, собственноручный автографъ его.
[9]) Ibid. 1871, № 91 и 1872, № 28.

и поляка [1]). Въ Цюрихѣ, жилъ онъ, одно время, вмѣстѣ съ Нечаевымъ [2]), съ паспортомъ на имя—René Albert, съ которымъ не разъ ѣздилъ въ Галицію и Познань [3]). Послѣ ареста Нечаева, онъ помѣстилъ въ газетахъ, въ Женевѣ, и отпечаталъ вмѣстѣ съ Александровымъ и другими, извѣстный памфлетъ: «An das Schweizerische Volk» (въ октябрѣ 1872 года), за что полиція приказала ему выѣхать въ Цюрихъ [4]). Послѣ выдачи Нечаева, онъ принадлежалъ къ «Обществу мстителей» за него [5]), и даже самъ образовалъ террористическій «Comité du Salut Public», просуществовавшій только до января 1873 года [6]), всего нѣсколько мѣсяцевъ, какъ и множество другихъ затѣй цюрихскихъ агитаторовъ. Идея мщенія за Нечаева привела его тоже къ участію въ попыткѣ убійства Стемпковскаго, сдѣланной Витольдомъ Скшинскимъ [7]), послѣ чего Турскій бѣжалъ въ Сербію [8]), и былъ, по слухамъ, во Львовѣ [9]) и Одессѣ [10]). Въ 1874 году, Турскій оставляетъ совсѣмъ Швейцарію, покидаетъ близкую ему студентку Южакову (отправившуюся было за нимъ въ Парижъ), и женится, въ Лондонѣ, на польской эмигранткѣ Ренчевской [11]), беретъ за нею приданое и переѣзжаетъ въ Брюссель [12]). Изъ отношеній его къ польскимъ эмиграціоннымъ дѣятелямъ, слѣдуетъ упомянуть еще о пріятелѣ его, Пленсковскомъ, томъ самомъ, который фанатизировалъ Березовскаго въ то время, когда послѣдній приходилъ ко дворцу Elysée, въ Парижѣ, просить денежнаго пособія на бѣдность [13]). Въ 1873 году, получены были изъ за границы свѣдѣнія о томъ, что Турскій и Серебренниковъ получили отъ общества «Всемірной соціальной революціи», приказаніе

---

[1]) По русски говорилъ онъ лучше, чѣмъ по польски (ibid. 1872, № 28).

[2]) Ibid. 1872 № 7 (январь).

[3]) Ibid. 1872, № 28.

[4]) Ibid. 1872, №№ 68, 71—73; см. выше, стр. 44.

[5]) Ibid. 1873, № 80.

[6]) Ibid. 1873, № 81.

[7]) См. выше, стр. 50.

[8]) Швейцарская агентура—1873, № 80.

[9]) Состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ галицкихъ соціалистовъ, Коперницкимъ (ibid. 1873, № 140).

[10]) Ibid. 1873, №№ 145 и 146.—Еще прежде ѣздилъ онъ въ Лондонъ, по порученію бакунинскаго Славянскаго соціально-демократическаго общества, для переговоровъ съ тамошнею Славянскою секціею (ibid. 1873, № 81).

[11]) Ихъ было двѣ сестры, отличавшіяся крайнимъ направленіемъ.

[12]) Ibid. 1874, №№ 167 и 171.

[13]) Ibid. 1874, № 180.

покуситься на жизнь Государя Императора, и будто, съ этою цѣлью, они предполагали отправиться въ Россію съ подложными паспортами [1]). Спустя четыре года, Турскій, по тому же дѣлу, вновь отправился изъ Женевы въ Россію, послѣ шумныхъ преній съ своими товарищами [2]). Въ 1878 году, Турскій редактировалъ вмѣстѣ, съ Григорьевымъ, въ Монтрё, революціонную газету «Набатъ», выходившую въ Женевѣ; газета эта восхваляла Нобилинга, Геделя и ихъ послѣдователей, оправдывала покушенія на жизнь коронованныхъ Особъ, и угрожала смертью высокопоставленнымъ въ Россіи лицамъ. Органъ этотъ издавался имъ вмѣстѣ съ Людвикомъ Родали и извѣстнымъ генераломъ парижской коммуны,—Врублевскимъ. Въ декабрѣ 1880 года, Турскій проживалъ въ Парижѣ, а въ 1882 году, въ февралѣ, опять въ Женевѣ, гдѣ, на собраніи соціалистовъ, представилъ особаго рода адскія машины, дѣйствующія весьма сильно, при ихъ маломъ объемѣ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Дебогоріемъ—Мокріевичемъ, Эльпидинымъ, Черкезовымъ, Зеньковичемъ и Пекарскимъ, производилъ выборъ лицъ, которые должны были отправиться въ Россію, съ цѣлью совершать политическія убійства. Въ послѣдніе годы, въ эмиграціи, онъ носилъ иногда имя Кузнецова [3]).

Турчинъ, русскій эмигрантъ, пріѣхавшій въ Цюрихъ изъ Флоренціи, въ мартѣ 1871 г., недавно бѣжавшій изъ Россіи. Въ засѣданіи како-то общества «Европейскаго союза» (Union Européenne), онъ предложилъ составить подробный проэктъ по вопросу о возможности успѣшной пропаганды среди рабочаго класса; кромѣ того, онъ составилъ докладъ о соціалистическихъ проявленіяхъ въ Россіи, въ которомъ прямо доказывалъ, что убійство Государя Императора будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на успѣшное развитіе космополитическихъ идей въ Россіи [4]).

Урсати. Семенъ Ивановичъ, род. въ 1847 г., уроженецъ херсонской губерніи, бывшій студентъ медико-хирургической академіи. Здѣсь, вмѣстѣ съ Ткачевымъ и Ралли, онъ былъ дѣятельнымъ агитаторомъ на собраніяхъ, а также на университетскихъ сходкахъ 1869 года. За это

---

[1]) Дѣло № 491—1873 г., по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 272—1877 г., л. 11 и 13.

[3]) Дѣло 1881 года, № 73/7, л. 39 и 52; № 272, 1877 года, л.11, 13, 26—28 и 23 об.; № 276, 1880 года, л. 234; № 441, 1878 г., л. 1 об.; № 262, 1878 года, л. 20 и 21; № 80, 1872 года, л. 45, 97, 178, 143 и 179; № 491, 1873 г.; № 73, 1881 года, л. 7.; № 239, 1878 года, л. 37 об., т. 2, л. 61.—См. о немъ же, выше, стр. 14, 38, 43, 50—52, 58, 128, 132, 140 и 148.

[4]) Швейцарская агентура—1871, №№ 46 и 48.

его исключили изъ академіи, съ лишеніемъ права поступить въ высшее учебное заведеніе въ Россіи, и выслали на родину, въ херсонскую губернію, подъ надзоръ, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы и отлучекъ съ мѣста жительства. Въ январѣ 1870-го года, по случаю смерти отца и переѣзда матери, для леченія болѣзни, въ Николаевъ, ему было разрѣшено переѣхать вмѣстѣ съ нею. Въ январѣ 1871 года, вслѣдствіе весьма одобрительныхъ свѣдѣній о его поведеніи, онъ былъ освобожденъ отъ надзора, но съ воспрещеніемъ жительства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ. На неоднократныя ходатайства его о поступленіи вновь въ высшія учебныя заведенія, онъ получалъ отказы; наконецъ, разрѣшено ему, для этой цѣли, отправиться за границу. Въ февралѣ 1874 года, Урсати выѣхалъ въ Женеву [1]), а потомъ въ Цюрихъ [2]), гдѣ выдавалъ себя пріѣхавшимъ изъ Америки [3]). Переписку свою съ братомъ своимъ Александромъ, онъ велъ чрезъ посредство государственнаго преступника Ковалика. Въ эмиграціи, онъ считался человѣкомъ со средствами и прибылъ въ Швейцарію для совмѣстной дѣятельности съ революціонерами, но засталъ эмиграціонное общество въ то время, когда, оно уже было въ разбродѣ, послѣ вызова студентокъ правительствомъ [4]).

Утинъ, Николай Исааковичъ, сынъ коммерціи совѣтника, богатого с.-петербургскаго откупщика. Состоя, въ 1860—1861 гг., на третьемъ курсѣ историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета, написалъ на заданную отъ факультета тему сочиненіе, за которое награжденъ золотою медалью; но вскорѣ послѣ того, будучи на четвертомъ курсѣ, по дѣлу о безпорядкахъ происходившихъ между студентами, какъ принимавшій въ нихъ участіе, хотя и безъ предумышленнаго намѣренія сопротивляться распоряженіямъ правительства, онъ былъ исключенъ изъ университета, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 4 декабря 1861 года, и отданъ на поруки своему отцу. Лишенный такимъ образомъ права слушать лекціи, онъ продолжалъ заниматься науками дома, и въ 1862-мъ году, во Временной Коммиссіи, учрежденной для управленія дѣлами с.-петербургскаго университета, держалъ экзаменъ на степень кандидата, и удостоенъ этой степени 6-го октября 1862 г. Затѣмъ, въ маѣ 1863 г., при производствѣ дѣла о бывшихъ при-

---

[1]) Швейцарская агентура—1874, №№ 70 и 173.

[2]) Ibid. 1874, № 197.

[3]) Ibid. 1873, № 154; Секретн. свѣд. 1872, № 327.

[4]) Швейцарск. агент.—1873, № 154; см. о немъ выше, стр. 76.

готовленіяхъ къ возстанію въ имѣніи Маріенгаузенѣ, люцинскаго уѣзда, витебской губерніи, Николай Утинъ подвергся со стороны одного изъ привлеченныхъ къ сему дѣлу лицъ, вольнослушателя с.-петербургскаго университета, дворянина Дмитрія Степанова [1]), обвиненію въ распространеніи революціоннаго журнала: «Земля и Воля», вслѣдствіе чего у Утина, проживавшаго тогда въ Петербургѣ, произведенъ былъ, 18-го мая, обыскъ; но онъ успѣлъ еще ранѣе сего тайно скрыться и, какъ оказалось впослѣдствіи,—бѣжалъ за границу [2]). По поводу изложеннаго обвиненія и въ виду бѣгства за границу, Утину объявленъ былъ, въ 1864-мъ году, вызовъ о явкѣ его къ суду, въ Динабургъ, въ теченіи шестимѣсячнаго срока; но такъ какъ онъ не явился, то по распоряженію бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанта Потапова, былъ заочно преданъ суду при динабургскомъ ордонансъ—гаузѣ. По суду этому, Утинъ оказался виновнымъ въ принадлежности къ образовавшемуся въ С.-Петербургѣ, въ 1863 г., революціонному обществу подъ названіемъ «Земля и Воля», въ принятіи на себя распоряженія изданіемъ, отъ имени этого общества, революціоннаго журнала, подъ тѣмъ-же названіемъ— «Земля и Воля», въ сношеніи съ польскимъ революціоннымъ правительствомъ, съ цѣлью содѣйствовать ему въ распространеніи мятежа, и, наконецъ, въ побѣгѣ за границу. Конфирмаціею помощника командующаго войсками виленскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Манюкина, послѣдовавшею по сему дѣлу 27 ноября 1865 года, опредѣлено было: лишить его всѣхъ правъ состоянія и казнить смертью—разстрѣляніемъ, что̀ и исполнить надъ нимъ по поимкѣ или явкѣ его въ отечество; имущество же его, какъ бѣжавшаго за границу и не явившагося по вызову, взять въ опекунское управленіе, а то имущество, которое принадлежитъ ему въ Цар-

---

[1]) Впослѣдствіи, по этому дѣлу, Степановъ сосланъ былъ въ каторжную работу; на основаніи же Всемилостивѣйшихъ повелѣній, онъ въ 1874 г. возстановленъ въ правахъ дворянства, съ дозволеніемъ жительства въ Европейской Россіи, подъ надзоромъ полиціи.

[2]) Въ письмѣ, присланномъ Утинымъ изъ Брюсселя, въ іюлѣ 1863 г., къ отцу, въ С.-Петероургъ, онъ, между прочимъ, писалъ, что 1-го мая этого года, при выходѣ изъ канцеляріи с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, его остановилъ одинъ человѣкъ и объявилъ, что ему угрожаетъ серьезная опасность, ибо его считаютъ революціоннымъ вождемъ. Вслѣдствіе сего, и такъ какъ самъ князь Суворовъ, еще ранѣе сего, выражалъ ему свои подозрѣнія, онъ, будто, рѣшился скрыться за границу.

ствѣ Польскомъ или въ предѣлахъ Сѣверо и Юго-Западнаго края,—конфисковать въ казну. Послѣ бѣгства за границу, Утинъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ вступилъ въ сношенія съ Герценомъ, и скупая его изданія, занимался отправкою ихъ въ Россію. Переѣхавъ въ Швейцарію, онъ сперва сблизился съ Бакунинымъ и сдѣлался массономъ [1]). Жилъ онъ преимущественно въ Женевѣ и Вевэ [2]). Съ Нечаевымъ, онъ не особенно сближался, помогалъ ему деньгами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній скрывалъ отъ него свои прокламаціи [3]). Для процесса объ арестѣ Серебренникова [4]), онъ собралъ до 1800 фр. въ Вевэ. Вмѣстѣ съ Эльпидинымъ, онъ, въ 1871 году, открылъ дешевую кухню [5]) для бѣдныхъ соціалистовъ, но вообще, его не любили въ эмиграціи, считали скупцомъ и называли «жидомъ» [6]): въ январѣ 1872-го года, онъ даже отказался внести обязательный какой-то взносъ въ кассу Интернаціонала [7]). На конгрессѣ въ Гаагѣ, Утинъ представилъ проэктъ о пропагандѣ въ Россіи соціально-революціонныхъ ученій, а въ ноябрѣ 1874 года, на одномъ изъ тайныхъ собраній, въ Цюрихѣ, читалъ полученныя имъ изъ Россіи письма о ходѣ интернаціональной пропаганды въ средѣ русскихъ рабочихъ [8]). Извѣстно также, что Утинъ состоялъ, до 1874 года, въ числѣ основателей и членовъ редакціи интернаціональнаго журнала «Egalité» [9]); вообще, въ средѣ представителей своего общества, занималъ онъ одно изъ первенствующихъ положеній [10]), состоя временно депутатомъ отъ имени всѣхъ славянскихъ членовъ Интернаціонала. По порученію членовъ этого общества, онъ напечаталъ въ «Egalité», свое особое «Résumé du procès Netschaiew, «d'après les journaux russes» [11]). Въ 1872 году, предсѣдательствовалъ въ Женевѣ, въ «Общемъ (Единомъ) Храмѣ» (Temple Unique), вмѣстѣ съ Перрэ (Perret) и Феллоу-

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 6.

[2]) Ibid. 1870, № 29.

[3]) Ibid. 1870, №№ 11 и 19; 1871, № 57. Впослѣдствіи, онъ такъ разочаровался въ Нечаевѣ, что считалъ его прямо агентомъ русскаго правительства (ibid. 1872 г. №№ 6 и 74); см. тоже выше, стр. 44.

[4]) См. выше, стр. 9.

[5]) Швейцарская агентура—1871, № 79.

[6]) Ibid. 1871, № 61 и 1872, № 34,—о ссорѣ съ Эльпидинымъ.

[7]) Ibid. 1872, № 1.

[8]) Ibid. 1874, № 197.

[9]) Ibid. 1872, № 11.

[10]) Ibid. 1872, №№ 15 и 20 (получалъ большія суммы изъ Англіи).

[11]) Ibid, 1871, № 94 («Egalité», 1871, № 22).

сомъ (Fellows), пріѣхавшими изъ Англіи, для экстреннаго собранія женевской секціи [1]). Весною того же 1872 года, послѣдовалъ разладъ его съ Бакунинымъ, дошедшій вскорѣ до явной вражды; съ того времени, Утинъ сталъ одинъ сноситься съ Лондономъ, и пріобрѣлъ еще болѣе самостоятельное положеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, онъ жилъ въ Ивердёнѣ, гдѣ у него былъ произведенъ весьма строгій обыскъ швейцарскими судебными властями, надѣлавшій много шума въ эмиграціи [2]), по подозрѣнію въ участіи въ дѣлѣ фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ ассигнацій [3]). Авторитетъ его выросъ еще болѣе послѣ этого эпизода и вызванной имъ агитаціи; но всё таки, онъ не былъ въ состояніи составить себѣ партіи, и лишь весьма немногіе называли себя «утинцами» [4]); къ тому же, онъ постепенно всё удалялся отъ «русскихъ» дѣлъ, ибо его не считали достаточно радикальнымъ, и посвящалъ свои труды исключительно Интернаціоналу и рабочему вопросу на Западѣ [5]); «бакунинцы» его даже однажды сильно избили [6]).Въ 1873 году,онъ оставилъ изданіе газеты «Egalité», и призналъ газету «Tagwacht» — органомъ Интернаціонала въ Швейцаріи [7]). Въ томъ же году, онъ переѣхалъ въ Лондонъ, жена же его осталась въ Швейцаріи; но три года спустя, во время послѣдней войны, онъ, въ 1877-мъ году, обратился къ Государю Императору со всеподданнѣйшею просьбою, въ коей, выражая раскаяніе въ безумныхъ увлеченіяхъ молодости, просилъ о дарованіи ему Монаршаго помилованія. 9-го декабря 1877 года, Всемилостивѣйше разрѣшено было ему возвратиться въ Имперію, съ тѣмъ, чтобы, по избраніи имъ мѣста жительства, учрежденъ былъ за нимъ строгій полицейскій надзоръ. Въ февралѣ 1880 года, Утинъ прибылъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ женою своею. Впослѣдствіи, онъ ходатайствовалъ о правѣ полученія, въ случаѣ надобности, паспорта на выѣздъ за границу [8]). Онъ умеръ въ 1884-мъ году.

***Ушакова**, дѣвица, уроженка одной изъ южныхъ губерній. Въ 1869 году, привлекалась къ нечаевскому дѣлу.

---

[1]) Ibid. 1872, № 29.
[2]) См. выше, стр. 19—20.
[3]) Ibid. 1872, № 24.
[4]) Ibid. 1872, № 76; подробности о его дѣятельности, тоже въ статьѣ Гижицкаго, въ Моск. Вѣд. 1873, № 13.
[5]) См. выше, стр. 54—55.
[6]) Швейцарская агентура—1872, № 65, см. выше, стр. 20.
[7]) Ibid. 1874, № 155.
[8]) Дѣло № 405,—1880 года.—См. о немъ тоже выше, стр. 4. 5, 19, 20, 44, 51, 53, 54, 65, 68, 93, 101 и 111 и ниже, 151.— Въ 1874 году, онъ вызывался вторично правительствомъ, но на вызовъ не явился.

Пріѣхала въ Цюрихъ изъ Петербурга и принадлежала къ кружку «бакунинцевъ». По вызову правительства она не вернулась, а осталась за границею [1]).

***Фанніантъ**, Доротея (Дора, тоже—Ирина) Леоновна, род. 1852 г., еврейка, дочь достаточныхъ родителей, воспитывалась въ симферопольской женской гимназіи, а затѣмъ въ Одессѣ. Выѣхала, въ 1870-мъ году, изъ Симферополя за границу, безъ согласія родителей, которые, впослѣдствіи, навѣстили её въ Швейцаріи (гдѣ она слушала лекціи медицинскаго факультета), при слухахъ о переходѣ ея въ христіанство. Въ Цюрихѣ, она принадлежала къ крайнимъ кружкамъ революціонной молодежи, но оставила Цюрихъ вслѣдствіе вызова правительства, въ іюлѣ 1873 г., а въ октябрѣ 1876 года, ходатайствовала о принятіи ея на женскіе врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, что и было ей разрѣшено. Впослѣдствіи, въ бытность ея въ Вѣнѣ, она содержалась нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за соціалистическую пропаганду и была выслана изъ предѣловъ Австріи. Въ октябрѣ 1878 года, прибыла въ Парижъ, гдѣ 13 октября, вышла за мужъ за кандидата одесскаго университета, Дмитрія Овсяно-Куликовскаго, сына помѣщика херсонской губерніи, александровскаго уѣзда, тайнаго совѣтника Н. Н. Овсяно-Куликовскаго. Затѣмъ она осталась въ качествѣ эмигрантки за границею [2]).

Фасскій, Мартынъ, русскій еврей, эмигрантъ въ Бернѣ, распродававшій часы, награбленные имъ во время парижской коммуны [3]).

Фейерштейнъ, еврей, изъ Херсона. Въ 1874 году, онъ жилъ въ Швейцаріи, находясь въ сношеніяхъ съ членами Интернаціонала и Славянскаго общества [4]); былъ даже временно прелсѣдателемъ одной изъ его секцій. Въ 1882 году, былъ избранъ русскими анархистами для отправки въ Россію, съ американскимъ паспортомъ, съ цѣлью совершенія политическихъ убійствъ [5]).

***Фигнеръ**, Лидія Николаевна (съ 1878-го года, въ замужствѣ за политическимъ ссыльнымъ Стахевичемъ), изъ Казани, дочь штабсъ-капитана, бывшаго мироваго посредника тетюшскаго уѣзда (въ 1870 году), владѣльца неболь-

---

[1]) Дѣло № 215—1872-го года.ч. I, л. 81 и 111; розыскивалась по циркуляру бывшаго III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, отъ 18 іюля 1872, № 1557.

[2]) Дѣло № 215, 1872 года,ч. II; см. о ней же, выше, стр. 52 и 54.

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 105.

[4]) Дѣло № 35—1875 г., л. 8, по 3-й экспед.

[5]) Дѣло № 73, 1881 г., ч. 7, л. 52. См. о немъ же, выше, стр. 54.

шаго имѣнія (дававшаго около 2000 рублей дохода), сельца Никифорова; воспитывалась первона чально, ва казенный счетъ, въ Родіоновскомъ институтѣ, въ Казани, откуда вышла въ 1871-мъ году, вмѣстѣ съ сестрою своею, Вѣрою (Филипповою); затѣмъ стала посѣщать лекціи анатоміи и близко познакомилась со студенческимъ обществомъ и профессоромъ Лесгафтомъ, съ которымъ вошла въ любовную связь. Послѣдній, по крайне политической неблагонадежности, долженъ былъ вскорѣ оставить профессуру и переѣхать въ Петербургъ, куда и Фигнеръ за нимъ послѣдовала. Въ 1872 году, вмѣстѣ съ сестрою Вѣрою, она отправилась въ Цюрихъ, побывала короткое время въ Бернѣ и Женевѣ, а затѣмъ вернулась въ Цюрихъ, чтобы поступить въ тамошній университетъ. Здѣсь она принадлежала къ самымъ радикальнымъ кружкамъ революціонной молодежи и усиленно хлопотала о сборѣ денегъ въ Россіи для помощи цюрихскимъ студенткамъ, для чего посылала въ Казань, своей матери, подписной листъ общества «Помощь»,—о чемъ было упомянуто уже выше [1]). Послѣ вызова правительства, Фигнеръ отправилась въ Парижъ, но въ 1874 году, вернулась въ Россію и ходатайствовала, въ январѣ 1874 года, о разрѣшеніи поступить на 1-й классъ акушерскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи, что и было ей разрѣшено. Въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ того-же года, она переселилась въ Москву и занялась энергическою пропагандою, вмѣстѣ съ Марьею Субботиною, Софьею Бардиною, Александровою и другими, причёмъ даже носила мужское крестьянское платье. Она была арестована въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, 7-го августа 1875 года, при этомъ оказала упорное сопротивленіе, и судилась по дѣлу о пропагандѣ въ четырехъ губерніяхъ, по которому, 14-го марта 1877-го года, приговорена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на жительство въ иркутскую губернію. Въ Иркутскѣ, она занималась счетною частью въ отдѣленіи сибирскаго банка, но вслѣдствіе новыхъ признаковъ неблагонадежности, была временно арестована въ иркутской тюрьмѣ. Въ 1882 году, она находилась на жительствѣ въ селѣ Уриковскомъ, иркутской губерніи [2]).

***Филиппова**, Вѣра Николаевна, сестра Фигнеръ Лидіи (см. выше это имя), съ 1871-го года, въ замужствѣ за

---

[1]) См. выше стр. 28.

[2]) Дѣла: № 215, ч. I—1872-го года, л. 64, 65, 250; ч. II, л. 194; № 144, ч. II, л. 14 и 127—1874 г.; № 104—1875 г. и № 407—1879 г. по 3-й экспед.—Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, IV, 45.—См. о ней же, выше, стр. 80, 145, 146, и ниже, стр. 165 (о ея матери, стр. 26).

окончившимъ курсъ юридическихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ, Алексѣемъ Викторовичемъ Филипповымъ [1]), съ которымъ впослѣдствіи развелась; родилась въ 1851 году, воспитывалась въ казанскомъ Родіоновскомъ институтѣ, откуда вышла одною изъ первыхъ ученицъ. По выходѣ изъ института, она подпала вліянію профессора Лесгафта, бывшаго тогда мѣстнымъ руководителемъ университетской молодежи, и когда Лесгафтъ лишился профессуры, она, вмѣстѣ съ сестрою Лидіею (бывшей въ любовной связи съ профессоромъ), послѣдовала за нимъ въ Петербургъ, гдѣ вышла за мужъ за Филиппова, но черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы, получивъ отъ матери 10000 рублей приданаго, рѣшилась уѣхать въ Цюрихъ, куда увлекла и сестру Лидію, несмотря на протестъ мужа, но съ одобренія матери. Въ Цюрихѣ, она слушала лекціи по медицинскому факультету и помогала своими средствами студенческой коммунѣ, устраивала подписки и денежные сборы. Послѣ вызова правительства, пробывъ нѣкоторое время въ Бернѣ, вернулась, въ 1874-мъ году, въ Россію, поселилась въ Казани, сошлась съ Надеждой Субботиной, и съ того времени, предалась всецѣло революціонной дѣятельности: устраивала кассу вспоможенія политическимъ преступникамъ, ѣздила въ Москву, чтобы завести сношенія съ арестованными, привлекалась къ дознанію объ особомъ кружкѣ, пропагандировавшемъ въ Москвѣ и вологодской губерніи, гдѣ основывались тогда «соціалистическія поселенія»; затѣмъ она перенесла свою дѣятельность въ самарскую и саратовскую губерніи, въ сообщничествѣ съ Юріемъ Богдановичемъ, Иванчинымъ-Писаревымъ, Марьею Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, и друг., гдѣ успѣхи пропаганды оказались весьма плодотворными. Послѣ липецкаго съѣзда, въ которомъ она участвовала и гдѣ была избрана членомъ исполнительнаго комитета, жила, въ 1879 году, въ Одессѣ, и участвовала въ покушеніи на взрывъ Итальянской улицы, а съ февраля 1881 года, проживала въ Петербургѣ и принимала дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ цареубійству 1-го марта. 10-го февраля 1883-го года, она задержана въ Харьковѣ [2]) и затѣмъ содержалась въ Петропавловской крѣпости.

---

[1]) Въ 1880 году, онъ былъ товарищемъ прокурора казанскаго окружнаго суда.

[2]) Показаніе ея помѣщено въ «Обзорѣ главнѣйшихъ дознаній за время съ 1-го января по 1-е іюля 1883-го года», стр. 5 и слѣд.— См. о ней же, выше, стр. 28, 53, 58, 59, 63, 115, 118 и 161, и ниже, стр. 167.

Филипповъ, Алексѣй Викторовичъ, мужъ Вѣры Филипповой, рожденной Фигнеръ (см. это имя), бывшій студентъ казанскаго университета, сопровождалъ жену свою въ Цюрихъ, гдѣ игралъ довольно видную роль среди эмиграціи 1873—1874 гг. Онъ былъ въ составѣ «Общества мстителей за Нечаева» [1]), по порученію Бакунина, осенью 1873 г., ѣздилъ съ Гарнцаревичемъ въ Сербію, завѣдывалъ русскимъ домомъ [2]), въ которомъ и жилъ вмѣстѣ съ женою [3]); послѣ вызова студентокъ, ѣздилъ въ Парижъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, но послѣ неудачи въ поступленіи жены его въ парижскій университетъ, переѣхалъ въ Бернъ, гдѣ былъ руководителемъ колоніи эмигрантовъ. Въ это время, онъ старался объединить всѣ партіи—въ одинъ общій Славянскій соціальный комитетъ и стать даже во главѣ его. Планъ этотъ, однако, не удался [4]). Съ Лавровымъ, онъ вовсе не сошелся: послѣдній обвинялъ его даже въ разладѣ и несогласіяхъ, возникшихъ при немъ въ цюрихской коммунѣ [5]). Въ 1874 году, онъ состоялъ во главѣ бакунинцевъ, вмѣстѣ съ Витцингеромъ (крещенымъ евреемъ изъ Херсона) и Шкодою (для чеховъ) [6]). Осенью 1874 года, онъ оставилъ Швейцарію [7]), впослѣдствіи развелся съ женою, вернулся въ Россію и поступилъ на государственную службу [8]).

***Франкенштейнъ**, дѣвица, еврейка, изъ Одессы; слушала въ Цюрихѣ лекціи по медицинскому факультету.

***Фридманъ**, Марья Самуиловна, мѣщанка заштатнаго гор. Маякъ, херсонской губ., еврейка, принявшая православіе, род. въ 1849 г.; воспитанница мѣстнаго еврейскаго училища, дочь бѣдныхъ родителей. Прибыла въ Цюрихъ изъ Одессы, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872-го года, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Вернувшись по вызову правительства, она, въ октябрѣ 1874 г., ходатайствовала о поступленіи на акушерскіе курсы медико-хирургической академіи, что и было ей разрѣшено; но въ маѣ 1875 года, просила о допущеніи ея къ экзамену на званіе домашней учительницы, на что тоже изъявлено согласіе.

---

[1]) Швейцарская агентура—1873, № 80.

[2]) Секретн. свѣд. 1873, № 93; Швейц. агент. 1873, № 118.

[3]) Швейцарская агентура—1873, № 133.

[4]) Ibid. 1873, №№ 129, 136, 150 и 156.

[5]) Ibid. 1874, № 167.

[6]) Ibid. 1874, № 185.

[7]) Ibid. 1874, № 196.

[8]) Дѣло № 491, 1873 года, л. 39; № 144, 1874 года, ч. 127, т. 2, л. 140—141.—См. о немъ же, выше, стр. 50, 53, 57, 59, 65, 87 и 162.

***Фронштейнъ, Анна,** позднѣе въ замужствѣ—Серебряная, еврейка, изъ Одессы. Въ Цюрихѣ, слушала лекціи по медицинскому факультету и содержала студенческую кухмистерскую. Принадлежала къ кружку наиболѣе ярыхъ радикаловъ и принимала участіе въ дѣлѣ члена Интернаціонала, испанки Пучинелли, пріѣхавшей въ Цюрихъ читать лекціи, въ которыхъ восхваляла—убійства, огонь и революцію [1]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1873-го года, у ней (и у Берладской) былъ сдѣланъ обыскъ швейцарскою полиціею. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій университетъ, гдѣ получила докторскій дипломъ и защитила диссертацію. Въ октябрѣ 1877-го года, ходатайствовала о дозволеніи подвергнуться испытанію на право врачебно-акушерской практики, что ей и было разрѣшено.

***Фронштейнъ,** Бетти, еврейка. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій университетъ, гдѣ получила докторскій дипломъ, и въ ноябрѣ 1877 года, ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено [2]).

***Хардина,** Екатерина, изъ Самары, сестра бывшаго предсѣдателя самарской губернской земской управы. Выѣхала въ 1872-мъ году, въ Цюрихъ, гдѣ поступила въ политехникумъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, была членомъ самыхъ радикальныхъ кружковъ коммуны; была замѣшана въ покушеніе на убійство русскаго агента Стефановскаго (исполненнаго Ралли); принадлежала тоже къ обществу «мстителей» за нечаевскій арестъ [3]), вмѣстѣ съ Тумановою. Въ 1873 г. отправилась въ Сербію, гдѣ вышла за мужъ за извѣстнаго эмигранта Ралли. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, она была послана изъ Цюриха въ Петербургъ, съ порученіями, вызванными арестомъ Нечаева [4]).

***Хассе,** Софья, еврейка, дочь купца 2-й гильдіи. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій универси-

---

[1]) Когда, по окончаніи лекціи, кто-то изъ слушателей не могъ воздержаться отъ негодованія по поводу слышаннаго, завязалась ссора, и въ ту же ночь, это лицо было заколото кинжаломъ однимъ изъ интернаціоналовъ. Пучинелли приходилось плохо, и тогда Фронштейнъ взяла её подъ свое покровительство.—См. выше, стр. 11—12.

[2]) Въ 1879 году, въ Черниговѣ, акушерка Фронштейнъ привлекалась къ дознанію о мѣстномъ соціалистическомъ кружкѣ (дѣло № 668—1879-го года, ч. II, л. 213 и 214 об., по 3-й экспед.).—См. о ней же, выше, стр. 54.

[3]) По агентурнымъ свѣдѣніямъ, эти женщины—мстительницы носили зонтики съ кинжаломъ внутри ручки.

[4]) Дѣло № 215, 1872 года, и № 84, ч. I, 1872 года, л. 37, по 3-й экспед.– См. о ней же, выше, стр. 52, 134 и 152.

тетъ, гдѣ получила докторскій дипломъ и потомъ защитила диссертацію. Въ октябрѣ 1876 года, она ходатайствовала о допущеніи ея къ испытанію на право частной врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено.

***Хоржевская**, Александра Сергѣевна [1]), дочь коллежскаго секретаря, дворянка херсонской губ. вступившая, 13-го іюля 1875 года, въ фиктивный бракъ съ бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи, Исидоромъ Григорьевичемъ Кикодзе, представившимъ, для вѣнчанія, документы князя Александра Константиновича Циціанова; родилась въ 1853 году, въ г. Одессѣ. Въ 1872 г., отправилась въ Цюрихъ, и послѣ вызова правительства, вмѣстѣ съ 4-мя другими студентками (см. Гольдшмидтъ, Софья), ходатайствовала у французскаго правительства о принятіи на медицинскій факультетъ парижскаго университета, но, впрочемъ, неудачно, ибо въ 1874 году, она вернулась въ Россію и поселилась въ Москвѣ, гдѣ вполнѣ посвятила себя революціонной дѣятельности, вмѣстѣ съ сестрами Любатовичъ, Софьей Бардиной и Фигнеръ. Послѣ обыска произведеннаго въ общей квартирѣ ихъ, она отправилась въ Кіевъ, гдѣ вскорѣ пріобрѣла весьма важное значеніе въ средѣ мѣстной революціонной коммуны; она содѣйствовала тоже пропагандѣ на Кавказѣ, видное участіе въ которой принималъ фиктивный мужъ ея, Кикодзе [2]). Преданная затѣмъ суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, она 14-го марта 1877-го года, была приговорена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ, на пять лѣтъ; но принявъ во вниманіе ея несовершеннолѣтіе, Присутствіе постановило ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія—ссылкою на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, на что, 14 августа 1877 года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Хоржевская поселена въ гор. Тюкалинскѣ, тобольской губерніи, въ ноябрѣ 1877-го года. Въ іюнѣ же 1880 года, приживъ ребенка съ политическимъ преступникомъ Волховскимъ, она ходатайствовала о переводѣ ея въ гор. Томскъ, что и было разрѣшено ей [3]).

---

[1]) Сестра ея, Елизавета Сергѣевна, привлекалась къ дѣлу о 50-ти, а также къ дѣлу о демонстраціи на Ново-Торговой площади, 6 мая 1875 года.

[2]) Въ 1877 году, онъ скрылся изъ Кутаиса и находится теперь въ Константинополѣ.

[3]) Дѣла—№ 215 ч. I, 1872 г. л. 78 и 202; № 144, 1874 г., ч. 127, т. I, III и IV; ч. 17, т. I; ч. 158, т. I; № 486, 1880-го года, л. 62 и 63, по 3-й экспед.—Обвинительный актъ по дѣлу 50-ти, лл. 3, 4, 8, 12—15, 22, 23, 26, 28—34, 50 и 57.—См. о ней же, выше, стр. 89.

*Храпаль, Анастасія, изъ Петербурга, посѣщала курсы при медико-хирургической академіи. Въ бытность въ Цюрихѣ, принадлежала къ кружку крайнихъ революціонеровъ въ студенческой коммунѣ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, Храпаль, находясь, въ маѣ 1876 года, въ Берлинѣ, вращалась въ кружкѣ главнѣйшихъ мѣстныхъ агитаторовъ и посѣщала, вмѣстѣ съ Эйтнеръ, Аптекманъ, Идельсонъ, и друг. всѣ соціалистическія сходки. Вернулась въ Россію, въ августѣ 1876-го года и занималась акушерскою практикою.

*Цебрикова, Марія Константиновна, дѣвица, изъ Петербурга, дочь отставнаго генералъ—лейтенанта, родилась въ 1832 году; отправилась въ Цюрихъ, въ іюлѣ 1872 г., вмѣстѣ съ Варварою Александровою, извѣстною впослѣдствіи пропагандисткою, слушала медицинскіе курсы и принадлежала къ числу учредительницъ Соціально-демократическаго общества, задуманнаго Бакунинымъ; помогала эмигранту Смирнову въ устройствѣ русской библіотеки и состояла въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Нечаевымъ. Вернувшись въ Россію, поселилась у отца своего, и въ апрѣлѣ 1873 года, вновь хотѣла ѣхать въ Цюрихъ, но ей было отказано въ выдачѣ паспорта. Цебрикова была въ сношеніяхъ съ грузинскимъ кружкомъ, по устройству въ Владикавказѣ народной библіотеки, а также съ кружкомъ «сибирскимъ». Впослѣдствіи, она посвятила себя литературной дѣятельности [1]).

*Цѣлибѣева, Елизавета, дѣвица, изъ Москвы. Она слушала въ Цюрихѣ лекціи по медицинскому факультету.

*Цѣлибѣева, Марья, вѣроятно сестра предыдущей, дѣвица, изъ Москвы. Въ Цюрихѣ, слушала лекціи медицинскаго факультета.

Чарушинъ, старѣйшій русскій эмигрантъ въ Швейцаріи [2]).

Чернышевъ, ѣздилъ, въ 1873-мъ году, изъ Цюриха, съ порученіемъ Лаврова, въ Россію [3]).

*Четвергова, Марья Павловна, рожденная Орлова, дочь генералъ-маіора и вдова штабсъ-капитана. Ранѣе 1871-го года, проживала въ Казани, гдѣ посѣщала акушерскіе курсы при мѣстномъ университетѣ. Въ маѣ 1872 г., выѣхала въ Цюрихъ и поступила на медицинскій факультетъ. Въ бытность свою въ Швейцаріи, принадлежала къ крайнимъ кружкамъ соціалистовъ. Вер-

[1]) Дѣла—№ 319, 1873, л. 99; № 328, 1873, л. 7; № 71, 1872 г., ч. 2, л. 118; № 111, 1872 года № 215, 1872-го года л. 81.—См. о ней же, выше, стр. 52.

[2]) См. о немъ выше, стр. 4 и 51.

[3]) См. выше, стр. 116.

нувшись въ Россію, въ 1875 году, привлекалась къ дѣлу о пропагандѣ 1874—1877 годовъ и была арестована, но за недостаткомъ доказательствъ, не была предана суду, а выслана въ вятскую губернію, и въ январѣ 1877 года, водворена въ гор. Яранскѣ. Вслѣдствіе неодобрительнаго ея, въ политическомъ отношеніи, поведенія и допущенія сходокъ въ ея квартирѣ, была переведена въ гор. Вятку; но въ маѣ 1877 года, разрѣшено ей переселиться въ Казань, для совмѣстнаго жительства съ матерью [1]). Въ бытность свою за границею, она состояла членомъ центральнаго парижскаго отдѣленія Интернаціонала.

Чивилевъ, Борисъ Александровичъ, сынъ профессора московскаго университета. Былъ въ эмиграціи близокъ къ Нечаеву и доставлялъ ему разныя свѣдѣнія [2]). Въ недавнее время проживалъ въ Лондонѣ, и корреспондировалъ въ нѣкоторыя русскія газеты.

***Шахова**, Серафима Васильевна, изъ Екатеринославля, дѣвица, дочь штабсъ—ротмистра. Послѣ вызова правительства, поступила въ бернскій университетъ, гдѣ окончила курсъ наукъ, получила докторскій дипломъ и защитила диссертацію. Въ сентябрѣ 1877 года, ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на праю врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено.

***Шерлицына**, Вѣра, дѣвица, изъ Екатеринославля. Слушала въ Цюрихѣ лекціи по медицинскому факультету [3]).

Шкляревскій, изъ Петербурга, состоялъ членомъ Интернаціонала [4]).

***Шлыкевичъ**, Ольга Поликарповна, дочь землевладѣльца курской губерніи, тимскаго уѣзда, полковника Поликарпа Максимовича Шлыкевича. На вызовъ правительства не явилась, но перешла въ бернскій университетъ. Въ Швейцаріи, она предполагала вступить въ бракъ съ однимъ рабочимъ, но вернулась въ августѣ 1876-го года въ Россію, въ курскую губернію. Затѣмъ намѣревалась ѣхать въ Парижъ для окончанія образованія.

***Шлыкова**, Виргинія Васильевна, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сестра Раисы Путяты (см. выше), изъ Москвы, пріятельница Филипповой и Ольги Любатовичъ, съ которою и выѣхала въ Цюрихъ. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій университетъ, принадлежа къ кружку крайнихъ радикаловъ сту-

---

[1]) Дѣло № 144, ч. 3, 10 и 127, т. I—IV, 1874 года.—См. о ней же, выше, стр. 28.

[2]) Швейцарская агентура—1871, № 79.

[3]) Дѣло № 215, ч. I, 1872 г., по 3-й экспед.

[4]) Швейцарская агентура—1871, № 78.

денческой коммуны. Рѣшилась, еще будучи въ Бернѣ (въ 1874 г.), посвятить себя, по возвращеніи въ Россію, пропагандѣ, однако впослѣдствіи, она активною пропагандою не занималась, но оставалась въ сношеніяхъ съ товарищами по Цюриху [1]).

***Шрейберъ**, Екатерина, еврейка, изъ Кіева, принявшая православіе, воспитанница кіевской фундуклеевской женской гимназіи, родилась въ 1852 году, дочь кіевскаго 3-й гильдіи купца, еврея Авраама Шрейбера; выѣхала въ Цюрихъ, въ апрѣлѣ 1872 года, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Вернулась по вызову правительства, и затѣмъ ей было разрѣшено поступить во 2-й классъ курса для образованія ученыхъ акушерокъ при медико-хирургической академіи.

Штейнъ, въ 1872-мъ году, вмѣстѣ съ Гольштейномъ, Ралли и Озеровымъ, былъ делегатомъ на невштательскомъ конгрессѣ Юрской секціи Бакунина [2]).

***Штофъ**, Ольга Александровна, изъ Петербурга, дочь надворнаго совѣтника; выѣхала въ Цюрихъ, въ мартѣ 1872-го года и слушала лекціи медицинскаго курса, а послѣ вызова правительства, окончила курсъ въ бернскомъ университетѣ. Вернувшись въ Россію, въ мартѣ 1875 года, ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право врачебной практики, что и было ей разрѣшено.

***Шульцъ**, Марья Евграфовна, дочь помѣщицы елецкаго уѣзда, въ замужствѣ за студентомъ медико-хирургической академіи, Киселевымъ; воспитывалась въ орловской женской гимназіи, гдѣ будучи въ высшихъ классахъ, обнаруживала крайне вредное направленіе. Въ имѣніи матери, она распространяла весьма вредныя ученія между крестьянами, вслѣдствіе чего не была допущена предсѣдателемъ попечительнаго совѣта орловской гимназіи, къ выпускному экзамену. Въ 1872 году, ходатайствовала о выдачѣ ей свидѣтельства на званіе домашней учительницы, въ чемъ ей было отказано; затѣмъ отправилась, въ октябрѣ 1872 года, въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи по медицинскому факультету. Оставалась тамъ и послѣ вызова правительства; позднѣе ходатайствовала, въ октябрѣ 1873 года, вмѣстѣ съ другими четырьмя студентками, у французскаго правительства о поступленіи на медицинскій факультетъ въ Парижѣ (см. Гольдшмитъ, Софья) [3]).

---

[1]) Дѣло № 144, 1874 г.; ч. 127, т. I, л. 196; № 215, ч. II, 1872 года, л. 81 и 83; № 84, 1872 г., ч. 2-я, л. 4 и слѣд., по 3-й экспед.

[2]) Швейцарск. агент. 1872, № 31; см. тоже выше, стр. 91.

[3]) Дѣло № 215, ч. I и II, 1872 года, и № 63, 1873 года, ч. II, л. 29 и 216 об.—См. о ней же, выше, стр. 60 и 89.

*Шульцъ (фонъ-)Надежда, изъ С.-Петербурга, дѣвица, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, до поступленія въ цюрихскій университетъ, на медицинскій факультетъ, посѣщала, въ 1871 году, лекціи практической анатоміи и значилась въ спискѣ лицъ, ею занимавшихся. Прекративъ занятія медициною въ Цюрихѣ, послѣ вызова правительства, она перешла въ бернскій университетъ, гдѣ получила степень доктора медицины и защитила диссертацію. Въ маѣ 1877 года, она ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право частной врачебно-акушерской практики, что и было ей разрѣшено [1]).

*Шумова, Екатерина Олимпьевна, изъ Самары, дочь потомственнаго гражданина, родилась въ 1852-мъ году. Въ августѣ 1872 года, выѣхала въ Цюрихъ, гдѣ слушала медицинскіе курсы, до апрѣля 1873 года, а послѣ вызова правительства, перешла на парижскій медицинскій факультетъ, съ 1-го сентября 1873-го года; съ 8-го октября 1874 года, поступила въ бернскій университетъ, гдѣ получила докторскій дипломъ, и 2-го марта 1877-го года, защитила диссертацію. Затѣмъ она ходатайствовала о допущеніи къ испытанію на право частной врачебно-акушерской практики въ Россіи, что было ей разрѣшено [2]).

*Эйтнеръ, Матильда, рожденная Карачевская, изъ Одессы, съ 1868 года—жена учителя, а потомъ содержателя переплетнаго заведенія, Михаила Богдановича Эйтнеръ. Воспитывалась въ частной гимназіи фонъ-Огліо, въ Одессѣ (нынѣ Маріинская), откуда вышла изъ 3-го класса. Въ апрѣлѣ 1872 года, отправилась въ Цюрихъ и поступила тамъ на медицинскій факультетъ. Послѣ вызова правительства, перешла въ бернскій университетъ, гдѣ проживала до начала 1875 года, и принадлежала къ кружку самыхъ крайнихъ соціалистокъ, обращая тоже на себя вниманіе легкимъ своимъ поведеніемъ. Вмѣстѣ съ Регутенко и Щербачевой, она, въ мартѣ мѣсяцѣ 1875-го года, собирала деньги на поддержаніе одного французскаго журнала («Bulletins», etc.), издававшагося послѣдователями Бакунина. Побывавъ въ Россіи, въ Кишиневѣ, она вновь отправилась за границу и поступила въ бернскій университетъ. Въ 1876 году, она посѣщала въ Берлинѣ сходки анархистовъ, вмѣстѣ съ Аптекманъ, Идельсонъ, и друг. [3]).

---

[1]) Дѣло № 215, ч. 2-я 1872 г., по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 215, 1872 г., ч. 2, по 3-й экспед.

[3]) Дѣло № 144, ч. 10, 1874-го года, л. 462 об.; № 215, 1872 года, ч. 1, л. 185 и 188; ч. 2, л. 80 и 83.—См. о ней же, выше, стр. 55, 78, 135, 139 и 166.

Эльпидинъ, Михаилъ Константиновичъ, коллежскій регистраторъ, сынъ дьякона села Никольскаго, лаишевскаго уѣзда, казанской губерніи; родился въ 1838 году, воспитывался въ казанскомъ университетѣ, откуда былъ уволенъ за участіе въ безпорядкахъ. Въ 1861 году, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства присутствіемъ своимъ въ селѣ Безднѣ, лаишевскаго уѣзда, во время бывшихъ тамъ извѣстныхъ безпорядковъ, подъ предводительствомъ крестьянина Антона Петрова. Онъ тутъ же былъ арестованъ, но по недостатку у́ликъ, освобожденъ и оставленъ безъ всякаго преслѣдованія. Въ маѣ 1863-го года, онъ вновь былъ задержанъ въ Казани, и привлеченъ къ дознанію—по обвиненію въ распространеніи между народомъ возмутительныхъ воззваній: «Долго давили васъ, братцы», и другихъ. Казанская слѣдственная коммисія предполагала предать его военному суду, но по опредѣленію генералъ-адъютанта Тимашева, онъ былъ преданъ суду казанской уголовной палаты и приговоренъ, вмѣстѣ съ Ратчикомъ и Кинсевичемъ, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 2½ года [1]). При разсмотрѣніи же о немъ дѣла, Государственный Совѣтъ, въ виду послѣдовавшаго, 17-го мая 1867-го года, Высочайшаго повелѣнія, по которому всѣ неоконченныя до того времени политическія дѣла подлежали прекращенію, 27 іюня того же года, мнѣніемъ положилъ: повергнуть участь Эльпидина, въ числѣ прочихъ обвиняемыхъ, Монаршему милосердію, съ тѣмъ, чтобы объявивъ ему опредѣленіе Правительствующаго Сената, освободить его изъ подъ ареста и отъ всякаго наказанія, съ отдачею подъ надзоръ полиціи, на три года. Означенное опредѣленіе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ, во время производства дѣла, 7 іюля 1865 года, Эльпидинъ бѣжалъ изъ казанскаго тюремнаго замка и успѣлъ пробраться за границу. Поселясь въ Женевѣ, онъ вошелъ въ ближайшія сношенія въ эмиграціею, но ни Герценъ, ни Огаревъ, вслѣдствіе чрезмѣрной дикости его взглядовъ, не пожелали имѣть съ нимъ ничего общаго. Попытка его натурализироваться швейцарскимъ гражданиномъ тоже не удалась. Тогда онъ началъ заниматься типографскимъ дѣломъ, открывъ, при помощи разныхъ эмигрантовъ, революціонную книгопечатню въ Женевѣ, въ 1869 году, въ которой, вмѣстѣ съ Мечниковымъ, Николадзе и Ивановымъ, печаталъ, одно время, революціон-

---

[1]) Тогда же дознано было о близкихъ отношеніяхъ его къ «нечаевцамъ».

ные листки—«Подпольное слово» и «Современность», также «Сочиненія Чернышевскаго», при чемъ самъ набиралъ [1]) послѣдній томъ (не изданныхъ до того времени его сочиненій). Типографскія его работы подвергались однако большой опасности въ началѣ 1870 года, когда швейцарская полиція производила много обысковъ у эмигрантовъ, вызвавшихъ протестъ Огарева въ Suisse Radicale [2]). Въ 1872-мъ году, Эльпидинъ старался устроить, на границѣ и въ Россіи, агентуру для пересылки и распространенія революціонныхъ изданій; но Владиміръ Лебедевъ (добровольно вернувшійся въ Россію, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 года), на котораго онъ разсчитывалъ, отказалъ ему въ содѣйствіи. Отношенія его къ эмиграціи не были искренни, его немного чуждались и недолюбливали; его даже не пускали въ типографію Чарнецкаго, когда тамъ печаталась одна изъ прокламацій общества «Народной Расправы», въ 1870 году [3]). Въ апрѣлѣ этого года, онъ намѣревался издавать «Политическій альбомъ», съ біографіями Пугачева, Стеньки-Разина, Мировича и др. лицъ, «увѣковѣчившихъ свое имя разными покушеніями» [4]). Въ томъ же самомъ году, имъ издано популярное «Земле-«описаніе для народа» (12°, 2500 экз.), часть которыхъ были отправлены на югъ Россіи, чрезъ Ливорно [5]). Въ 1871-мъ году, въ ноябрѣ, онъ напечаталъ обличительную «Пѣсню русской няни у постели барскаго ребенка»,—предназначенную для разсылки по всей Россіи [6]). Одно время, женевскій книгопродавецъ Жаррисъ (Jarrys) хотѣлъ купить его русскую типографію, съ согласія издателя русскихъ книгъ (фирмы Эльпидина), Georg'a, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ Георгъ, Трусовъ и Эльпидинъ обязались обезпечить типографію матеріаломъ для печатанія [7]). Денежными средствами помогалъ ему иногда ювелиръ Гаасъ (Haas),—ревностный членъ Интернаціонала [8]). Въ февралѣ 1872-го года, онъ перевезъ свою типографію въ Цюрихъ, гдѣ, одно время, завѣдывалъ ею Александровъ; затѣмъ она слилась съ польскою типографіею Коссобудскаго, которая также печатала русскія

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 3.

[2]) Ibid. 1870, № 6.

[3]) Ibid; 1870, № 8.

[4]) Ibid. 1870, № 23. Помощникомъ его по революціоннымъ дѣламъ былъ, одно время, нѣкто *Гильке* (ibid. 1870, № 16).

[5]) Ibid. 1870, № 30.

[6]) Ibid. 1871, № 95.

[7]) Ibid. 1871, № 101.

[8]) Ibid. 1872, № 9.

и польскія брошюры [1]). Покончивъ тогда съ типографскимъ дѣломъ, Эльпидинъ остался почти въ одиночествѣ, безъ опредѣленнаго круга дѣйствія. Устроивъ въ Женевѣ, въ августѣ 1871 года, вмѣстѣ съ Утинымъ, какую-то дешевую кухмистерскую (Cuisine Coopérative) и получивъ даже отъ нея барыши [2]), онъ вскорѣ затѣмъ поссорился съ Утинымъ, и публично, при множествѣ русскихъ, въ Café de Genève, бранилъ его «жидомъ». Съ Бакунинымъ, онъ совершенно разошелся въ маѣ 1872-го года, [3]), несмотря на то, что въ январѣ 1872 года, онъ, вмѣстѣ съ Озеровымъ и студенткой Дмитріевой, составлялъ какъ бы тріумвиратъ для вербованія членовъ Интернаціонала; съ этими же лицами, онъ подписалъ протестъ въ пользу парижскихъ коммунаровъ, въ то время, когда дѣло о выдачѣ ихъ, или невыдачѣ—разсматривалось въ Главномъ Союзномъ Совѣтѣ Швейцаріи [4]). Намѣреваясь жениться, Эльпидинъ просилъ нашу миссію въ Бернѣ объ истребованіи изъ казанской духовной консисторіи метрическаго свидѣтельства, въ чемъ ему было отказано; это на него такъ сильно повліяло, что вызвало въ немъ даже минуты раскаянія [5]). Въ декабрѣ 1872 года, онъ напечаталъ еще брошюру по поводу ареста Нечаева, а въ декабрѣ 1873-го года,—отчетъ по изданію «Сочиненій» Чернышевскаго, въ концѣ котораго, обѣщалъ помѣстить списокъ жертвователей на это изданіе [6]). Около этого времени, онъ сблизился съ Мечниковымъ, восторгался его лекціями о соціализмѣ, и самъ распродавалъ и распространялъ билеты на его курсы среди русскаго общества, за извѣстное, впрочемъ, вознагражденіе [7]). Съ особеннымъ прилежаніемъ занимался онъ выслѣживаніемъ русскихъ агентовъ, которыхъ, въ то время, эмиграція подозрѣвала чуть-ли не въ каждомъ лицѣ, не принадлежащемъ къ ея кругу; но самъ онъ, долго состоялъ, отнюдь того не подозрѣвая, въ самыхъ откровенныхъ отношеніяхъ къ одному изъ агентовъ [8]). Въ 1874-мъ году, онъ былъ вызываемъ правительствомъ, но на вызовъ его не явился.

---

[1]) Ibid. 1872, № 19.

[2]) Ibid. 1871, №№ 79 и 91.

[3]) Ibid. 1872, № 29. Въ октябрѣ 1871 года, самого Эльпидина разбранили въ кухмистерской—Marmite Sociale, за подозрительную дружбу его съ нѣкіимъ Сирдэемъ (Sirdey)—ibid. 1872, № 74.

[4]) Ibid. 1872, № 8.

[5]) Ibid. 1873, № 104, разсказъ очевидца.

[6]) Ibid. 1873, № 147.

[7]) Ibid. 1874, № 172.

[8]) Швейцарская агентура— 1870, № 1; 1871, №№ 29, 37 и 53; 1872, №№ 11, 20, 29 и 33; 1874, №№ 188, 189 и 197.—О похож-

Изъ показаній эмигранта Гринберга (арестованнаго въ 1881 году, въ Бѣлградѣ), видно, что дальнѣйшая дѣятельность Эльпидина осталась та же, и что сочувствіе къ революціонному дѣлу въ немъ не ослабѣло. У него собирались сходки, и на одной изъ нихъ (25 мая 1878 года), вмѣстѣ съ барономъ Н. Корфомъ (педагогомъ) и б. профессоромъ кіевскаго университета, Драгомановымъ, было рѣшено убить шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцова (съ этою цѣлью были отправлены въ Россію четыре эмиссара). Эльпидинъ продолжалъ тоже пересылать революціонныя изданія (на польскомъ, русскомъ и русинскомъ языкахъ) — въ Россію, чрезъ Австрію и Львовъ, при помощи одного агента — еврея, который доставлялъ ихъ, чрезъ Галацъ, въ Россію. Въ ноябрѣ 1881-го года, онъ содержалъ въ Женевѣ русскую книжную лавку и былъ издателемъ журнала «Общее Дѣло», а въ февралѣ 1882 года, вмѣстѣ съ Дебогорій — Мокріевичемъ, Турскимъ, Черкезовымъ, Зеньковичемъ и Пекарскимъ [1]), — участвовалъ въ выборѣ, въ Женевѣ, лицъ, отправленныхъ въ Россію для совершенія политическихъ убійствъ [2]).

Эльсницъ (фонъ-деръ), Александръ, бывшій студентъ московскаго университета. Былъ исключенъ изъ университета за такъ называемую «полунинскую исторію» и принятіе участія въ студенческихъ безпорядкахъ, въ ноябрѣ 1869 года. Вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, Гольштейномъ, Пирамидовымъ и Смирновымъ, онъ бывалъ у Прыжева, гдѣ познакомился съ Нечаевымъ. Послѣ того, былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Ярославль, гдѣ былъ арестованъ, въ февралѣ 1870 года. Найденныя у него письма Гольштейна и переписка со Смирновымъ изобличали его, что онъ, а также товарищъ его, Бутурлинъ, жившій съ нимъ вмѣстѣ, въ Ярославлѣ, принадлежали къ тайной организаціи. По показанію Прыжова, Эльсницъ былъ въ числѣ тѣхъ студентовъ, которые порѣшили ввести въ университетъ такую же организацію,

---

деніяхъ его въ Швейцаріи, см. тоже подробности въ статьѣ Е. Гижицкаго, въ Московск. Вѣд. 1873, № 14, стр. 3 (Швейцарская агентура — 1873, № 83).

[1]) О сношеніяхъ его съ Пекарскимъ, — въ дѣлѣ № 14, 1879 года, ч. I, л. 2 об., по 3 экспед. — См. о немъ же, выше, стр. 5, 7, 26, 50, 51, 61, 66, 74, 93, 102, 113, 124, 126, 129, 151, 155 и 156.

[2]) Дѣло № 23, 1863 года, по 1 экспед., ч. 85; № 97, 1863 года, ч. 34, по 1 экспед.; № 115, ч. 12, л. 42 и об. 1869 г. по 1 экспед., ч. 24, л. 186; № 175, 1872 г. л. 21 об., по 3 экспед.; № 79, 1872 года, л. 11, по 3 экспед.; № 14, ч. 1, л. 10 об., по 3 экспед. 1873 г.; № 239, ч. I, по 3 экспед. 1878 г. л. 40, 41, 106, 108; ч. II, л. 36, 56, 57, 62 и об.; № 73 (7), 1881 г. л. 15 и 52, по 3 экспед.

какъ и въ Петровской академіи. Эльсницъ былъ, однако, освобожденъ отъ ареста, и отданъ, до суда, на поруки, съ залогомъ въ 1000 рублей, отцу своему; но не дождавшись суда, онъ бѣжалъ, въ 1871-мъ году, за границу, въ Цюрихъ, гдѣ былъ однимъ изъ видныхъ представителей русской коммуны и участникомъ въ революціонной дѣятельности. Позднѣе, онъ пріѣзжалъ въ Москву, въ концѣ іюля 1872-го года, и оттуда намѣренъ былъ отправиться въ с. Генделево, Терской области, въ имѣніе Бруннера, съ дочерью котораго онъ былъ обрученъ; но поѣздка не состоялась. Въ 1874-мъ году, онъ вызывался правительствомъ, но на вызовъ не явился. 31-го декабря 1879 года, получена была телеграмма отъ министра иностранныхъ дѣлъ Италіи, что въ засѣданіи русскаго революціоннаго комитета, происходившемъ въ Женевѣ, 15-го декабря, въ присутствіи — Левашова, Янковскаго, Эльсница и Драгоманова, шла рѣчь о новомъ покушеніи на жизнь Государя Императора. Въ слѣдующемъ году, 15-го сентября 1880-го года, было получено извѣстіе о томъ, что проживавшій въ Швейцаріи на Женевскомъ озерѣ, Александръ Эльсницъ выѣхалъ вмѣстѣ съ женою своею въ Россію, для преступныхъ цѣлей [1]).

***Эльсницъ** (фонъ-деръ), Елена Людвиковна, изъ Москвы, сестра извѣстнаго эмигранта. Въ Цюрихѣ, посѣщала лекціи медицинскаго факультета. Послѣ вызова правительства, осталась въ цюрихскомъ университетѣ [2]).

***Эльсницъ** (фонъ-деръ), Оттилія Людвиковна, жена эмигранта изъ Москвы, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ Цюрихѣ, посѣщала лекціи медицинскаго факультета. По возвращеніи въ Россію, жила въ Петербургѣ и привлекалась къ дознанію о пропагандѣ 1874—1877 годовъ, однако не была предана суду [3]).

***Эмме**, Анна Егоровна, изъ С.-Петербурга, дочь полковника, жена бывшаго студента медико-хирургической академіи, Владиміра—Густава—Карла Эмме. Въ Цюрихѣ, посѣщала лекціи медицинскаго факультета. Принадлежала, въ Швейцаріи, къ кружку «бакунинцевъ», и ѣздила въ Россію по порученіямъ Бакунина; въ іюнѣ же 1872 года, она была въ Кіевѣ, потомъ вновь отправи-

---

[1]) Дѣла № 115, 1869 г. ч. 6-я, л. 69 и 159 об.; № 115—1869 года, ч. 16. л. 4 и 68; № 111—1872 года, по 3-й экспед. и № 14, ч. II, по 3 экспед. 1879 г., л. 3.—См. о немъ же, выше. стр. 13, 37, 68, 77, 82, 90, 92, 134 и 141.

[2]) По агентурнымъ свѣдѣніямъ, она неправильно значилась въ спискахъ университета на 1874 годъ, ибо выѣхала, будто, изъ Цюриха ранѣе.

[3]) Дѣла—№ 84, ч. I—1872 г. л. 87; № 144, ч. 7—1874 г. № 213, ч. 71, л. 82, 93, 105 об. и 103; № 215, ч. I—1872-го года, по 3-й эксп.—См. о ней тоже выше, стр. 38 и 52.

лась въ Цюрихъ. Въ апрѣлѣ 1873-го года, опять пріѣзжала въ Россію, и при обыскѣ на границѣ, найдено у ней преступнаго содержанія листки и книги. Она была затѣмъ арестована и препровождена въ Кіевъ; позднѣе разрѣшено ей пріѣхать въ Петербургъ [1]). Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ней не имѣется.

*Эмме, Елена, замужняя женщина[2]). Посѣщала медицинскія лекціи цюрихскаго университета.

*Эрисманъ-Суслова, Надежда Прокофьевна, жена швейцарскаго подданнаго, получила степень доктора медицины въ цюрихскомъ университетѣ, будучи первою русскою женщиною, отправившеюся для изученія медицины въ Цюрихъ и получившею докторскій дипломъ. Въ бытность въ Швейцаріи, она была членомъ Интернаціонала, и въ 1872-мъ году, ѣздила изъ Цюриха въ Лондонъ, съ важнымъ порученіемъ, полученнымъ изъ С.-Петербурга. Въ томъ же году, Суслова возвратилась въ Петербургъ, но вскорѣ снова выѣхала за границу. Въ августѣ 1873 года, вслѣдствіе обнаруженныхъ постоянныхъ сношеній Сусловой съ заграничными эмигрантами, ей воспрещенъ былъ въѣздъ въ Россію; но по ходатайству ея, въ сентябрѣ того же года, запрещеніе это было снято. Послѣ того Суслова ѣздила за границу въ 1874 и 1875 гг., и по возвращеніи оттуда, поселилась въ С.-Петербургѣ. При производствѣ дознанія по дѣлу о грузинскомъ кружкѣ, имѣвшемъ цѣлью, путемъ распространенія революціонныхъ идей въ народѣ, возстановленіе независимости Грузіи и отдѣленіе Малороссіи, обнаружено было, что Суслова оказывала этому кружку матеріальную помощь [3]). Выйдя за мужъ за швейцарскаго подданнаго, члена Интернаціонала, доктора Фридриха Эрисмана, она пріѣзжала съ нимъ, въ 1872 году, въ Россію. У него собирались сходки, онъ велъ знакомство съ весьма подозрительными въ политическомъ отношеніи лицами, и до того былъ близокъ къ русскимъ эмигрантамъ въ Швейцаріи, что когда, онъ, въ 1873 году, просилъ заграничнаго паспорта обратно, въ Швейцарію, онъ ему былъ выданъ съ воспрещеніемъ ему обратного въѣзда въ Россію. Позднѣе, по ходатайству жены, и въ виду поручительства за него генералъ-адъютанта Трепова и другихъ лицъ, ему было разрѣшено вновь прибыть въ Россію, и даже поступить на

---

[1]) Дѣло № 111—1872 г. по 3-й экспед.

[2]) Дѣло № 215 ч. 1—1872-го года, л. 78.

[3]) Дѣло № 80—1872-го года, л. 23; № 319—1873-го года, л. 87, по 3-й экспед. См. о ней же, выше, стр. 25 и 50.

государственную службу, по санитарной части [1]). Въ настоящее время, онъ состоитъ профессоромъ московскаго университета, по каѳедрѣ гигіены.

***Южакова**, Елисавета Николаевна, род. въ 1852 году, въ херсонской губерніи, дочь состоящаго по запаснымъ войскамъ, генералъ-лейтенанта Николая Антоновича Южакова. Воспитаніе она получила домашнее; средства ея къ жизни составляли частные уроки и сотрудничество въ редакціи «Одесскаго Вѣстника». За границу она ѣздила два раза: съ конца 1869-го года по 1871 годъ, при чемъ, за это время, была съ годъ въ Цюрихѣ, гдѣ слушала лекціи на естественномъ факультетѣ, въ тамошнемъ университетѣ и близко сошлась съ вліятельнымъ революціонеромъ, Каспером Турскимъ [2]); во второй же разъ, съ конца 1872 года по 1875 годъ, была въ Швейцаріи, Парижѣ, Ліонѣ и Ниццѣ. Главная дѣятельность ея относится къ послѣдующимъ годамъ, и о ней будетъ сказано въ свое время [3]).

***Юкельзонъ**, Флоренція, еврейка, дѣвица. Пріѣхала въ Цюрихъ изъ Харькова, и посѣщала лекціи медицинскаго факультета [4]).

***Яковлева**, Пульхерія Ивановна, изъ Самары, жена кандидата университета, секретаря правленія петербургскаго университета, родилась въ 1850 году. Послѣ безуспѣшнаго ходатайства въ Петербургѣ о полученіи диплома на званіе домашней учительницы, она выѣхала, въ 1871 году, въ Цюрихъ, гдѣ слушала лекціи по медицинскому факультету, при чемъ изъучала ту область медицины и анатоміи, которая карается закономъ и понятіями о нравственности [5]). Не имѣя средствъ, она пользовалась вспомоществованіемъ отъ Пружанской. Въ Цюрихѣ, вращалась въ кругу крайнихъ революціонеровъ и на ея имя пересылались письма изъ Россіи, къ Ралли и Утину [6]). Несмотря, однако, на такія услуги, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, въ іюнѣ 1872 года, за дурное ея поведеніе и частую мѣну любовниковъ, цюрихскіе революціонеры подвергли ее тѣлесному наказанію. На вызовъ правительства, она не явилась, но осталась въ Цюрихѣ,

---

[1]) Дѣло № 80—1872 г., лл. 174—176, 213 и 228.

[2]) См. это имя.—См. о ней же выше, стр. 44.

[3]) Дѣла—№ 243, 1879-го года, л. 105, 117, 118, 148 и 152; № 293, 1879 года, л. 75, 105, 145 и 152; № 325, 1879-го года, л. 88 и 129; № 194, 1880 г. и № 1164— 1881 г.

[4]) Дѣло № 215—1872 г., ч. 1, л. 79.

[5]) См. выше, стр. 27, примѣч.

[6]) Дѣло № 215, ч. 1, 1872 г., л. 267 и 273, по 3-й экспед.

гдѣ кончила курсъ медицинскихъ наукъ, получила степень доктора [1]), а потомъ защитила и диссертацію. Вернулась она въ Петербургъ, въ декабрѣ 1873 года. По соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ, въ виду Высочайшаго повелѣнія отъ 14-го января 1871 года, которымъ поощрялась акушерская практика женщинъ въ Россіи, а также по бывшему примѣру жены доктора Бокова, разрѣшено было допустить Яковлеву (а вмѣстѣ съ нею и Пружанскую)—къ испытанію въ медицинскомъ совѣтѣ, съ дозволеніемъ ей, затѣмъ, въ случаѣ успѣшности экзамена, частной врачебно-акушерской практики [2]).

Якобсонъ, еврей, эмигрантъ въ Цюрихѣ. Въ 1872 году, былъ однимъ изъ завѣдывавшихъ «русскою библіотекою», вмѣстѣ съ Амчеславскимъ, Кравцовымъ и студенткою Переславцевою [3]).

Яковлевъ, прибывшій изъ Петербурга. Въ 1874 году, эмигранты Ралли, Ваховской и Паули посылали его въ Придунайскія Княжества съ революціоннымъ порученіемъ [4]).

Изъ свѣдѣній представляемыхъ вышеприведенными біографическими показаніями, о *двухъ стахъ пятидесяти трехъ* (253) русскихъ эмигрантахъ и революціонерахъ обоего пола (мущинъ—112, то-есть 44,63 процента общаго количества, и женщинъ—141, то-есть 55,37 процентовъ), состоявшихъ русскими подданными, можно извлечь еще нижеслѣдующія числовыя данныя относительно принадлежности личнаго состава эмиграціи къ разнымъ категоріямъ: а) той или другой *коренной національности*, б) различныхъ *сословій* русскаго общества, в) относительно *мѣста воспитанія и образованія ихъ*, и наконецъ, г) относительно самой *качественности* этой столь разносоставной группы заграничныхъ революціонеровъ, принимая во вниманіе, какъ тогдашнюю, такъ и позднѣйшую дѣятельность ихъ. Эти числовыя данныя группируются, затѣмъ, въ слѣдующемъ видѣ:

1) По отношенію къ принадлежности ихъ къ той или другой *коренной національности*:

---

[1]) Дипломъ былъ выданъ ей 20 декабря 1873 года.

[2]) Дѣло № 215, 1872-го года, ч. 2; о ней же, см. выше, стр. 27 и 131.

[3]) См. выше, стр. 130.

[4]) Швейцарская агентура—1874, № 78; 1872, №№ 32 и 37; 1874, № 197; см. тоже выше, стр. 86.

	Мущинъ	Женщинъ	Всего	%
а) русскихъ	75	84	159	63,1
б) евреевъ	16	24	40	15,3
в) нѣмцевъ	3	13	16	6,4
г) поляковъ и уроженцевъ Западнаго края [1]).	7	9	16	6,4
д) грузинъ, армянъ и другихъ уроженцевъ Кавказа	9	7	16	6,4
е) молдаванъ	2	1	3	1,2
ж) лицъ, національность которыхъ не опредѣляется вышеприведенными данными	—	2	2	0,8
з) финляндцевъ.	—	1	1	0,4
Итого.	112	141 [2])	253	100

2) По *сословіямъ*, тѣ же лица распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Мущинъ	Женщинъ	Всего	%
а) дворянскаго [3])	52	49	101	39,6
б) лицъ, принадлежность которыхъ къ тому или другому сословію, не выясняется вышеизложенными данными. . .	33	35	68	27,0
в) мѣщанскаго	17	14	31	12,3
г) чиновничьяго	3	21	24	9,6
д) купеческаго	5	19	24	9,6
е) духовнаго	2	3	5	1.9
Итого	112	141	253	100

[1]) Въ категоріи этой значатся нѣсколько поляковъ, большею частью уроженцевъ Западнаго края, которыхъ нельзя смѣшивать съ такъ называемаго «польскою эмиграціею» списокъ которой, см. ниже. Поляки эти болѣе или менѣе обрусѣвшіе, «украинцы», воспитывавшіеся въ коренной Россіи, и проч.

[2]) Въ томъ числѣ, цюрихскихъ и бернскихъ студентокъ—131, т. е 93 % всего числа женщинъ.

[3]) Въ томъ числѣ, помѣщиковъ-землевладѣльцевъ—26; титулованныхъ—4 лица (1 мущ. и 3 женщ.).

3) Относительно условій *воспитанія*, а также *образованія*, и пройденныхъ *учебныхъ заведеній*:

	Мущинъ	Женщинъ	Всего	%
а) лицъ, о воспитаніи и образованіи которыхъ, не имѣется точныхъ данныхъ въ вышеизложенныхъ свѣдѣніяхъ. . . .	65	93	158	63,0
Изъ остальныхъ 95-ти лицъ, проходили слѣдующія учебныя заведенія:				
б) гимназіи (мужскія и женскія) .	2	38	40	15,3
в) русскіе университеты [1]) . . .	24	—	24	9,6
г) высшія техническія училища [2])	14	—	14	5,5
д) получили у родителей домашнее воспитаніе.	2	10	12	4,7
е) военно-учебныя заведенія (высшія и среднія)	4	—	4	1,5
ж) духовныя семинаріи.	1	—	1	0,4
Итого	112	141	253	100

4) Наконецъ, что касается до числительнаго опредѣленія *качественности* революціонной ихъ дѣятельности, представляется возможнымъ подвести всѣхъ этихъ лицъ подъ три главнѣйшія категоріи:

	Мущинъ	Женщинъ	Всего	%
а) лицъ, бывшихъ, и въ то время, и въ послѣдующее, весьма видными дѣятелями революціоннаго движенія	33	26	59	23,40
б) лицъ второстепенныхъ, дѣятельность которыхъ не проявляла себя ничѣмъ выдающимся, какъ въ описываемое, такъ и послѣдующее время. .	42	58	100	39,68
в) лицъ, революціонная дѣятельность которыхъ была наиболѣе слабою, и впослѣдствіи себя не проявляла, или же осталась скрытою отъ глазъ правительства	37	57	94	36,92
Итого	112	141	253	100

[1]) Въ томъ числѣ окончившихъ курсъ 5, не окончившихъ — 19

[2]) Всѣ они не окончили курса въ высшихъ техническихъ (и медицинскихъ) заведеніяхъ.

Существованіе довольно близкихъ отношеній, въ особенности за первое время описываемаго періода, между русскими анархистами и *польскими эмигрантами* (по преимуществу—націоналистами), наводнявшими Швейцарію, хотя и не привело къ объединенію обоихъ революціонныхъ лагерей, но все таки имѣло извѣстное значеніе въ общей суммѣ дѣятельности русскихъ соціалистовъ за границею. Поэтому, полагаемъ не излишнимъ представить хотя краткій списокъ главнѣйшихъ (66) польскихъ эмигрантовъ, дѣйствовавшихъ за одно съ русскими анархистами, помогавшихъ имъ, вмѣстѣ съ ними хлопотавшихъ о выдачѣ Нечаева, участвовавшихъ въ общихъ, иногда весьма рискованныхъ предпріятіяхъ, и вообще, бывшихъ не малыми пособниками въ русскомъ революціонномъ дѣлѣ, въ Швейцаріи, за эти годы:

Арнотъ (Arnott), состоявшій въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Нечаеву, въ 1871-мъ году, въ Цюрихѣ [1]):

Барбаръ (Barbar), бывшій членомъ «Общества мстителей» за Нечаева [2]), въ 1872—1874 гг.

Бернадскій (Biernadski), причастный къ дѣлу о фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ денегъ [3]).

Бехоньскій, Войцехъ (Biechoński, Wojciech), постоянно проживавшій въ Цюрихѣ [4]), гдѣ былъ замѣшанъ въ дѣло о фабрикаціи русскихъ фальшивыхъ денегъ [5]).

Бонгаръ (Bongard), швейцарскій уроженецъ, но весьма долго жившій въ Польшѣ, наставникомъ въ семействѣ графа Старжинскаго и совершенно ополячившійся. За участіе въ мятежѣ 1863-го года, былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы, откуда бѣжалъ и прибылъ въ Швейцарію, гдѣ вошелъ въ близкую связь съ польскими и русскими эмигрантами, между прочимъ, и съ княгинею З. С. Оболенскою (см. это имя). Въ Швейцаріи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами польской эмиграціи, онъ былъ главнымъ дѣятелемъ по фабрикаціи русскихъ фальшивыхъ денегъ, за что былъ судимъ швейцарскимъ правительствомъ [6]). По порученію Серебрянникова, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ д'Артуаи (тоже бывшимъ въ Сибири, въ каторжныхъ работахъ), въ Россію, по дѣлу Интернаціонала [7]), въ 1870 году.

---

[1]) Швейцарская агентура—1871, № 95.

[2]) Ibid. 1873, № 145—См. тоже выше, стр. 50.

[3]) Ibid. 1873, № 113.

[4]) Ibid. 1870, № 26; 1871 г. №№ 41, 53,54,59, 78, 95; 1874,№ 159.

[5]) Ibid. 1874 г., № 157.

[6]) См. о немъ тоже, выше, стр. 17 и 138.

[7]) Дѣло № 85, 1870-го года, л. 12, по 8-й экспед.; Швейцарская агентура—1870, № 34.

Боссакъ (Bossak), извѣстный псевдонимъ графа Гауке († въ 1871 г.); воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, служилъ на Кавказѣ, впослѣдствіи—генералъ польскаго возстанія, желавшій, въ 1870 году, объединить польское эмиграціонное общество съ русскими анархистами [1]).

Брозевичъ (Brozewicz), занимавшійся у Тхоржевскаго, въ его типографіи; умеръ весною 1872 года [2]).

Брониславскій (Bronisławski), членъ «Общества мстителей» за Нечаева, въ 1872—1873 годахъ, въ Цюрихѣ [3]).

Булевскій (Bulewski),—натурализованный англичанином, одинъ изъ главныхъ поддѣлывателей фальшивыхъ русскихъ ассигнацій [4]); издатель революціонной газеты «Rzecz Pospolita», представитель Польши на базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала, вмѣстѣ съ Боссакомъ [5]).

Важневскій, Марцеллій (Ważniewski, Marcelli), замѣшанный въ дѣлѣ о фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ денегъ, торговецъ сигарами въ Женевѣ [6]); носилъ иногда псевдонимъ Домбровскаго.

Вилькошевскій, Іосифъ (Wilkoszewski, Józef), главный участникъ фабрикаціи русскихъ ассигнацій [7]), содержатель коммисіонерской конторы.

Витковскій, Теофиль (Witkowski, Teofil), жившій въ Цюрихѣ (носившій иногда псевдонимъ—*Кольбе*), замѣшанный тоже въ дѣло о фальшивыхъ русскихъ ассигнаціяхъ [8]).

Витманъ (Witman), бѣглецъ изъ Сибири [9]), гдѣ былъ въ ссылкѣ.

Врублевскій, Валерьянъ (Wróblewski, Walery), генералъ парижской коммуны, жившій часто по долгу въ Лондонѣ. Содержалъ славянскую типографію, въ которой печатались нѣкоторыя произведенія швейцарской рус-

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, №№ 1, 3, 6, 7, 14, 19, 29, 31, 35, 36, 37, 41, 43, 44, 46, 48, 85; 1872 г., №№ 39, 78; Секретн. свѣд. 1872, № 416. О сближеніи его съ русскими анархистами, см. выше, стр. 16 и 17.

[2]) Ibid.—1870, № 80; 1871, № 77, и 1872, № 34.

[3]) Ibid.—1874, №№ 197 и 200, см. выше, стр. 50.

[4]) Швейцарская агентура—1870, №№ 11, 12, 15, 33, 34 и 35, 1871, №№ 77, 78, 79, 81 и 84; 1872, №№ 1, 9, 78; 1873, № 120.

[5]) Секретн. свѣд. 1872, № 416.

[6]) Швейцарская агентура—1870, №№ 7; 1874, №№ 180, 187, 190, 192 и 197.

[7]) Ibid.—1870, №№ 18, 21 и 43; 1871, №№ 55, 66, 71, 78 и 81; 1872, №№ 44, 64, и 77; 1873, №№ 105, 125 и 141; 1874, №№ 180, 187 и 196. См. тоже о немъ, выше, стр. 17.

[8]) Ibid.—1870, № 44; 1871, № 82; 1874 г., № 187.

[9]) Ibid.—1872, № 6.

ской эмиграціи; она же снабжала его типографію русскимъ шрифтомъ [1]). Въ 1873-мъ году, ѣздилъ эмиссаромъ въ Россію, подъ фамиліей Гольбейна [2]), вмѣстѣ съ Лобовымъ. Въ 1878-мъ году, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Ткачевымъ и другими, по дѣламъ «партіи дѣйствія», тождественной съ «союзомъ политическихъ убійствъ» [3]). Въ 1874-мъ году, онъ посылалъ въ Россію эмиссаромъ эмигранта Лахманскаго [4]).

Гай (Gaj), состоявшій въ близкихъ сношеніяхъ съ Александровымъ [5]).

Гемпель (Hempel), бывшій членомъ «Общества мстителей за Нечаева», въ Цюрихѣ, въ 1872—1873 гг. [6]).

Гержковскій (Gierszkowski), купившій для себя, въ 1873 году, право женевскаго гражданства; былъ очень близкимъ человѣкомъ къ Бакунину [7]).

Грабовскій (Grabowski), изъ Литвы, проживалъ въ Женевѣ; былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Серебренникову [8]).

Детловъ (Detlof), членъ «Общества мстителей за Нечаева», въ 1872—1873 г., въ Цюрихѣ [9]). Въ 1873 году, ѣздилъ, вмѣстѣ съ Турскимъ, эмиссаромъ въ Россію, на средства женской кассы бакунистокъ [10]). Послѣ ареста Нечаева, вмѣстѣ съ Гольштейномъ, Гольденбергомъ и Александровымъ, издалъ дерзкій памфлетъ противъ швейцарскаго правительства подъ заглавіемъ: «An das Schweizeriche Volk», противъ чего полиціею были приняты энергическія мѣры [11]).

Дитцъ (Dietz), проживалъ въ Цюрихѣ, членъ «Соціально-демократическаго общества» Бакунина [12]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, №№ 35, 42 и 36; 1871, №№ 90, 99, 66, 89, 83, 72, 78 и 82; 1872; №№ 54, 53, 77 и 158; 1874, №№ 164, 162, 183 и 196.

[2]) Подъ тою же фамиліею, въ 1872 году, пріѣзжалъ въ Россію, эмиссаръ Компанскій (см. это имя).

[3]) См. выше, стр. 148.

[4]) См. ниже, это имя.—Швейцарская агентура—1874, №№ 164 и 187.

[5]) Ibid.—1872, № 31; см. тоже выше, стр. 77.

[6]) Ibid.—1874, №№ 197 и 200; см. тоже выше, стр. 50.

[7]) Ibid.—1870, №№ 3, 4, 6, 18; 1871, №№ 63, 55, 87, 88, 105; 1873; №№ 110, 129 и 147; 1872, №№ 33 и 37.

[8]) Ibid.—1870, № 29.

[9]) См. выше, стр. 50.

[10]) Швейцарская агентура—1873, № 81; см. тоже выше, стр. 58.

[11]) См. выше, стр. 44 и 90.

[12]) Швейцарская агентура—1872, №№ 71 и 72.

Добжанскій, Сигизмундъ (Dobrzański, Zygmunt), одно время состоявшій въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Александрову [1]) и Смирнову [2]).

Духинскій, Францъ (Duchiński, Franciszek), проживалъ въ Цюрихѣ, авторъ теоріи о туранскомъ происхожденіи русскаго народа [3]), читавшій даже на эту тему публичныя лекціи.

Жилко (Żyłko), проживалъ въ Цюрихѣ, гдѣ самъ набиралъ второе изданіе брошюры Соколова: «Отщепенцы», при участіи студентки Ольги Любатовичъ [4]).

Зажицкій, Іосифъ (Zarzycki, Józef), членъ Славянской секціи Интернаціонала, помогавшій Нечаеву выѣхать, въ 1872 году, изъ Галиціи [5]).

Залевскій (Zalewski), членъ Славянскаго соціальнаго общества, въ Бернѣ, основаннаго было Филипповымъ, въ 1873 году [6]), и собиравшагося на Mattenhof'ѣ.

Каминскій, Викентій (Kamiński, Wicenty), участникъ фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ денегъ, за что былъ арестованъ въ Парижѣ и содержался даже въ мазасской тюрьмѣ [7]).

Каневскій (Kaniewski), польскій студентъ въ Цюрихѣ, подвергшійся однажды побоямъ отъ бакунинцевъ, за то, что собиралъ подписку на конгрессъ 24-го мая 1874 г., въ Цюрихѣ (марксистовъ) [8]).

Кентжинскій, Теофиль (Kętrzyński, Teofil), проживавшій въ Цюрихѣ, членъ «Славянскаго соціально-демократическаго общества» [9]).

Кержковскій, Антонъ (Kierzkowski, Antoni), изъ Бреста, польскій студентъ въ Цюрихѣ [10]), членъ «Общества мстителей за Нечаева», бывшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Борису Серебренникову [11]).

---

[1]) См. выше, стр. 75, примѣчаніе.

[2]) Швейцарская агентура—1873, № 126; см. выше, стр. 142.

[3]) Швейцарская агентура—1871, №№ 78, 83, 95 и 99; 1872, №№ 6, 10, 24; 1874, №№ 183, 162; 1873, № 81.—См. тоже выше, стр. 11.

[4]) См. выше, стр. 74.

[5]) Швейцарская агентура—1872, №№ 6, 23, 20.

[6]) Ibid.—1870, № 43 и 44; 1872, №№ 6, 64 и 71; 1873, № 150; см. тоже выше, стр. 53.

[7]) Ibid.—1870, №№ 21, 56, 66, 89; 1873, №№ 131 и 119 Секретн. свѣд. 1873, № 93.

[8]) Швейцарская агентура—1874, № 185.

[9]) Ibid.—1872, №№ 22, 23, 66, 71 и 72.

[10]) Ibid.—1873, № 113.

[11]) Ibid. 1873, № 147; см. тоже выше, стр. 139.

Компанскій, Евгеній (Kompański, Eugenjusz), опытный заговорщикъ, членъ «Общества мстителей за Нечаева», другъ Каспера Турскаго, бывшій начальникъ польскаго отряда во время парижской коммуны, хранившій у себя, одно время, нечаевскій архивъ, въ Парижѣ [1]); завѣдывалъ, вмѣстѣ съ Токажевичемъ, въ 1873-мъ году, парижскимъ отдѣломъ Славянскаго соціально-демократическаго общества [2]), и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Александрову, Ваховскому и Денисенко [3]). Въ 1872-мъ году, ѣздилъ, подъ именемъ Гольбейна [4]), эмиссаромъ въ Россію, и потомъ жилъ долгое время въ Галиціи, для устройства и охраны сношеній эмигрантовъ съ Россіею [5]).

Коссобудскій, Іосафатъ (Kossobudzki, Jozafat), польскій типографъ въ Цюрихѣ, участникъ въ фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ денегъ [6]).

Крупскій, Станиславъ (Krupski, Stanisław), проживалъ въ Цюрихѣ, авторъ нѣсколькихъ революціонныхъ брошюръ (напр. «Die polnischen Fälscher», «Kalendarz polityczny na rok 1866», и друг.), редакторъ газеты «Głos Polski» [7]). Носилъ въ эмиграціи тоже иногда псевдонимъ «Кшижановскаго».

Кучикъ (Kuczyk), польскій эмигрантъ 1830-хъ годовъ, привлеченный къ дѣлу о фабрикаціи русскихъ фальшивыхъ ассигнацій [8]).

Лахманьскій (Lachmański), эмигрантъ проживавшій въ Цюрихѣ. Въ 1874-мъ году, ѣздилъ въ Россію эмиссаромъ отъ Врублевскаго [9]).

Мазуровскій, Владиславъ (Mazurowski, Władysław), изъ Калиша, игралъ большую роль въ эмиграціи, хотя не былъ собственно эмигрантомъ. Основалъ въ Швейцаріи «Общество польской молодежи» (Towarzystwo młodzieży

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 31; 1873, №№ 97 и 126; 1874, №№ 170, 180, 196 и 198.

[2]) Ibid.—1873, №№ 80 и 97 См. тоже выше, стр. 53 и 140.

[3]) Ibid.—1872, № 31; 1874, №№ 196 и 198; см. тоже выше, стр. 74, 86, 93 и 153.

[4]) Подъ этою же фамиліею пріѣзжалъ въ Россію, въ слѣдующемъ году, эмиссаръ Врублевскій (см. выше, стр. 116).

[5]) См. выше, стр. 67.

[6]) Швейцарская агентура—1872, №№ 16, 19, 99, 37, 95 и 80; 1874, № 187; 1871, №№ 78, 98.

[7]) Ibid.—1871, №№ 53 и 48; 1872, №№ 30, 37 и 76; 1874, №№ 198—200.

[8]) Ibid.—1870, №№ 2 и 15; 1871, №№ 79 и 81; 1872, №№ 44, 64, 77; 1873, №№ 105 и 145; 1874, №№ 180, 187 и 196.

[9]) Ibid.—1874, №№ 164 и 187.

polskiéj) и «Общество братской помощи» (Towarzystwo bratniéj pomocy). Былъ тоже членомъ Славянской секціи Интернаціонала [1]). На праздникѣ годовщины польскаго возстанія, въ Цюрихѣ, 9 (21) января 1873-го года, Мазуровскій ввелъ въ залу засѣданія Нечаева [2]).

Межинскій (Mieżyński), весьма опытный польскій заговорщикъ, близкій къ Нечаеву [3]). Въ 1870 году, онъ, вмѣстѣ съ Бакунинымъ, задумывалъ устроить покушеніе на жизнь Государя Императора, для чего собирался ѣхать, для свиданія съ Бакунинымъ, на югъ Франціи, въ Монпелье и Марсель [4]).

Микошевскій, Карлъ (Mikoszewski, Karol), ксёндзъ, авторъ брошюръ о примиреніи Польши съ Россіею [5]), потомъ замѣшанный въ дѣло о поддѣлкѣ русскихъ ассигнацій и арестованный въ Варшавѣ [6]).

Милковскій, Сигизмундъ (Miłkowski, Zygmunt), бывшій редакторъ газеты: «Niepodległość». Былъ въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ и ѣздилъ съ нимъ въ Вевэ, для свиданія съ Эдг. Кинэ, въ 1870 году [7]).

Мрочковскій (Mroczkowski), польскій эмигрантъ, жившій болѣе въ Женевѣ и Вевэ, постоянный спутникъ и сотрудникъ княгини З. С. Оболенской (съ которою недавно вступилъ въ бракъ), другъ Бонгара, издатель газеты «Praca», бакунинецъ. Былъ замѣшанъ въ дѣло о фабрикаціи русскихъ фальшивыхъ ассигнацій [8]).

Перетятковичъ, или Петриковичъ (Peretjatkowicz), изъ Умани, польскій студентъ въ Бернѣ [9]), принадлежавшій къ украинофильскому кружку. Велъ шифрованную переписку съ Кіевомъ. Въ Бернѣ, былъ близокъ къ Ралли, Волховскому и Нагурскому [10]),

---

[1]) 1872, № 10, 16, 23, 1871, № 78, 99, 59, 95, 1874, № 196.

[2]) Швейцарская агентура—1872, №№ 10 и 23; см. тоже выше, стр. 38.

[3]) Ibid.—1870, №№ 29, 30, 31 и 37.

[4]) Ibid.—1870, № 29; см. тоже выше, стр. 10.

[5]) Напримѣръ—La Pologne et la Russie dans la Slavie; Genève, 1872, 8° (№№ 1 и 2); по польски: Polska i Rossya w Słowiańszczyznie (12 и 18 стр.).

[6]) Швейцарская агентура—1870, №№ 6, 26, 29 и 33; 1871, №№ 71, 78, 61, 99; 1872, №№ 9, 11, 12, 13, 67, 75, 76, 78; 1873, №№ 120, 125 и 141.

[7]) Ibid.—1870, №№ 26, 41; 1871, № 81; 1872, №№ 39, 77, 120, 9 и 10. См. тоже выше, стр. 7.

[8]) Ibid.—1870, №№ 1, 2, 6, 7, 15 и 18: 1871, №№ 54—56 и 79, 1872, № 41; 1874, № 162; см. тоже выше, стр. 127 и 150.

[9]) Ibid.—1874, № 196.

[10]) Ibid.—1874, №№ 196 и 197.

Поранскій (Porański), былъ делегатомъ отъ поляковъ въ собраніи членовъ Славянскаго демократическаго общества, 4 января 1874 года, въ Женевѣ [1]).

Рапацкій (Rapacki), замѣшанный и приговоренный судомъ по дѣлу о фальшивыхъ русскихъ деньгахъ [2]).

Рейтманъ (Rejtman), Адольфъ, сынъ доктора медицины, въ Кіевѣ, студентъ въ Бернѣ, видное лицо въ средѣ мѣстныхъ интернаціоналистовъ-марксистовъ [3]). Впослѣдствіи оставилъ соціально-революціонную дѣятельность.

Рымтовтъ-Прэисъ (Rymtowt-Prince),—искусный граверъ и литографъ, поддѣлыватель русскихъ ассигнацій. Въ 1873 году, пріобрѣлъ женевское гражданство и принялъ фамилію жены своей—«Prince» [4]).

Савицкій (Sawicki), кончившій курсъ въ русской военной академіи, капитанъ генеральнаго штаба, начальникъ штаба кавалерійской дивизіи, стоявшей въ Курскѣ (1861), впослѣдствіи участникъ возстанія 1863-го года. Въ 1874 году, былъ польскимъ уполномоченнымъ въ «Славянскомъ комитетѣ» (Comité des Slaves), въ Цюрихѣ [5]).

Сасскій (Sasski), фотографъ, близкій человѣкъ къ Бакунину [6]), былъ агентомъ Мадзини.

Скржинскій, Витольдъ (Skrzynski, Witold), жилъ болѣе въ Бернѣ, по профессіи—кондитеръ; въ 1873 году, сдѣлалъ покушеніе на жизнь агента Стемпковскаго [7]). Онъ бѣжалъ въ Австрію и судился за это, въ Львовѣ, $^{10}/_{22}$ февраля 1875 года [8]).

Сохацкій (Sochacki), одинъ изъ основателей «Общества вѣстниковъ смерти» (des émissaires de la mort), въ 1870 году [9]).

Стойковичъ Аѳанасій (Stojkowicz, Atanazy), проживалъ въ Женевѣ, содержатель табачнаго магазина, близкій человѣкъ къ Бакунину. Въ 1874 году, купилъ себѣ право швейцарскаго гражданства [10]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1874, №№ 162 и 185; см. тоже выше, стр. 66.

[2]) Ibid.—1870, №№ 3, 6, 19, 29, 31; 1871, №№ 51 и 55; 1872, № 65.

[3]) Ibid.—1874, № 183 и 196.

[4]) Ibid.—1870, № 18; 1871, № 69; 1873, № 120.

[5]) Ibid.—1874, № 183.

[6]) Ibid.—1870, № 26; см. тоже выше, стр. 7.

[7]) Ibid.—1872, № 16; 1873, №№ 80, 85, 145, 146, 150; 1874, № 200.

[8]) См. тоже выше, стр. 50, 51 и 154.

[9]) Швейцарская агентура—1870, №№ 3, 1 и 7; см. тоже выше, стр. 17.

[10]) Ibid. – 1870, №№ 1, 3, 6; 1871, №№ 55, 57, 63, 65, 68, 73, 105; 1872, №№ 37, 43, 74, 78; 1873, №№ 104, 110, 129; 147; 1874, № 188.

Страховичъ, М. С. (Strachowicz), проживалъ въ Женевѣ, сынъ обѣднѣвшаго еврея, въ Ковнѣ; преподаватель русскаго языка въ Швейцаріи.

Сульчинскій, Янъ (Sulczyński, Jan), членъ Славянской секціи Интернаціонала [1]).

Тальмейеръ (Talmejer), ссудившій свой паспортъ для поѣздки эмигранта Бажанова, въ Лондонъ [2]).

Тарновскій, Игнатій (Tarnowski, Ignacy), членъ Славянской секціи Интернаціонала [3]).

Тицъ, Владиславъ (Tyc, Władysław), бывшій участникомъ возстанія 1863 года [4]), членъ «Общества мстителей за Нечаева» въ Цюрихѣ, въ 1872—1873 г. [5]). Сынъ его, въ 1879 году, вмѣстѣ съ Ткачевымъ, дѣлали приготовленія къ покушенію на жизнь Государя Императора, въ Эмсѣ [6]).

Токажевичъ, Іосифъ (Tokarzewicz, Józef), носившій весьма часто псевдонимъ «Ходи» (Hodi), членъ Интернаціонала, участникъ парижской коммуны [7]), бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими агитаторами, помогалъ Нечаеву по изданію «Общины» [8]). Въ 1871 году, вмѣстѣ съ Бакунинымъ и Нечаевымъ, отправлялъ въ Россію эмиссаромъ серба Рывачинина [9]). На оправдательныя показанія его въ пользу Нечаева, эмиграція сильно разсчитывала, по обстоятельствамъ дѣла, но Токажевича, въ то время, не было въ Швейцаріи [10]). Въ 1873 году, вмѣстѣ съ Компанскимъ, онъ былъ представителемъ, въ Парижѣ, мѣстной секціи «Славянскаго соціально-демократическаго общества», основаннаго Бакунинымъ [11]). Впослѣдствіи, Токажевичъ покинулъ революціонную дѣятельность и занимался литературнымъ трудомъ, корреспондируя иногда въ русскія газеты.

Тхоржевскій (Tchórzewski), польскій эмигрантъ въ Лондонѣ, а потомъ въ Швейцаріи; извѣстный близкій сотрудникъ Герцена [12]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, №№ 4, 10, 23.
[2]) Ibid.—1870, № 14; см. тоже выше, стр. 78.
[3]) Ibid.—1871, № 87.
[4]) Ibid.—1871, № 66.
[5]) См. выше, стр. 50.
[6]) Дѣло № 276, 1880 г., л. 233; см. тоже выше, стр. 148.
[7]) Швейцарская агентура—1870, № 2; 1871, №№ 54 и 66; 1873, №№ 53—57, 59, 60, 68, 72, 76 и 77: 1873, №№ 80, 97, 119 и 126.
[8]) Большею частью жилъ въ Парижѣ.
[9]) Швейцарская агентура—1872, №№ 54 и 57; см. тоже выше, стр. 18.
[10]) См. выше, стр. 43
[11]) Швейцарская агентура—1873, №№ 80 и 97; см. тоже выше, стр. 53.
[12]) Ibid.—1870, №№ 2, 7, 29, 32: 1874, № 197; см. выше, стр. 1.

Фалецкій (Fałęcki), отставной капитанъ русской службы, близко стоявшій къ Утину [1]).

Хылинскій, Игнатій (Chyliński, Ignacy), проживавшій въ Цюрихѣ, женившійся, въ 1871 году, на русской нигилисткѣ Ольгѣ Нахимовой [2]).

Цѣхановскій (Ciechanowski), проживавшій въ Цюрихѣ [3]), дѣятельный агитаторъ. Утинъ отправлялъ его, въ 1877-мъ году, въ Дунайскія княжества и Константинополь. Подъ его именемъ укрывался Нечаевъ, въ Галиціи.

Чарнецкій, Людвикъ (Czarnecki, Ludwik), близкій человѣкъ къ Герцену, содержатель русской типографіи, печатавшей всѣ герценовскія изданія,—прежде въ Лондонѣ, а потомъ въ Женевѣ, гдѣ онъ и умеръ, въ іюнѣ 1872 г. [4]). На могилѣ его, Огаревъ говорилъ надгробное слово [5]).

Ченсновичъ (Częsnowicz), польскій эмигрантъ, жившій въ Женевѣ, бывшій полковникъ повстанскихъ войскъ, дававшій иногда уроки русскаго языка, издатель газеты «Lud «Polski» (вышло всего 32 №№) [6]); былъ членомъ общества «Des Emissaires de la mort» [7]). Впослѣдствіи успокоился, такъ что эмиграція начала даже подозрѣвать въ немъ русскаго агента [8]).

Швайцеръ (Szwajcer), бывшій русскій офицеръ, участникъ парижской коммуны [9]).

Шидловскій, Альфонсъ (Szydłowski, Alfons), высланный изъ Женевы, въ январѣ 1874 г. [10]).

Шимановскій (Szymanowski), проживавшій въ Цюрихѣ, членъ «Славянскаго соціально-демократическаго «общества» [11]).

---

[1]) Швейцарская агентура—1870, № 29.

[2]) Ibid.—1872, №№ 4, 23, 77; 1871, № 95; см. выше, стр. 55.

[3]) Ibid.—1871, №№ 95, 99, 81, 90, 99; 1872, №№ 64; 44; 1870, № 29; ѣздилъ вмѣстѣ съ Озмидовымъ и Нахимовою (см. выше, стр. 125).

[4]) Ibid.—1870, №№ 2, 6, 8, 13, 19, 26, 29, 33, 44; 1871, № 95; 1872, № 39; Московск. Вѣдомости, 1873, № 14, стр. 5; см. выше, стр. 5.

[5]) См. выше, стр. 1 и 50.

[6]) Швейцарская агентура—1870, №№ 1, 3, 6, 7 и 18; 1871, №№ 55, 57, 62, 63, 85, 74 и 91; 1872, №№ 1, 14, 18, 20, 33, 34, 43 и 67.

[7]) Ibid. 1870, №№ 1 и 7.

[8]) См. выше, стр. 51.

[9]) Швейцарская агентура—1871, № 66.

[10]) Ibid. 1871, № 54; 1873, №№ 139, 195; 1874, № 197.

[11]) Ibid.—1872, №№ 64, 71, 72, 76.

Яницкій (Janicki), уроженецъ юго-западнаго края, близко стоявшій къ кружку русскихъ эмигрантовъ и совмѣстный съ ними дѣятель; участникъ попытки освободить Нечаева, на пути къ желѣзной дорогѣ, въ Цюрихѣ [1]), попытки, впрочемъ, неудавшейся. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей, а затѣмъ и предсѣдателемъ «Общества мстителей за Нечаева» [2]), просуществовавшаго всего два—три года (1872—1874). Будучи талантливымъ рисовальщикомъ, онъ осмѣялъ Лаврова и его «лавровцевъ», Лобова, покупку «русскаго дома», а также студентокъ—эмигрантокъ въ Цюрихѣ,— въ бойкихъ каррикатурахъ [3]). Въ концѣ 1873 года, онъ находился въ Кіевѣ. О дальнѣйшей судьбѣ его будетъ сказано въ свое время [4]).

1884 г.

---

[1]) Швейцарская агентура—1872, № 105; см. тоже выше, стр. 45.

[2]) Ibid. 1873, № 145; см. тоже выше, стр. 50 и 115.

[3]) Ibid. 1873, № 118; см. тоже выше, стр. 58, 63 и 116.

[4]) Дѣло № 491. 1873 г., л. 16; № 144, 1874 г., ч. 7, л. 211—213; № 398—1878 г., л. 20.